

ГЛАВА 1

Аншлагбаум, или Как зачетно развлечься в провинции у моря

Укутавшись в черную ночь, южное побережье спокойно дышало под полной луной, бесстыдно оголившей всю свою округлость среди сотен маленьких звезд. Звезды, в свою очередь, едва заметно перемигивались, словно домохозяйки, сплетничающие об откровенных нарядах своей немолодой соседки. И только мудрое море то и дело шикало на болтушек, как старый сварливый дед, рассказывающий о военных подвигах своим внукам — полудуркам и непоседам.

По горному серпантину лихо неслась черная иномарка, заглушая своим мотором смиренно шуршащее море. Из-под колес «BMW» нетерпеливо вылетала дорожная пыль, которая в темноте казалась ослепительно-белой, и тут же оседала на дорогу. В машине, непрерывно хохоча, ехали пять человек, объединенные желанием сжечь эту южную ночь в огне своего беспробудного веселья.

На переднем сиденье, рядом с водителем, сидел крепкий насупленный парень, облаченный в пляж-

АНТОН СОЯ

но-спортивные бриджи и майку цвета ночного неба, на котором так озорно переговаривались надоедливые звезды. За свое крепкое телосложение и зверское выражение лица он получил прозвище Бугай, как его теперь и называли все от мала до велика. Бугай уверенно держал в левой руке полупустую бутылку шампанского и качал коротко стриженной головой в такт музыке, звучащей только в его ушах. Периодически прикладывая горлышко бутылки к достаточно пухлым, разбитым на боксе губам, Бугай веселел и поглядывал в окно, издавая малопонятные звуки, которые, вероятно, означали восторг от увиденного. Слева от изворотливого серпантина, по которому неслась пятерка весельчаков, скворчала сковорода моря, справа монотонной стеной возвышались горы.

На заднем сиденье тонированного «BMW» развалился маленький, достаточно плотный мужичок лет двадцати пяти. Юрец, а именно так все называли данного персонажа, был одет лишь в короткие летние шорты. Мускулистое туловище Юрца было сплошь утыкано цветными татуировками и в данный момент подвергалось легким объятиям и покусываниям девиц, крашеной блондинки и брюнетки. Девушки, сидя по обе стороны от вальяжного сердцееда, умудрялись время от времени что-то снюхивать с кредитки, зажатой в железных пальцах атлета. При этом все трое ни на минуту не прекращали хохотать.

За рулем, вцепившись руками в баранку, а взглядом — в ночную дорогу, сидел нервный провинци-

6

альный прощельга — Серый. Из-под цветастой гавайской рубашки торчали сильно загорелые худые руки, лихо вертящие руль в разные стороны, в унисон сумасшедшему серпантину. На шее Серого висела толстая золотая цепь прекрасного самоварного золота. Водитель напряженно сжимал челюсти и посматривал на часы. Когда метрах в десяти от его носа забелел шлагбаум, он покорно остановил машину, выключив фары. Рядом со шлагбаумом расположился огромный перекошенный рекламный щит нелепого содержания: «Добро пожаловать в Южноморск — заповедник российского джаза». Со щита на «бумер» с туристами зловеще уставились улыбающиеся Утесов и Орлова. Между шлагбаумом и щитом стояла будка, в которой, услышав шум подъезжающей машины, проснулся старый дед, облаченный в бескозырку с надписью «Стерегиущий» и матросский бушлат на голое тело. Дед настороженно прищурился и рефлекторно подтянул к себе двустволку, увидев, как из машины выходят пятеро молодых ребят.

— Это и есть твой сюрприз? — поспешил наехать на водителя суровый Бугай. — Смешно. На КПП похоже. Тоже мне — экзотика!

— Тихо, тихо, — замахал на него руками Серый, резко захлопнув дверь «бомбы», — это и есть КПП, таможня Пастуховская, не надо так шуметь.

— Выбросили бабки... Понятно, — не утихал Бугай, — ну да, ты же местный корень, что ты нам еще мог показать? Пастух какой-то, таможня, черт ее

АНТОН СОЯ

дери! Что за понты деревенские?! Слушай, Серый, мы с Юрцом — клиенты привередливые, — махнул Бугай бутылкой шампанского в сторону своего маленького друга, обвитого двумя ногастыми девицами около машины, — мы с ним и на Ибице клубились, и на Гоа трансили, оттягивались так, что никому и не снилось, так что нас на интерес пробить — дорогого стоит. Что ты нас паришь-то, а? — сорвался крепыш на крик.

— Я, ребят, зря денег не беру, — картинно обиделся Серый, потупив взгляд, — и никого не парю. Может, я, конечно, и из деревни, как ты выразился, но «ибицами» и «голотранцами» нас тут не удивишь. Тут у нас у самих этих «голотранцев ибицца» немерено, увидишь еще.

Тут в разговор вклинился Юрец, высвободившийся из объятий четырех женских рук:

— Эй, братва, что за гонево? Развели тут КВН какой-то! Серый, отвези-ка нас лучше на хороший пляж, будем голыми купаться. Экзотика не экзотика... Ну, облажался ты, с кем не бывает? Бабло отдашь, и все забыли.

Услышав про купание, девицы, до сих пор лениво переминавшиеся на длинных, утомленных дорогой конечностях, резко оживились и заблестели глазами и зубами.

— Так, друзья, минутку, — возбужденно затараторил Серый, в сотый раз посматривая на часы. — Если мой информатор меня не подводит, а он, сука, меня никогда не подводит — то сейчас все будет.

8

В этот момент луну закутали рваные облака, а с другой стороны шлагбаума показались две пары фар. Сквозь ночную мглу, навстречу ошалевшим спорщикам, по горному серпантину летели два зловещих катафалка, отражающих блестящим хромом лунный свет и при ближайшем рассмотрении оказавшихся отлично сохранившимися ЗИМами. Из открытых окон машин торчали руки с пистолетами, и в черное небо летели оглушительные выстрелы, словно салют в честь встречи.

— Круто! — заверещала блондинка, вроде бы обрадовавшись, однако быстро отступив к «бумеру». — Это же Пастух с братвой!

— Да что за пастух, вашу мать?! — не спешил сбавлять обороты Бугай, размахивая своей бутылкой.

— Сейчас увидишь, — довольно съехидничал Серый. — Вы хотели экзотики — получайте и наслаждайтесь, только тихо.

Юрец, не обращая внимания на визги своих подруг и негодование Бугая, достал из кармана шорт маленький плоский телефон с камерой и возбужденно начал снимать. Он фотографировал блестящие автомобили, луну, море и побелевшего Серого, который настороженно и испуганно замахал перед носом папарацци руками.

— Ты что, ты что, нельзя! — хором завопили девицы и Серый. — Убери скорее!

— Да ладно вам, — не унимался оператор, продолжая снимать и выдавая восхищенное «ио» на-

АНТОН СОЯ

много чаще, чем слышались выстрелы по ту сторону шлагбаума.

— Да чего вы суетитесь, мы же питерские пацаны, — вступился Бугай. — Пусть только кто вякнет — уроем!

ЗИМы, подъехав вплотную к шлагбауму, произвели нехитрый маневр, в результате которого встали друг к другу хромированными блестящими задницами на расстоянии десяти шагов и врубили мощные задние фары. Затем из них вышли четверо импозантных мужчин, одетых по американской моде двадцатых годов прошлого века, в котелках и в темных, несмотря на не самое светлое время суток, очках. Не замечая веселой компании по другую сторону шлагбаума, модники открыли багажники своих авто, из которых буквально повалили голые мужчины и женщины, никак не меньше десяти особей, облитые дегтем и обсыпанные белыми перьями. Привыкшие к темноте багажника и теперь ослепленные яркими фарами, не переставая орать от страха и ругаться, они забегали как попало, натываясь друг на друга, на шлагбаум, спотыкаясь и наворачиваясь под улюлюканье и выстрелы в воздух людей в котелках. Один, самый толстый, то и дело падая, катался на своем надутым животе, как неваляшка. Жирные и тощие, с отвислыми животами и грудями, вытаращенными глазами и вытянутыми вперед руками, нелепые и беззащитные в наготе своей — они вызывали одновременно и сочувствие, и отвращение, но прежде всего непроиз-

10

вольный смех, от которого было просто невозможно удержаться. Картина была до того фантазматична и смешна, что казалось, над несчастными потешаются звезды и луна, хотя, возможно, они зарыдали бы от жалости, когда бы не одно обстоятельство. Ведь если жалкие тела незадачливых бедолаг еще могли вызвать сочувствие, то их узнаваемым даже в кошмарном сне лицам не приходилось сейчас рассчитывать ни на что, кроме смеха. Смеха до рвоты...

— Да это просто «Аншлаг» какой-то, — прокашлял в приступе хохота вытаращивший глаза Бугай.

— Точно, — ответил ему Юрец, стараясь подавить конвульсию смеха, мешающую съемке. — Я глазам своим не верю, походу, он и есть.

— Смотри, маленькая в перьях летит прямо как воробей. Серый, это что, киноху снимают? — хлопнул прощенного проводника по плечу Бугай.

— Не совсем. Нам пора от греха... — заторопился бывалый Серый, упивающийся своим величием.

Пару часов назад эти расфуфыренные бабуины подвергали сомнению его предложение показать им за двести «бакинских» главный аттракцион в их жизни. А теперь они чуть не кипятком обмочились от щенячьего восторга. Однако пора было сваливать, зрелище становилось все более опасным.

Несколько монстров отделились от всеобщего безумия и хлынули прямо на разинувшую рты пятерку, которая до сих пор не попадала в поле зрения бандитов Пастуха. Из-под их босых ног поднимались

АНТОН СОЯ

клубы дорожной пыли, от рук летели перья, изо рта брызгала слюна нездоровья. В бешеных от злости глазах отражались серебряные звезды, придавая неоципанным гигантским курицам вид отрицательных сказочных героев. В этот момент казалось, что море шумит громче прежнего, то ли ругаясь на происходящее, то ли упиваясь этой невероятной постановкой театра жизненного абсурда.

Длинноногие девицы у «BMW», которые все это время перешептывались и хихикали на ушко друг дружке, в несколько секунд сменили загорелый цвет лица с голливудской улыбкой на бледно-серые тона, вытаращили глаза и с визгами забрались в машину. Юрец и Бугай, вошедшие во вкус, еле успели увернуться от зомби в перьях и гоготали, заглушая выстрелы. Юрец старался снять каждое движение монстров юмора, при этом подмигивал Бугаю и временами присасывался к его бутылке шампанского.

— Скорей, скорей в машину, — завопил Серый, — нас уже засекли! Быстро!

— Да подожди ты, самое инте... — начал было бухтеть Бугай, пока его не оборвал выстрел, выбивший телефон из рук его товарища-папарацци. Камера разлетелась на мелкие кусочки, которые больно отскакивали от голых ног, небольшой объектив покотился по дороге, как монетка по столу, а маленький квадратик дисплея нахально спикировал в самую ответственную часть тела Юрца. Но от секундного замешательства и шока тот даже не заметил собственной боли. Вторая пуля разбила бутыл-

ку шампанского, за которую Бугай так крепко держался все это время. Осколки посыпались на дорогу, а крепыш так и остался с горлышком в правой руке, удивленно хлопая огромными серыми глазами.

Через несколько секунд раздался пронзительный визг шин, и все пятеро уже неслись в противоположную от КПП сторону, сопровождаемые выстрелами бандитов и криками людей в перьях.

* * *

— Слушай, Пузцо, — недовольно сказал, провожая взглядом стремительно удаляющуюся «бомбу», один из разряженных франтов с пистолетами — высокий брюнет со шрамом на подбородке, похожим на индейскую стрелу, — Серый-то наш совсем, похоже, обнаглел, туристов уже по ночам стал возить. Кто-то стукнул ему, а, Пузцо? Процентом не платит уже давно, пора у него «бумер» отбирать. Ни днем ни ночью нет житья от этих фриков.

— Да ладно тебе, Саныч, пусть живет экскурсовод, — ответил ему похожий на бочку приятель в лихо заломленном на затылок котелке. — Может, хватит с этих придурков? Чего-то я проголодался...

— Эй, Пастух, — крикнул Саныч, — посвети-ка юмористам!

Правый ЗИМ неторопливо, чтоб никого не задавить, развернулся лицом к морю, включил дальний свет фар и заботливо осветил юмористам дорогу к спасительной воде. Пока бандиты доставали

АНТОН СОЯ

из салонов машин сумки и чемоданы аншлаговцев, бережно складывая поверх них одежду и выставляя их за шлагбаум, чудища в перьях тотчас успокоились и покорно пошли мыться, виновато понурились головы. Кто-то продолжал натужно крякать или издавать еще более странные звуки, кто-то то и дело порывался бежать, а потом резко останавливался, кто-то загребал ногами песок и швырялся им в спину товарища, который топал впереди. На челах перьевых чучел не отображалось в данный момент абсолютно ничего. Они шли с лицами усталых роботов — стеклянный взгляд, ненатуральный цвет кожи, неподвижные мышцы. «Жизненности» этим персонажам придавали только капельки пота, покрывавшие их лбы, как блестящие стразы. Капельки перекликались с небом, переливались и светились, как их маленькие друзья звезды на темно-синем небосводе.

— А говорят, они несмешные стали. Врут! Ты посмотри, как бегут, — сказал верзила, из-под котелка которого выбивались непослушные рыжие лохмы.

— Обхохочешься! — подыграл ему Пузцо. — Ты прав, Ромеро, «Комеди Клуб» до них как Билану до Кобзона!

Из ЗИМа меж тем уверенно вышел высокий мужчина с тонкими усиками, наряженный в красивый белый костюм, такой вычищенный, что практически светился в темноте, соревнуясь с полной яркой луной и фарами автомобилей. В зубах его дымилась сигара, а в левой руке красавец держал

желтый пластмассовый мегафон. Он медленно захлопнул дверцу машины, прошел несколько шагов и остановился с чувством выполненного долга, вполглаза наблюдая за удаляющимися чучелами. Он картинно докурил дирижаблик кубинской сигары, выпуская густой дым в сторону луны, от чего болтливые маленькие звездочки завозмущались пуще прежнего. Закончив табачную процедуру, «белоснежный бандит» выплюнул сигару под одну из машин и сделал еще пару шагов, после чего аккуратно приложил к губам мегафон.

— Граждане юмористы, — крикнул он толпе «цыплят», шагающей в сторону воды, — спасибо за представление, все было очень и очень... смешно!

Один из юмористов, самый толстый, с огромным перьевым животом и ярко-розовыми ногтями, повернулся на голос уже смеющегося главаря и завопил что есть сил, размахивая правой рукой так, будто он на каком-то политическом митинге:

— Ах ты, негодяй! Сопляк! Гад! Скунс! Да ты не знаешь, с кем ты связался! Ты покойник, вы все, все покойники!

Бандиты разом присели, корчась от смеха, и начали гоготать во всю глотку, не слушая дальше криков толстяка в перьях.

— Вот умора. Ой, не могу, — хрипел Саньч.

— Я ж тебе говорил, что он лучший! Охрененно смешной! — булькал Ромеро. — Спасибо, Пастух!

— Ну, ладно, — крикнул Пастух в мегафон, слегка посмеиваясь, — нам пора! Приезжайте еще!

АНТОН СОЯ

И слушайте джаз! — И, уже убрав мегафон, добавил своей веселой братии: — Хватит ржать, битлы. По коням!

Нервно захлопнулись дверцы автомобилей, и загудели въедливые моторы. Южное побережье все так же куталось в черную ночь. Луна уютно дремала в рваных облаках. И только рев удаляющихся машин и плеск моря, в котором кучка странных людей пыталась смыть с себя деготь, нарушали сонную тишину.

ГЛАВА 2

Кто такой Пастух, или Как поднять музыкальную культуру в захолустном городке?

Черный «BMW» так быстро летел по горному серпантину, что Серый едва успевал следить за поворотами. Он крепко вдавил педаль газа в пол и неся, рассекая ночную тишину, как метеорит сквозь космическое пространство. На заднем сиденье по-прежнему расположились Юрец и барышни. Только теперь все трое не были такими же веселыми и задорными, как некоторое время назад. Они сидели ровно, вжавшись в сиденье, и нездоровой белизной своих лиц походили на восковые фигуры. Девицы практически не моргали и держали свои руки на коленях, как школьницы, которые готовятся к выговору директора. Их длинные выкрашенные волосы слегка намokли от холодного пота, но лица с каждой минутой теряли свою мертвенную бледность. Рядом с Серым сидел Бугай. Он лишь изредка отрывал руки от лица, молча хлопал глазами в сторону Серого и снова прижимался к своим мощным ладоням. Серый

АНТОН СОЯ

первым начал приходить в себя и спросил, противно посмеиваясь:

— Ну, как вам наша джаз-банда? Не жалко теперь денег?

— Это жесть, Серый. Нас чуть не продырявили какие-то клоуны, — передернулся всем телом Бугай, в очередной раз отрывая руки от лица. — Ты чего, гадина, предупредить не мог?

— Нет, не мог. Вы же сами хотели острых ощущений, «бабки» заплатили... Да и потом, разве ж вы поверили бы в то, чтобы весь город поголовно слушал и распевал джаз, а за прослушивание другой музыки штрафы брали, и немалые? Чтоб людям телевизор запрещали смотреть — только новости и «Культуру»? Да чтоб приезжих артистов на потеху толпе всячески мучили, вы б в такое поверили, а?

— Спасибо, друг, теперь поверили. Гони дальше! — съязвил Бугай, постепенно приходя в себя. Его руки еще немного тряслись, а в стеклянных глазах перемешивались страх, гнев и радость спасения.

— А я и не гоню. Только скорость прибавляю, — довольно усмехнулся своей шутке Серый и поддал газу. — Вот уже пять лет, как городишком Южноморском правит самая что ни на есть лютая джаз-банда «Веселая бригада» под предводительством Кости-Пастуха. Его на зоне Карл Иваныч короновал, слышали про такого?

— А как же, слышали, — подал на удивление утончившийся голос Юрец, — Папа Карло, пожизненку тянет.

— Ну вот. Пастух пресловутый всегда был повернут на совковом джазе, на Утесове там и диксилендах всяких. На саксе играл, а в тюрьму попал за поножовщину в лихие девяностые. Ну и Папа Карло тот еще старый джазмен и тоже саксофонист, еще у Лундстрема дул. Папа Карло Пастуха пригрел, человеком сделал и джазовое воспитание дал. Так вот, откинулся Пастух, собрал свою джаз-банду и стал в городе жестокие порядки наводить. Данью всех обложил и музыкальный вкус свой стал навязывать. Ох, сколько народу за просто так полегло! Зато теперь в Южноморске джаз любят все.

— Псих какой-то! Дичь страшная. У нас в Питере и бандиты-то давно уже повымерли, все они теперь уважаемые люди, честно рейдерским бизнесом занимаются, в охранных структурах служат или в депутатах, а у вас тут какой-то музыкант в законе целый город на уши поставил! Допустим, наши друганы нормальные шансон слушают, и чего теперь? Всех, кто слушает попсу или рок, стрелять без разбору? Бред и беспредел. — Юрец, поддавшись порыву, резко зажестикублировал и тут же пожалел об этом, со стоном схватившись за больной пах.

— Во-во. В Южноморске тоже сначала прикалывались над Пастухом с его бандой. Сколько народу блатного полегло зазря. Зато теперь в его команде только настоящие джазмены. Они днем свое правосудие вершат, за порядком в городе присматривают, а по вечерам песни репетируют. Каждую

АНТОН СОЯ

субботу — концерт. Сперва народ пинками загоняли, а теперь все привыкли, сами приходят добровольно и даже гордятся тем, что у них город такой особенный. В кинотеатре уже три года всего три фильма идут: «Веселые ребята», «Мы из джаза» и «Серенада Солнечной долины».

— Скукотища какая, — протянул Бугай, уже полностью пришедший в себя. — Да вся молодежь из такого пионерлагеря давно б уже посваливала. Да и любой нормальный чел давно бы уже укатил из такой дыры.

— Так вы ж видели, как Пастух их развлекает, — нервно захихикал Серый. — Он два раза в месяц привозит попсу разную и изгаляется над ней что есть сил.

В это время на заднем сиденье наконец-то начались робкие движения, и барышни, постепенно оттаявшие от своей холодной бледности, неуверенно, но охотно вклинились в разговор.

— Да-да, — еле слышно буркнула брюнетка, — ездила я к ним на «зверей» в зоопарке смотреть.

— Чего?! — спросили Юрец с Бугаем одновременно и впились взглядом в одну из своих спутниц, ожидая объяснений.

Девушка нервно перебирала пальцами свои волосы и сквозь темные стекла иномарки наблюдала за мигающими звездами. Звезды на сей раз вели себя достаточно спокойно, будто старались не шуметь, чтобы услышать каждое слово, произнесенное в несущемся кометой «BMW».

— Это когда Пастух группу «Зверюги» на Центральной площади неделю в клетках держал. У Южноморска на это время был собственный зоопарк. Рома был такой миленький, жалко его было. Все им фрукты в клетки кидали...

— Еще как-то раз там «Дельфинарий» был, — подхватила блондинка, радуясь возможности поддержать беседу.

— «Хвабрику» целый месяц на прядильной фабрике отработать заставил.

— «Пасту» голыми заставил свеклу копать, — перебивали друг друга девицы и Сергей.

— А это еще зачем? — недоумевали Бугай и Юрец.

— Для создания более яркого образа, тростник-то у нас не растет. И чтоб нашли свои негритянские корни, вероятно.

— Он что, расист? Хорош джазмен. Как же он негров-то может не любить? — осклабился Бугай.

— Не-е, своих он любит. Армстронга там, Фицджералд, Гараняна. Дулину даже нашу любит, которая в кино негритянкой джаз пела. Она у него как икона, наряду с Утесовым, — успокоил его Серый.

— Короче, он про черные корни джаза знает, просто рэп, соул и арэнби не любит. Кстати, про корни. Вы про группу «Сучья» слышали?

— Сучья — в смысле бабская? — спросил Юрец.

— Что за сучья группа? — удивился Бугай.

— Ладно, не важно. В общем, «Коррней», бедных, на день врыли по колено в городском саду. Ну а «Стреллки»-то вообще забили.

АНТОН СОЯ

— Насмерть? — выдохнул Бугай.

— Да нет, просто забили двери клуба и сутки крутили им их фонограмму на полной громкости. — Серому явно доставляло удовольствие, какое впечатление производит его рассказ на залетных птичек. Все их вчерашние понты как ветром сдуло.

Пока Юрец и Бугай, вытаращив на рассказчиков глаза, пытались переварить услышанное, блондинка радостно продолжила:

— С «Рукки вверх» вообще смешно было. Концерт у них на площади был. Ну свет там, шоу всякое разное. Начинается концерт, на сцену Пастух с братвой заваливается — все со шпалерами — и берут их на мушку, типа «Хэнде хох!». Так они весь концерт с поднятыми руками и простояли. Пока фанера их не отыграла. А вот Варька Злючка молодец, сбежала от них. Пастух так злился, неделю болел, убить ее пообещал.

— А Маню Огонек не Пастух затушил? Ха-ха, — неудачно попытался схохмить Бугай.

Серый перекрестился, придерживая руль левой рукой.

— Как не стыдно! Не было такого. А вот как «Лесоподвал» с «Ворошайками» улицы в Южно-морске мели, могу рассказать.

— Так, стоп, хватит. Достаточно с нас мутоты этой, — наперебой затараторили Бугай и Юрец. — Чего ж они тогда ездят-то к ним, звезды эти звезданутые?

— Да сам не пойму, летят как мотыльки на свечку. Будто им тут медом намазано, — недоуменно пожал плечами Серый.

— Так, брателло, кранты вашей веселой бригаде. Не на тех напали, клоуны. Мы таких людей подтянем — «Вымпел» с «Альфой» отдыхают. И за артистов отомстим, и за Юрцовы яйца, и город от ярма придурка ненормального освободим! — яростно пообещал Бугай.

— Ага, — с усмешкой кивнул Серый, — флаг вам в руки — барабан на шею. Давно пора. Только вот героев настоящих не нашлось пока.

ГЛАВА 3

Карл Иванович и Люба, или Как общаться с талантливым музыкантом

День выдался исключительно солнечный и теплый, несмотря на середину октября. По небу одинокими кляксами разбрелись несколько сизых облаков, которые в силу своего одиночества опасались нападать на весело светившее солнце и просто уныло поддавались порывам легкого ветра и лениво перемещались по голубому полю, меняя свои очертания. По тюремному двору взад-вперед разгуливали заключенные. Некоторые из них ходили парочками и разговаривали, остальные задумчиво поглядывали наверх, изучали силуэты одиноких облаков сквозь колючую проволоку и монотонно курили. Почти все они были в одинаково серых и мрачных одеждах; у всех были угрюмые выражения лиц, короткие волосы и разные жизненные истории, из-за которых теперь они были вынуждены проводить время отнюдь не весело. Один из узников, одетый в серые спортивные штаны и теплую куртку на голое тело, походил на домового. Одежда его настоль-

ко запачкалась, что едва ли напоминала спортивный костюм. А может, это был и не спортивный костюм. Недавно остриженные волосы отросли и теперь торчали в разные стороны как солома, а на подбородке сидела неухоженная, растрепанная борода. Заключение провел здесь уже несколько лет, за это время совсем потерял форму и лишился всякого намека на возраст. Но глаза, озлобленные, усталые, ясно давали понять, что мужичку не больше тридцати, в то время как грязная одежда и общая потрепанность запутывали, превращали этого стройного, но ссутуленного человека в старого деда. Он никому никогда не рассказывал, за что попал в это злачное место, и вообще редко шел на контакт, предпочитая сидеть на своем месте и перебирать волнующие мысли, едва шевеля при этом сухими обветренными губами. Некоторые из сокамерников даже не помнили, как его зовут.

Рядом с обшарпанной стеной, где угол крыши создавал небольшую тень, стояли двое выдающихся сидельцев, можно сказать, тюремная элита. Один из них — Карл Иванович — старый вальжжный вор, с благородной осанкой и легкой, ухоженной, насквозь седой бородой, провел тут намного больше времени, чем неопределенного возраста заключенный в серой одежде, но выглядел не чета ему. На нем был синий спортивный костюм, отличавшийся аккуратностью и чистотой, и черные кожаные кроссовки. Старик разговаривал очень мягко и вкрадчиво, не спеша курил и постоянно поглядывал на

АНТОН СОЯ

голубое до спазмов в груди небо. Второй заключенный — Пастух — был гораздо моложе, в черной майке, весь покрытый татуировками. В левой руке молодой крепко сжимал саксофон, правой он то и дело нервно поглаживал себя по затылку, а после хрустел пальцами так, что сидящие на колючей проволоке воробьи разлетались в разные стороны.

— Константин, — по-отцовски тепло, с прибалтийским акцентом говорил Карл Иванович, — пришел ты на зону пять лет назад плохим вором и ужасным музыкантом, а выходишь красиво — маэстро в законе.

— Спасибо, Карл Иваныч. Спасибо вам огромное за науку джазовую, за то, что уму научили, на ноги крепко поставили. Я вас век не забуду, Карл Иваныч! — В сиэплом, маскулинном голосе Пастуха зазвучали надрывные душевные нотки.

Старик обнял Пастуха так, что кости затрещали, и в небо поднялась новая воробьиная стайка, шустро махая маленькими крыльями.

— Жаль, что мне на твоих концертах не бывать, не джемовать, — не отпуская объятий, продолжал Карл Иванович. — Я тебе свой фрак отдам, я в нем еще с Утесовым играл. Но ты пообещай мне, что в этом фраке в Москве выступишь!

— До чего ж вы, немцы, народ сентиментальный! — с трудом освобождаясь из стариковских объятий, сказал Пастух. — Карл Иваныч, да я вам и сейчас что хотите, то и сыграю! Скажите только что.

26

— Вот это, — показывая пальцем на свежую партию воробьев, компактно устроившихся на ключей проволоке, как на нотном стане, попросил Карл Иванович.

Пастух с минуту поглазел на пернатую живность, поднес костяной обкусанный мундштук ко рту и начал играть. Получилось нечто из авангардного джаза. Птички, заслышав хриплый голос сакса, возбужденно перелетали с места на место, ведя вперед необычную живую музыкальную пьесу. Заключенные, что хаотично прогуливались по унылому тюремному двору, с разных его концов стали подтягиваться на звук саксофона. Вокруг Пастуха образовалась серая толпа с лицами, на которых привычно натянутой миной красовался восторг. Только один из заключенных начал нервно, по-дурацки смеяться. Это был молодой парень с разбитой губой и шишкой на лбу. Он только вчера пришел в это хмурое место и еще не узнал местных порядков. Но тотчас же здоровяк в черной растянутой футболке гулко, как в большой барабан, ударил бедолагу по спине за неуважение к старшим и к вечной музыке свободы. В тот же момент к весельчаку быстрым шагом подкатился толстяк в черной робе и вырубил его прямым ударом в челюсть.

Пастух играл самозабвенно, прикрыв серые глаза, но все же успел едва заметным кивком отметить действия верных товарищей, Автогеныча и Пузца, по ликвидации музыкальной безграмотности. Папа Карло одобрительно качал головой, на вышке за-

АНТОН СОЯ

слушался часовой. Вдруг один из воробьев на ключей проволоке громко, мультипликационно чихнул, нарушая «идиллию», соседний воробей упал замертво, видимо поймав бациллу страшного птичьего гриппа, а остальные поспешно разлетелись подальше от источника заразы. На зоне завывла сирена, постепенно переходящая в звонок мобильного, играющего «Нам песня строить и жить помогает». Налетело странное марево, все поплыло перед глазами, закрутилось и превратилось в белое пятно потолка.

* * *

Пастух лежал на своей кровати в огромной, дорого обставленной спальне и из последних сил пытался ухватиться за хвостик быстро удаляющегося сна. Он без конца повторял имя старого вора, смешно складывал губы в трубочку и накрывался одеялом и подушками, чтобы оградить себя от мешающего наслаждаться воспоминаниями въедливого звука, но звонок мобильного не замолкал, и Пастуху пришлось пересилить себя и разлепить глаза.

— Да! Чего? Слушай, мне опять зона снилась, Карлуша. А тут, блин, ты со своими делами, — хрипло и недовольно заворчал Пастух. — Ну, хорошо-хорошо, городской банк, отец родной. Да помогу, конечно, на том и стоим. Что за фермер? В Беленджике? И много он городу задолжал? До хрена. Лады. Сегодня у нас концерт. Суббота — сам пони-

28

маешь. Но завтра мы с пацанами прокатимся — решим твои проблемы. Все, отбой.

Пастух злобно швырнул трубку на тумбочку, что стояла рядом с кроватью, и повалился обратно в мягкие подушки, похожие на те воздушные мягкие облака из сна. Над его головой висели портреты Утесова, Орловой, Дулиной и Армстронга, приветливо улыбаясь своему поклоннику и даже как будто подмигивая. Сквозь зашторенное огромное окно сочился насыщенный солнечный свет, указывающий на то, что день в самом разгаре. Соседские ребяташки гоняли на велосипедах, повизгивая от радостной беззаботности, из чьей-то открытой машины доносились задорные нотки саксофона вкупе с хриловатым голосом, а розовые кусты, что росли прямо под окнами спальни, нехотя поддавались ветру и противно царапали стекла. Пастух лениво простонал, понимая, что окунуться обратно в приятный сон не получится, потер сильными руками щетинистые щеки и закричал:

— Люба! Люба!!! Где мой костюм, женщина?

В спальню вошла Люба. Красивая, но злая ша-тенка в коротком домашнем халатике хмурила брови и пускала сердитые молнии своим выразительным взглядом в сторону Пастуха. Женщина была совсем молоденькая, но из-за своей хмурости походила в данный момент на какой-нибудь сморщенный фрукт вроде кураги, да и халат как раз выдался в тон. В руках красавицы белел мужской костюм.

АНТОН СОЯ

— Ты зачем ночью по бедным юмористам стрелял? Тебе музыкантов мало?

— Бедным? Всем бы такими бедными быть, — потягиваясь и зевая, оппонировал Пастух. — Полстраны уморили своими уморами. А музыкантов мало осталось, попса вон совсем не едет — даже странно. Чем я им не угодил?

— Придурок! — выпалила женщина, швыряя костюм на кровать. — Как до сих пор из Москвы войска только не прислали десантные — мозги твоей «Веселой бригаде» вправить.

— Сам поражаюсь, милая! — ухмыльнулся Пастух и поднял глаза на портреты кумиров. — Ты лучше скажи, дура этакая, зачем ты мой фрак в камине сожгла, а? Ты же знала, что это моя главная реликвия! Или, может, ты решила, что я — царевна-лягушка?! Мне вот опять зона сейчас снилась, Карл Иванович про фрак спрашивал. Тебе не стыдно, Люб, а?

— Костя, завязал бы ты со своим джазом! — Люба стремительно плюхнулась на кровать рядом с Пастухом и сильно прижалась к нему, обхватив загорелую шею своими худыми руками. — Над тобой же все смеются за глаза. У всех баб нормальные мужики — трех слов связать не могут, и только у меня Паганини. Опять сегодня фанатки малолетние на концерте в штаны к тебе лезть будут.

— Что за погоняло еще такое, Паганини? Я — Пастух! И я такой не один, нас в банде пятеро, и все красавцы. Хочешь, и тебя возьмем в «Веселую бригаду»? Научись джаз играть — и вперед!

30

ДЖАЗ-БАНДА

— Джаз, джаз! Я только и слышу от тебя, что про джаз твой! — Люба резко оттолкнула от себя Пастуха и встала с кровати. Ее голос звучал гордо и сильно, но чувствовалось, что в любую секунду он может сорваться из-за кома, который ворочался посреди горла. — Только попробуй сегодня прийти с помадой на наглой роже — я тебе задам джазу!

— Ну как такую можно не любить? — заулыбался Пастух и протянул руки к любимой. Но Люба уже отвернулась от него и, строптиво передернув плечами, вышла из комнаты.

ГЛАВА 4

Как утешить музыкантов после провального тура

На гигантском бежевом диване сидели четверо молодых людей, едва перешагнувшие из возраста зрелой юности в возраст юной зрелости. Они грустно смотрели по сторонам, кто-то грыз ногти, кто-то стучал пальцами по коленке. Один из них, с нелепым макияжем, был в красных джинсах, полосатой футболке с надписью на немецком языке, гордо сообщавшей, что Гитлер давно скончался, и, собственно, поделом. Его волосы были ярко выкрашены в тон брюкам, а ноги словно прибиты к полу огромными ботинками с подошвой во все два кирпича. По левую руку от него, вдавившись в диван, располагался маленький щупленький паренек с сальными волосами по плечи, выраженный во все зеленое, как огурец. Цвет его лица плавно сливался с цветом одежды, а глаза из-за худобы казались такими огромными, что чудилось, вот-вот выскочат из орбит и покатятся по полу. Во главе этой банды сидела молоденькая худенькая девушка, которая времена-

ми всхлипывала и размазывала тушь по лицу длинным рукавом своей пестрой кофточки. Ее волосы были банально выбелены, как у куклы, а загар создавал дурацкое впечатление, что девушку вымазали советским какао из алюминиевых банок.

— Вот. А потом эти подонки заставили нас отыграть целый концерт без фонограммы, — оправдывался директор группы «Сахароза 495» Гоша Конавалов перед продюсером, седовласым гордым мужчиной, который стоял возле окна и задумчиво наблюдал за шумным шоссе.

Необъятный директор сидел за таким же необъятным столом и писал объяснительную, тщательно проговаривая каждое предложение. Гоша был действительно огромных размеров и весьма внушительной внешности. Лицо от непростой жизни стало практически квадратным, глаза превратились в маленькие щелки, из которых Гоша подозрительно наблюдал за окружающим его миром, а нос был столько раз сломан-переломан, что походил на сплюснутый банан. Порванные джинсы оголяли массивное колено с парой царапин и большущим, почти черным синяком. Белый вязаный свитер, впрочем, как никто другой, мог поведать историю событий. Во-первых, он уже абсолютно не был белым, а во-вторых, то там, то тут на нем виднелись следы побоища: отпечатки массивных подошв и скупые капли крови. Квадратное лицо плавно переходило в круглую гладковыбритую макушку, от которой отсвечивало солнце, а под правым глазом синел свежий бланш.

АНТОН СОЯ

— То есть как — без фонограммы?! — поворачиваясь к Гоше, изумленно процедил продюсер. — Гоша, ну что ты лепишь?! Кто тут играть-то умеет?

— Мы умеем, немного, — робко и едва слышно промямлил один из парней с дивана, прятаясь до этого за щуплые плечики товарища-огурца.

На этом неуверенно сидели тонкие клетчатые брюки, которые готовы были съехать вниз при первом же неловком движении мальчика. На его тощеньких руках красовались разноцветные татуировки с черепами и цветами, а на пальцах угрожающе-смешно болтались массивные кольца с разными зловещими рожами.

— Да? А я и не знал! Зарплату вам теперь, что ли, поднять? А красавица, может, еще и спела сама?

Повисла пауза. Взгляд седовласого джентльмена перескочил с музыканта на шмыгающую носом девушку, потом сразу на Гошу, ненадолго задержался на его разбитом горем лице и переместился на стену, где висела карта постсоветского пространства, утыканная красными флажками, отмечавшими маршрут гастролей. Скользнув по карте, продюсерский взгляд столкнулся с грустным взглядом Господа на вычурной иконе в золотом окладе и, не выдержав его укора, вернулся к Гоше.

— А что было делать? — бросился защищать Гоша бедную девочку, которая начала рыдать в голос. — Они там за кулисами все со стволами, скажи, что всех перестреляют, к чертовой бабушке.

Меня вырубили сразу. Конечно, Юля спела. Любой бы запел на ее месте.

— Красота! — протянул продюсер, потирая сморщенный от изумления лоб. — Значит, спела-таки. А они это дело еще и на видео сняли. Да, товарищи, дела.

— Борисыч, — всхлипывая и заикаясь, закричала Юля, — их надо убить всех! И запись забрать! Зачем ты нас отправил к этим дикарям? К этим животным? Пошли туда ребят своих! Пошли туда ментов! Кого угодно! Ты представляешь? Представляешь, что будет, если они отдадут это на телевидение? Представляешь? Это конец проекту сразу же!

Бедная девочка громко всхлипывала и вся содрогалась от рева, толкая при этом сухих коллег по цеху. Тушь с ее глаз уже запачкала не только красивую кофту, но и гладкие ноги, которые вызывающе торчали из-под короткой белой юбки.

— Тихо тут мне! — прикрикнул Борисыч. — Не истери, кукла заводная. Никого сейчас безголосыми певицами не удивишь, даже такими. Вот если бы ты умела петь, вот это я понимаю, была бы сенсация! Это все Матвей, котяра, подсказал мне туда вас отправить. «Двойной гонорар, город у моря, моих парней на руках носили». Скотина! Так, ладно! Никуда мы заявлять об этом не станем, ясно? Нечего из избы сор выносить, у вас еще пятнадцать концертов в этом месяце. Вот вам деньги, два дня отдохайте, приводите себя в рабочую форму, а дальше вас ждет Сибирь. И никому ни слова, все

АНТОН СОЯ

ясно? — краснел вспотевший продюсер, протягивая пачку зеленых американских банкнот испуганному директору.

— Ясно, — дружно буркнули музыканты.

— Тогда с глаз долой. А ты, Гоша, задержись на минутку.

Молодежь соскребла со стола выделенные им купюры и покорно вышла за двери, уныло переговариваясь с вокалисткой.

— Гоша, если тебя еще раз где-нибудь вырубят, — продолжил слегка успокоившийся продюсер, — то я лучше вместо тебя бультерьера найму — толку побольше будет. Это ты должен вырубить, а не тебя, понятно? Ну ладно, расскажи теперь, что Юлька-то пела? Она ж половину текстов своих не помнит.

— Да она все, что знает, пела, — стыдливо завел директор. — Песни какие-то нынче модные, свои слова на ходу допридумывала.

— Ох, мать божья, долго?!

— Нет, минут пятнадцать. Потом, когда в зале все эти придурки местные от хохота стали загибаться и бандосы не могли уже никого держать на мушке, я ребят со сцены увел. Оператор у них, сука, стойкий оказался — смеялся, но снимал. Ты бы слышал, как все аплодировали, Борисыч. Как Пугачевой! Пастух, главный их, сказал, что даже над Моисеевым так не хохотал. Девчонка у вас, говорит, клад. И все повторял, чтоб мы слушали джаз.

36

— Джаз? — рассеянно спросил продюсер. — Какой еще джаз? Неужто Матвей, иуда, с этим фразом заодно? Съемку выкупить не предлагал?

— Нет, не предлагал, нас сразу вывезли из города. Как Юлька рыдала, — попытался Гоша вновь защитить бесталанную красотку, но Борисыч тут же приостановил его пыл:

— Ну, ладно, ладно, сиротки мои несчастные, хватит, а то я сам сейчас разрыдаюсь. Купи ей новую машину.

Продюсер окончательно сменил гнев на милость и достал из ящика своего стола еще бóльшую пачку купюр, тут же кинув их в сторону бледного Гоши.

— Иди, Гоша, к ним, успокой. Такая уж у них, артистов, судьба — народ развлекать.

Тяжелыми шагами Гоша вышел вон, а Борисыч, несколько секунд в растерянности смотревший на захлопнувшуюся дверь, подошел к карте с флажками. Продюсер взял красный фломастер и подчеркнул жирной чертой город Южноморск, задумчиво бормоча что-то себе под нос. Потом он несколько минут стоял, глядя на эту карту, и что-то думал, проговаривал, стучал пальцами по стенке, вытирал со лба пот и не спускал глаз с названия «Южноморск».

— Джаз, джаз, джаз. А может, и правда пора музыкой заняться, а не этим фуфлом. Счас, счас, счас... Эх, Матвей, старый ты... Откуда ж тут ноги-то растут? — приговаривал продюсер, набирая номер телефона. — Але, Рустам? Как дела, брат? И у

АНТОН СОЯ

меня хорошо, да. Как там твои орлы, колесят? Ну и отлично. Хороших промоутеров подкинуть вам? Ага, ну, записывай. Городок есть на Черном море, не поверишь, рай земной, встречают на ура, гонорар двойной — сказка. Не за что, не за что, дорогой, свои люди — сочтемся. Сегодня я тебе помогу — завтра ты мне. Мы ведь в одном котле варимся, одно дело делаем: несем культуру в массы. Да, пиши телефон. Да, предоплата полная, мои только что оттуда. Давай, дорогой! На связи! Обнимаю!

Удовлетворившись разговором, Борисыч сел за свой необъятный стол, достал из ящика початую бутылку виски, налил стакан и залпом выпил, подмигнув иконе на стене. Святой лик укоризненно покачал головой.

ГЛАВА 5

Как провести время за приятной беседой с близким человеком в СВ поезда Москва—Беленджик

Деревья за окном поезда мелькали так быстро, что сливались в одну желто-зеленую пелену. Алиса Марковна Дулина, народная артистка России, прекрасно выглядящая молодящаяся дама средних лет, усердно наблюдала за этим безумием за окном, пытаясь изредка уцепиться острым взглядом хоть за одно дерево, чтобы внимательно его рассмотреть, но все ее старания были тщетны — поезд несся слишком быстро. Голубое небо било по глазам своим откровенным чистейшим цветом, солнце почти в зените радостно светило, разбрасывая в разные стороны свои рваные лучи. Вдруг сплошной забор из зелени резко оборвался, и взору Дулиной предстало спокойное мягкое море, породившее ощущение того, что поезд больше не несется как очумелый, а тихо плывет по воздуху — вверх-вниз, вверх-вниз, — словно разноцветные лошадки на детском аттракционе. Казалось, что даже ритм, четко отбиваемый колесами вагонов, стал гораздо сдержанней, а стук — тише.

АНТОН СОЯ

Дива положила свои стройные загорелые ноги на противоположную полку и хотела было продолжать предаваться приятным мыслям и воспоминаниям, как дверь СВ нервно распахнулась и в помещение влетела дочь Дулиной. Светская львица Жаннет, порывистая блестящая брюнетка, звезда таблоидов, в последнее время поминаемая обывателями чаще черта, резко закрыла дверь и уселась рядом с матерью.

— Жанночка, посмотри — море! Красота-то какая, каждый раз радуюсь морю, как ребенок. Скоро уже приедем. С тобой, кстати, все в порядке? Ты что-то часто бегаешь в туалет.

— Со мной все в порядке, — ответила Жаннет, прикрывшись модным молодежным журналом, на обложке которого она же и красовалась.

— У тебя, кстати, пудра на носу, — спокойно заметила дива, отворачиваясь к окну, где все так же умиротворяюще разливалась вода.

— Да? Все шутишь, маман? — Жанна вскочила и начала тереть себе нос. — Как меня уже достал этот сраный поезд!

— Ну, я бы тоже предпочла лететь, но эти твои папарацци оккупировали все аэропорты. Ничего, вот уже и подъезжаем. В Беленджике чудно: мэр города обещал нам президентские апартаменты, бархатный сезон заканчивается — народу почти нет. Без макияжа нас никто и не узнает. Черные очки, шляпки — романтика. Отдохнем недельку, пока в Москве страсти не поулягутся, и улетим.

40

— Да в гробу я видала этот их Беленджик, мам! — не унималась порывистая девица. — Я два показа в Париже пропущу. Это раз. Еще и вечер важный в Кремле. Это два. Повеситься можно! Ты хоть понимаешь, что нам неделю придется проторчать в какой-то дыре, без всяких приемов и презентаций, без тусовок, хороших магазинов и друзей, в конце концов?!

— Жанна, девочка моя, быть может, ты забыла, но тогда я тебе напомню, — спокойным невысоким голосом Дулина вклинилась в шум бегущего поезда, — это из-за твоей замечательно сорвавшейся свадьбы мы туда едем, в эту, как ты выразилась, дыру, без приемов и магазинов, друзей и поклонников. — На последнем слове дива сделала особый акцент. — Я, между прочим, отменила запись альбома, отложила фотосессию и перенесла концерт, а тебе все бы тусовки да гулянки.

— Мам, ну ладно, извини. Спасибо тебе, ты всегда меня спасаешь. Только ты, — проскулила Жаннет, откладывая журнал со своим изображением, — но я же не виновата, что вокруг одни кретины и уроды моральные. Все эти газовые принцы, нефтяные царьки, медиамагнаты долбаные. Как они мне все надоели! Все, до одного! Лезут со своей любовью бумажной...

— С любовью лезут? — ухмыльнулась певица. — А чего ж тогда от тебя твой пивной король убежал прям из-под венца?

— Козел он, а не король, мама. Я же тебе сто раз объясняла, что сама его на хрен отправила. Мы с Бритни заехали в Сохо в «Сакуру», на закрытый

АНТОН СОЯ

показ. Веселились с подружкой. До свадьбы три дня, я имела право догулять последние свободные деньки с близкой подружкой?! Имела. На этом показе народу было — пруд пруди. Ну я дамскую комнату случайно перепутала с мужской, а там мой ненаглядный со здоровенным негром...

— Стоп-стоп-стоп, дорогая моя, — перебила Дулина свою распалюющуюся доченьку, — только избавь меня от омерзительных подробностей, я их уже сто раз слышала и, кажется, помню наизусть. Тебе давно уже пора отвлечься от этой постоянной беготни и суеты больших городов и похоронить эту постыдную грязную историю. Через неделю про нее забудут и журналюги, от которых мы благополучно сбежали. Любая «желтая» сенсация живет не дольше восьми дней. Расслабься и максимально наслабься солнцем и морем. Выхода другого у тебя нет, не порти нервы — ни мне, ни себе.

— Ну, а чего ты меня заводишь тогда, раз сама все прекрасно знаешь? — не могла успокоиться раскрасневшаяся Жаннет. — Я как этого козла с негром увидела, так сквозь землю готова была провалиться! А он мне, главное, так спокойно говорит: «Ой, Жанночка, а ты разве не в Нью-Йорке? А мы тут с Жан Полем вместе присмотрели тебе один сексуальный подарочек в магазине белья!» Хо-хо, хи-хи! Тьфу, придурок, чтоб его! Белье он мне присматривает, ага! С полуголым негром в мужском туалете он мне подарок присматривает? А сам — в моих трусах! Я ему: «Штаны надень, жених хре-

нов!» — и ушла. Ну, врезала пару раз по морде, конечно. Ногой! И с его же негром и ушла. И понесло же меня в это Сохо! Пивной король! Уж больно голубизной ваш король переливается!

— Да уж, девочка моя, все могут короли, — задумчиво пробормотала дива. — А какая свадьба-то должна была быть. Ах и ох просто! Но ты успокойся, дорогая. Может, тебе все же к кому-нибудь из нашей тусовки присмотреться, а?

— О, спасибо, мама. — Жаннет скорчила такую мину, будто только что съела дохлого ежа. — Старая песня. Я этими музыкантами, продюсерами, режиссерами с детства сыта по горло. Они все наркоманы, алкоголики, педики, ничтожества с манией величия. Я лучше с криминалитетом свяжусь, чем с ними! Да, точно, а что? Прямо в Гебенджике, или как там его, и затусую с каким-нибудь вором в законе. Найду себе чистого провинциального Зорро с цепурой на шее, чтоб за меня и в огонь и в воду, и кулаки чтоб как арбузы переспелые. И тебе какого-нибудь Аль Пачиняна подыщем, не переживай!

— Мда, принцесса, спасибо преогромное. Перспектива на неделю сногшибательная. Отличный, чувствую, будет у меня отдых. Отдохну душой и телом, — сказала Дулина без особого энтузиазма и снова отвернулась к окну.

Вдалеке томно плескалась эта темно-синяя бездна и, вкупе со стуком колес скорого поезда, окунала в непоколебимое спокойствие и обещала необъяснимую внутреннюю гармонию.

ГЛАВА 6

Как общаться с коллегами-музыкантами

На обочине пыльной дороги стояли не менее пыльные ЗИМы и, как верные псы, ждали своих хозяев. Хозяевами были бандиты-музыканты, гроза и гордость маленького Южноморска: Пузцо, Саныч, Автогеныч и Ромеро. Все четверо были в концертных костюмах: черных выглаженных брюках, пиджаках, традиционных котелках и темных очках. Белоснежные рубахи, контрастируя с загорелыми бычьими шеями и угольно-черными пиджаками, слепили глаз. В одной руке каждый из молодцов держал музыкальный инструмент, в другой — оружие.

Пузцо, светловолосый, добродушный на вид толстяк с кривым шрамом на левой щеке и выцветшими бровями, насвистывал какую-то невнятную мелодию, похлопывая бубном по округлой ляжке. Рыжий трубач Ромеро нервно жевал жвачку,ковыряя носком лакированного башмака в придорожном песке. Наголо бритый клавишник Автогеныч и чернявый пижон контрабасист Саныч ехидно наблю-

дали из-под черных очков за тем, как вдоль своего дома шагает развеселый Пастух, бейсбольной битой настукивая по железным прутьям забора ломанный ритм любимого свинга.

День был в самом разгаре, солнце полыхало, на небе не было видно ни единого облачка или даже намек на него. Где-то высоко-высоко, плавно размахивая крыльями, парила хищная птица орлиной породы. Казалось, еще чуть-чуть, и она опалит свои роскошные крылья. Музыканты расположились под развесистыми ветками шелковичных деревьев, чтобы спрятаться от жаркого небесного блина.

— А шеф сегодня в духе, — сказал Автогеныч парням. — Зададим джазу вечером.

— Привет, битлы! — весело прокричал Пастух. — Строить и жить!

— Салют, маэстро, — в тон Пастуху ответил Ромеро и расхохотался. — Всех построим и заживем.

— Пастух, помнишь, мы ночью по «бумеру» палили? Ну, Серый опять притащил туристов, вспоминай, — с места в карьер начал белобрысый Пузцо.

— Ну и чего? — еще шире заулыбался Пастух. — Он пожаловался мамочке?

— Почти, — перехватил разговор не старый, но мудрый Автогеныч. — Там пацаны питерские были, типа крутые. Ну и с утра сегодня в офис их бригадир звонил — дятел, знаешь, редкостный. Короче, стрелку у шлагбаума забил на шесть часов.

— Круто, круто. Из Питера уже на разборки к нам летают. Может, и впрямь реальные демоны, —

АНТОН СОЯ

веселился Пастух, — только у нас же в шесть саундчек... Ну да ладно, Ромеро с Автогенычем всех нас настроят, а мы пока съездим разберемся, заодно и порепетируем.

Через полчаса банда подъехала к ангару с зеленой пологой крышей, который служил им офисом, а по совместительству — репетиционной точкой «Веселой бригады». В здоровенном помещении из мебели был всего лишь один стол с телефоном; в другом конце зала располагалась аппаратура. Все стены были увешаны плакатами великих джазменов и мафиози 30-х годов, а на особо почетных местах красовались портреты Дулиной, Утесова и Аль Капоне. На одной из стен огромная растяжка гордо гласила: «Джаз дал нам все — у нас больше нет проблем!», а под ней висели неоднократно расстрелянные мишени из портретов современных поп- и рок-идолов. На другой стене, как раз над барабанной установкой, разместился транспарант: «От ножа до саксофона — один шаг, и мы его сделали!»

— Эх, хотел бы я с Дулиной дуэт замастырить, — мечтательно почесал макушку Пастух, разглядывая белозубую Алису, которая кокетливо смотрела на него с плаката. — Лучше нее никто у нас в стране джаз не поет. А в Москве ее совсем замордовали, такую хрень заставляют петь — уши вянут. Кстати, битлы, завтра едем в Беленджик, там какой-то фер-

46

ДЖАЗ-БАНДА

мер год назад у нашего Городского банка кредит взял немереный и уже давно процент не платит. Папа банковский просил съездить получить. Надо помочь родному городу. Мы же здесь за порядком смотрим. Ну что, репетнем?

Бандиты расселись каждый на свое место и завели джазовые мотивы, а Дулина с постера так и продолжала сиять искренней сверкающей улыбкой, не подозревая, в какую историю втянет ее любовь к афроамериканской музыке.

ГЛАВА 7

Как разобраться с делами

На город опускался спокойный вечер. Море серело и лениво облизывало берег, оставляя на нем белую пену, которая тут же исчезала в мокром песке. В будке, уже известной нам по приключениям юмористов, все так же мирно похрапывал дед, запрокинув голову назад. Казалось, она вот-вот отвалится, но так и продолжит сопеть, чуть шире открывая рот на вдохе. Вечернюю тишину то и дело нарушали шуршащие волны да десять молодых парней, которые молча курили и выдыхали дым со звуком, похожим на шум приближающейся к берегу волны. Этот десяток бравых молодцов облепил три «гелендвагена» возле будки сторожа.

На улице стоял довольно теплый октябрь, но великолепная десятка, все как один, были в черных длинных пальто и не закрывающих уши шерстяных шапках. Не расположись они в тот момент именно здесь и не достигни напряжение, повисшее в воздухе, такого уровня, что вот-вот произойдет взрыв и

море поменяется местами с небом, то ребят вполне можно было бы принять за актеров какого-нибудь мюзикла. Или спортсменов, которых проспонсировала одна фирма, желая, чтобы они снялись в рекламе ее новой линии одежды, — десятеро из ларца, так сказать.

Общую идеальную картину портили старые друзья — Бугай и Юрец, вертевшиеся рядом с главарем одинаковых парней — Куней. Бугай и Юрец сменили свои откровенные летние наряды на джинсы и спортивные кофты с длинными рукавами. Оба топтались на месте и дергались, словно кто-то тыкал их сотней маленьких иголочек. На фоне сохраняющих спокойствие, как истуканы с острова Пасхи, «близнецов» Юрец и Бугай казались суетливыми опоссумами.

— Ну? Где эта ваша «Веселая бригада»? — лениво, но сосредоточенно протянул главарь Куня.

Куня был серьезным и подтянутым мужчиной с разбитыми от занятий боксом лицом и кулаками. На вид ему было лет двадцать пять. Когда он говорил, кончик его носа едва заметно шевелился, что придавало профилю Куни какой-то трогательности и мягкости. Но его каменный взгляд темно-карих глаз, устремившийся в данный момент напрямую в серые волны, не оставил бы равнодушным ни одного смельчака. Поупражняйся Куня в тренировках, и смело мог бы разжигать своим взглядом костры.

— Я же говорил, говорил, — ажиотировался явно нервничающий Бугай, — говорил я, зассут они,

АНТОН СОЯ

не придут, испугаются, беспредельщики деревенские. Скоты неразумные.

Все эти слова Бугай произнес за пару секунд. При этом умудрился несколько раз порывисто сплюнуть под ноги, заглянуть в глаза Куне, почесать свою коротко стриженную голову, пару раз шлепнуть по собственной ноге ладонью и закурить новую сигарету.

Было видно, что у Юрца, верного товарища Бугая, тоже поигрывали нервишки, но он все же держался куда спокойней своего огромного товарища. Да и двигаться ему было явно неприятно, резкие повороты доставляли острую боль.

— Куня, ты бы видел, ты бы только видел, как эти придурки одеты. Как Чарли Чаплин, ей-богу! И палат куда попало. Это какой-то дурдом на выезде!

— Слушай, Куня, — снова встрял беспокойный Бугай, — если они придут, ты им по полной выставь, они какие-то совсем отмороженные! Или перегреты!

— Еще неплохо было бы у них тачки забрать, — продолжил Юрец. — Я одного коллекционера знаю из Питера, Родионом зовут. Так он за ЗИМ мать родную продаст, с тещей заодно. Мой старый дружок купчинский. Неплохая получилась бы сделка...

— Короче, — перебил его мечты спокойным и достаточно мягким голосом Куня, — у нас в девять часов самолет обратный из Сочи. А до этого мне еще Армену нужно меринов отогнать. Так что если

ваши шуты не появятся в ближайшие две минуты, то я на вас стрелку переведу, и дело с концом.

Едва Куня произнес последнее слово, как послышалось грозное рычание машин, и из густых клубов пыли и дыма показались долгожданные ЗИМЫ. В следующее мгновение моторы машин заглохли, и двери начали хлопать одна за другой. Пыль понемногу стала оседать, и сквозь мутноватую пелену взору питерских богатырей предстали трое заморских-южноморских. Эти здоровенные любители джаза — Пастух, Саныч и Пузцо — были в бронезилетах, у каждого в руках по пистолету, а на головах — котелки, небрежно надвинутые на глаза.

— Какая же это бригада, — слегка набычившись, сказал Куня Бугаю. — Это же три гада, а не бригада.

— Господа питерские, — громко и твердо произнес Пастух, — вы наехали на «Веселую бригаду». У нас через полчаса концерт, поэтому предлагаю обойтись без песен и сразу перейти к танцам.

— Чего ты тут трешь, клоун, — начал багроветь Куня. Казалось, еще минута — и из его ноздрей пойдет пар, как у мультяшного быка.

— Я надеюсь, что никто из вас не ходит в джаз-клуб на Загородном? — не обращая внимания Пастух на разгорающееся пламя во взгляде Куни.

— Че? Че ты там лопочешь, придурок? Иди ты со своим джазом...

— Ну и слава богу! — не дал закончить Пастух своему противнику.

АНТОН СОЯ

В следующую секунду Пастух со своим скромным подкреплением начали палить из своих пистолетов как в тире, только по живым мишеням. Делали они это так быстро и слаженно, что выстрелы создавали ритмический рисунок из песни. Если бы не их сосредоточенность на нажатии курков, они бы лихо притопывали ногой в такт.

Прошло всего несколько секунд, и ни одна песня не успела бы закончиться так быстро, как эта. Но возле «гелендвагенов» лежали двенадцать обмякших трупов. Все как один, кроме Юрца с Бугаем, в черных пальто, испачканных дорожной пылью и теперь помятых.

Пастух и его весельчаки картинно сняли свои котелки и прижали к груди. Постояв так несколько секунд и изобразив при этом крайнюю скорбь, бригада победно улыбнулась и водворила свои котелки на их законное место.

— Ну что, быстро мы на сей раз отстрелялись. Слышь, Пузцо, ты в первой доле, мне показалось, слажал, — ехидно заметил честолюбивый Пастух.

— Не может быть такого! — оскорбленно ответил Пузцо. Он поправил съехавший на затылок котелок и искоса посмотрел на товарищей.

— Слажал-слажал, — в унисон Пастуху ответил Саньч, вытирая пот со лба белым платочком с вышитыми на нем инициалами.

Пузцо хотел было возразить и ему, но один из трупов зашевелился. Это был главарь черных пальто, статный красавец Куня. Он пытался что-то ска-

зять, но из его окровавленного рта доносились только жалкий хрип и сипение. Дрожащей рукой он выхватил у мертвого товарища, который лежал почти на нем, пистолет и хотел было пальнуть, но здоровяк Пузцо среагировал быстрее. Он молниеносно выстрелил в шевелящегося живчика, успев сказать ему на прощание пару смачных нецензурных слов.

— Точно, слажал, — смущенно признался товарищам Пузцо, — надо больше репетировать.

После этих правильных слов троица быстро запрыгнула в свои ЗИМы и исчезла в клубах пыли так же быстро, как появилась. Рокот машин стремительно удалялся, и вскоре в воздухе повисла долгожданная тишина, нарушаемая, как и раньше, только шепотом морских волн. Почти стемнело, и в море расплывчато читалось очертание растущей луны.

— Опять двадцать пять! — всплеснул руками старый сторож, который будто и не слышал всей пистолетной симфонии, которую Пастух и бригада исполнили тут несколько минут назад.

— Это сколько ж работы. Все ездют и ездют. А потом убирай их! Мне за это денег не платят. И чего им дома не сидится?

Ворча и чертыхаясь, дед зашел обратно в будку и вернулся с лопатой и канистрой бензина. Медленно и планомерно он загрузил все трупы в один из трофейных «гелендвагенов», попутно отгоняя заинтересовавшихся его делами чаек. Закончив по-

АНТОН СОЯ

грузку, сторож уверенно сел в машину и, утерев пот со лба, пропел неожиданно сильным басом:

— Эх, полным-полна моя коробочка...

Но на этом дедовский концерт не закончился. Игривый сторож подмигнул как старым поделничкам наблюдающим за ним с плаката Орловой и Утесову и, напевая: «Удивительный вопрос — почему я труповоз?», поехал по неприметной узкой дорожке, которая петляла от шлагбаума прямо в синие горы.

Проехав небольшое расстояние, старик очутился в широком ущелье. Перед ним открывалось здоровенное плато, по половине периметра которого стояли сгоревшие иномарки. Некоторые еще скудно тлели, а в разные стороны от них разбегались невзрачные могилки. Сторож, кряхтя, вылез и начал копать новую яму. Не успел он проработать и пяти минут, как над горами взмыли залпы салюта и послышалась громкая веселая музыка. В Южноморске начался концерт «Веселой бригады».

ГЛАВА 8

Как порадовать фанатов хорошим концертом

На главной площади южного городка кипело веселье. Создавалось впечатление, что проводить субботний вечер бурными криками и плясками пришел весь Южноморск. В центре площади находилась сцена, на которой бесновалась «Веселая бригада». Пятеро музыкантов с Пастухом в лидерах в пятый раз исполняли на бис свой главный хит, и вся площадь пела в унисон джазменам.

За инструментами на сцене скакали покрасневшие от собственного драйва Саныч с большим черным контрабасом и Автогеныч у высокой клавишной стойки, а Пузцо в абсолютно мокрой рубашке лупасил что есть мочи по барабанам. Ну и конечно, правили балом яростно раздувающий щеки трубач Ромеро и Пастух, успевающий и петь, и выдавать сочные рулады на своем саксофоне. Возле сцены, словно голодные акулы, бурлили фанатки. Они кричали, визжали, пытались подняться на сцену вопреки всем противостояниям охраны, хватали

АНТОН СОЯ

Пастуха за ноги и, срывая с себя майки, клялись ему в вечной любви.

Прямо напротив сцены, в конце площади возвышалась VIP-трибуна, на которой важно восседало правительство города. Толстые чиновники лениво вытирали пот со лбов, отбывая концертную повинность, и каждые пять минут посматривали на часы в ожидании финала действия. Их ярко напомаженные матроны, наоборот, с интересом наблюдали за тем, что творится на сцене, на заднике которой гордо красовалась надпись: «Сегодня он играет джаз — а завтра Родину спасет!»

— Зина, ты посмотри на этих дур малолетних, — завела худая матрона, вся в золоте, скривив рот в осуждающей ухмылке. — Визжат как свиньи, за ноги Костю хватают. Того и гляди — стащат и оттрахают.

— Да ладно тебе, Клавдия, — хихикнула полная розовощекая баба в ярко-синем платье, щедро усыпанном стразами Сваровски. — Мне бы скинуть чулка, я бы сама сейчас там, у сцены, скакала бы и скалилась, как голодная собака.

У Зины были длинные светлые волосы, часть которых она небрежно убрала в пучок на затылке. Остальные, как липкие веревки, спускались по ее плечам прямо на пышные прелести, которые вздымались так судорожно и часто, что, казалось, вот-вот синее, сильно обтягивающее платье с треском лопнет и куски его разлетятся в разные стороны.

56

— Чего скинуть-то, Зинушка? — ехидно поддела подругу худышка в белоснежном пиджаке.

Она была настолько худа и суха, что походила на пересушенную рыбу. Пиджак ее был на пару размеров больше, и поэтому плечи казались непропорционально широкими. Выглядело все это довольно комично. Клавдия то и дело поглядывала на себя в зеркальце, подкрашивая свои тонкие, как ниточки, губы сомнительного цвета помадой. Вот и сейчас она опять достала свою увесистую косметичку и с интересом рассматривала собственное отражение.

— Так что, Зинуля, скинуть? Годиков или килограммчиков дцать?

— Ой, уела, блин! Иди ты, дорогая моя, — обиженно затарахтела толстушка. — Джаз, между прочим, — музыка для толстых.

— Да тихо вы, вороны, раскаркались тут! — шикнул в их сторону полковник милиции Кузьмич.

Седеющий и тощий, он выглядел так, будто не доедает и половины дневного рациона. Большие грустные глаза делали его похожим на собаку, вечно просящую у стола кость. Собственно, реденькие усы никоим образом не меняли его образа и складывающегося впечатления.

— Иваныч, — уныло обратился он к мэру города Южноморска, склонившись к его уху, — Иваныч, у КПП сегодня опять была стрельба, десять трупов, не меньше, а то и больше. Два джипа — трофеи.

— Кузьмич, когда ж это все кончится-то? — отчаянно повернулся к милиционеру мэр, попутно вы-

АНТОН СОЯ

тирая голубым платочком вспотевший лоб. Вельможа был облачен в темно-серый костюм и выглядел вполне достойным своего престола. — Жили же мы раньше без этого джаза-шмаза, и хорошо ведь жили!

— Тихо, дорогой мой, не шуми, — успокоил его Кузьмич, — в городе порядок, народ доволен. А кто там за периметром полег — пока не наше с тобой дело. Ты не переживай, знаешь же, что рано или поздно и на нашего Пастуха найдется серый волк с острыми зубками. А пока пусть попрыгает и ножками подрыгает.

Губернатор лишь недовольно покачал головой, продолжая утирать пот, а Пастух и команда закончили играть очередную песню. Площадь в экстазе издала крик, убивающий насмерть барабанные перепонки, а правительственная трибуна в общем порыве заскандировала «браво», аплодируя молодым и талантливым хозяевам жизни.

ГЛАВА 9

Как найти общий язык с домочадцами и сделать первый шаг навстречу своей мечте

— Урод! Подонок! Пошел вон отсюда со своим сексофоном! Убирайся, скотина!

Люба в коротенькой темно-синей ночной рубашке стояла у двери спальни и бранила Пастуха, пытавшегося пробраться к кровати. Ее длинные волосы были слегка растрепаны, а красивое лицо, искаженное злобой и ревностью, блестело от слез.

— Как ты вообще смеешь приползать домой в таком виде, со своими гребаными засосами? Убирайся прочь!

— Любочка, Любонька моя, Любушка любимая, — едва выговаривая столь сложные для его состояния слова, старался обнять и утихомирить девушку Пастух. — Люба, я же артист, я же с песней по...

— По морде! — твердо закончила его тираду Люба, оставляя уверенный отпечаток маленькой твердой ладони на Костином лице.

Пастух кубарем выкатился из спальни в коридор, а Люба захлопнула дверь, продолжая швырять-

АНТОН СОЯ

ся всем, что попадалось ей под руку. Из-за двери только и слышались, что глухие шлепки книг, звонкие брызги разбитой посуды, треск порванных подушек. Наконец прильнувший ухом к двери Пастух услышал тяжелый гулкий удар в стену.

— Ой, мамочки, саксофоном долбанула, — пытаюсь подняться на ноги, прошептал Пастух. — Ну как такую не любить.

С трудом держась на ногах и попутно хватаясь рукой за стены, Пастух проследовал на просторную кухню-веранду. За окном трещали цикады, на небе уверенно горели звезды, помогая фонарям освещать сад бандитской виллы. Посреди огромного стола стоял аквариум с золотой рыбкой, которая усердно плавала по диаметру своего круглого домика и будто шептала что-то осуждающее. Пастух достал из бара бутылку водки, уселся напротив аквариума и залпом выпил почти целый стакан.

— Люба и джаз, понимаешь? — содрогнул свежий воздух запахом алкоголя Пастух, — ну и еще парни мои, музыканты — вот весь мой кайф от жизни, понимаешь, дуреха ты хвостатая?

Задав вопрос, Пастух решительно чокнулся с аквариумом и налил себе еще добавки.

— Думаешь, я не понимаю, что меня и джаз все любят из-под палки? А Любка так вообще ненавидит уже. Вот если бы я родился лет сто назад, рыбонька моя! Какие были времена! Что за люди: Утесов, Аль Капоне... Ты «Веселых ребят» видела, а? А «В джазе только девушки»? Ничего ты не видела,

60

дурында ты позолоченная, голда плавучая. Будем, морепродукт! — снова чокаясь с аквариумом, выдал Пастух. — Ты думаешь, я кто? Бандит?! Нет, рыбка, я артист, понимаешь? Артист! Молчишь, не понимаешь. Вот и Любка не понимает, настучала мне по тыкве, зараза. Я любую другую пристрелил бы уже за такое, а эту — люблю. А засос этот — ну, это ж фанатки, они как ты, как рыбки золотые, для красоты. А Любка — для любви, понимаешь? Эх, скукота, бытовуха, масштаба мне не хватает. Вот если бы мне как Утесову поперло, ну как вот в старом фильме, чтоб все любили джаз, чтоб все любили нас, чтоб с песней по жизни... За Любовь! — вскрикнул Пастух, стучаясь стаканом об аквариум с такой силой, что обе посуды чуть не треснули пополам.

— Тише ты, морда пьяная, — услышал Пастух незнакомый голос. — Сколько можно ныть, достал ты меня. Исполню я твое желание, пока ты мне аквариум не разгрохал.

Пастух обомлел, не в силах проглотить водку. Он сплюнул огненную жидкость обратно в стакан, уцепился за край стола и попытался встать из-за стола.

— Все, все, все, спать пора. Допился ты, батенька, белочка пришла, вобла разговаривает.

— Сам ты вобла! — усадил обратно Пастуха голос. — Во бля! Бери аквариум и тащи к морю, пока моя царская милость не передумала.

— Что ж я такого выпил-то, что мной рыбеха командует? Кошмар какой-то, запахло, — оторопел Костя, не зная, что и делать.

АНТОН СОЯ

Ежесекундно трезвея, он тарачился на аквариум с рыбкой, которая смотрела на него, едва похлопывая боковыми плавниками и шевеля своим губастым рыбьим ротиком.

— Быстрее, разбойник, а то, гляди, передумаю! Помогу я тебе, тряхну стариной.

Все еще не веря в происходящее, Пастух схватил в охапку аквариум, предварительно перекрестившись на портрет Утесова, лежащий на столе. Из аквариума выплескивалась вода, а Пастух, с грацией зомби, шел к морю, пошатываясь и напевая развеселую песенку:

— Вот дела, ночь была, всех буржуев разбомбили мы дотла...

— Тихо, лиходея, не выплесни меня на песок, без будущего останешься.

— Во дела! — задорно пропел Пастух, одним движением отправил рыбку с водой из аквариума в синее Черное море и, рубанувшись на песочек, музыкально захрапел...

— Сам напросился. Как в кино не обещаю, но весело будет, — тихо сказала сама себе Золотая Рыбка, осваивая новое экзотическое для китайских королевских прудовых рыбок пространство.

ГЛАВА 10

Как начать новую жизнь, ведущую к тотальному успеху

Люба и Саныч настороженно склонили свои головы над спящим Пастухом. Девушка была совсем еще сонная, в шелковом коротеньком халате цвета сильно разбавленного молоком кофе. По ее красным глазам было понятно, что ночью она плакала, а два сломанных ногтя на правой руке говорили о семейной ссоре. Люба бросила небрежный взгляд на пустой аквариум, а затем пнула по ноге своего драгоценного так, что тот нехотя зашевелился и застонал.

— Живой, гад, — процедила Люба.

— Да, неплохой сейшн был у нас вчера, — не поднимая глаз, виновато признался Саныч. — Жаль, Люба, что ты не ходишь с Пастухом на наши концерты, там так весело, без палева. Народу интересного много приходит, есть с кем разделить радость творчества, в общем.

— Ага, — протянула Люба, широко зевая и потирая глаза, — там лядей и без меня хватает, обой-

АНТОН СОЯ

детесь. Вон шеф-то ваш, красавец писанный, вчера приперся домой с засосом на шее, выжрал в одно горло бутылку водяры и, похоже, моей любимой рыбкой закусил, козлиная! Людоед! Уйду я от него, Саньч, надоело.

Глаза Любы вновь налились злобой, обидой и слезами, и она, закусив нижнюю губу, нервно отвернулась, будто ей срочно захотелось посмотреть, что интересного происходит на просторах моря.

— Люба, ты что, нельзя! — забеспокоился Саньч. — Нельзя так с ним, он же музыкант, творец, тонкая натура, завянет сразу без Любви.

Люба отчаянно наблюдала за волнующимся морем. Осень все решительней вступала в свои права. Желтое солнце лениво пряталось за тонкой пленкой облаков, похожей на молочную пленку, и практически не грело. Морской ветер приятно обдувал привыкшие к жаре тела и нахально пытался задрать подол Любиного халата. Берег моря, соседствующий с их частными владениями, сегодня принимал не так много людей, как обычно. Всего несколько пар скорее по инерции пришли на тихий ныне пляж, да несколько мамочек, укутавшись в легкие летние курточки, пристально наблюдали за своими детьми, которые сосредоточенно ковырялись в песке. Этим маленьким человечкам было, по сути, все равно: холодно ли, жарко ли, — их интересовала только возможность как следует извозиться в грязи до обеда.

64

— Ладно, будите, забирайте, — повернулась к неподвижному телу Люба, — а я дальше спать пошла. Небось к телкам в Беленджик собрались?

— Это к шефу. Он сказал — к фермеру едем.

— Значит, точно к телкам. Смотри у меня, Саныч, Любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь!

Люба улыбнулась недоброй улыбкой, показала Санычу свой крепенький кулачок, которым вчера столь удачно атаковала пьяного Пастуха, и медленно удалилась в сторону дома. Ее стройные загорелые ноги покрылись рябью мурашек из-за ветра, но она вряд ли чувствовала холод.

Саныч сосредоточенно начал трясти Пастуха за руку, но тот продолжал упрямо спать крепким пьяным сном, не желая вырываться из липких лап Морфея. К попыткам пробудить своего главаря присоединились Ромеро, Автогеныч и Пузцо. Все четверо склонились над Пастухом и взывали к пробуждению. Наконец Пастух лениво открыл один глаз, осмотрелся и испуганно сел, ударившись при этом лбом о светловолосую голову Пузца.

— Где я?! — хриплым похмельным голосом спросил Пастух. Он непонимающе смотрел то на товарищей, то на море, то на пустой аквариум. Наконец он прокашлялся, протер глаза и сильно стукнул себя кулаком по голове. — Что за черт?! Ну и нажрался я вчера — ничего не помню.

— Ха, ну это как обычно, — хихикнул Пузцо, поймав на себе пару неодобрительных взглядов компаньонов.

АНТОН СОЯ

— Маэстро, нам пора в Беленджик, к телкам, — быстро проговорил Саныч, подчеркивая своим тоном нежелательность опоздания.

— Поехали! — торжественно заявил Пастух, вставая на ноги. — Поехали!

ГЛАВА 11

Как с честью выйти из трудного положения

— Иван Иванович Гуров, он же Фермер, он же Гуру, — докладывал Пастуху Саныч.

Он, Костя и Автогеныч сидели в своем ЗИМе на окраине Беленджика перед тяжелыми ржавыми воротами. По обе стороны от ворот тянулись бетонные стены с наполовину стертыми на них красными звездами.

— Полковник ГРУ в отставке, пятнадцать лет служил в Индии, разведен, интересовался йогой, вегетарианец, в последние годы занимался бизнесом в Южноморске. Год назад оформил здоровенную ссуду под фермерство, взял в аренду территорию бывшего закрытого военного санатория, закупил коров, кур, свиней, коз всяких и прочих тварей и решил устроить здесь образцовый скотный двор. Обещал мясо в город поставлять — не поставил ни грамма. А полгода назад перестал появляться за пределами своей фермы и отказался выходить на связь.

АНТОН СОЯ

— Мда, — протянул задумчиво Пастух, — совсем, похоже, у человека чердак отъехал. Странная история, Саныч, не нравится мне все это. Хорошо, что мы Пузцо и Ромеро с тыла заслали, только что-то они долго о себе знать не дают, уже пора бы. Ну ладно, парни, похоже, наш выход.

Пастух, Автогеныч и Саныч похватали оружие и выскочили из боевого ЗИМа. От машины до ворот было несколько шагов, которые бригада быстро преодолела, не переставая оглядываться по сторонам. Оказавшись возле громадных железных створок, Пастух постучал по ним рукояткой своего пистолета и прислушался. Не услышав ни единого звука в ответ, остальные тут же повторили это действие за Пастухом и стали угрожающе кричать:

— Фермер, открывай! За тобой должок, открывай по-хорошему!

Простояв еще пару минут под непокорными воротами, бандиты решили, что Магометы сами отправятся к горе, лихо перебрались через бетонную стену и обомлели. Перед ними раскинулся райский сад во всей своей красе. Ветви деревьев гибли под тяжестью фруктов, пестрота цветов резала глаза, буйство запахов сводило с ума. И это в октябре! Яблоки, груши и персики были размером с голову новорожденного, сливы и вишни готовы были лопнуть, брызнув сладким соком, а оттенки их были столь насыщенными, что фрукты казались муляжом. Многочисленные клумбы с цветами всех мас-

тей лениво топтало огромное количество коров, коз, свиней и овец, неторопливо жующих темно-зеленую сочную траву. Под двумя самыми большими яблонями, создающими островок приятной тени своими увесистыми плодоносными ветками, располагался длинный деревянный стол, дальняя часть которого пока была скрыта от глаз бандитов. На столе стояли плошки разных размеров с молоком, из которых похозяйски пил скот, закусывая фруктами и овощами, находившимися там же, на столе.

Пастух и половина его команды так оторопели, что не могли сказать друг другу ни слова и молча, с отвисшими челюстями, направились к столу. Пройдя половину пути, Пастух заметил у себя под ногами маленькую свинку, которая весело повизгивала и радостно терлась о его белые брюки, показывая тем самым свою нежность и доверие.

— Отлично, — промямлил разомлевший Пастух себе под нос, — если это кабанчик, назову его Вадиком. Нет, это все же свинья, а не свин, вон как трется, чует мужика. Дуськой теперь будешь, свинка.

— Чего? — остановился шокированный Саныч.

— Ничего! Смотри — вон где они!

Пастух кивнул Санычу в сторону стола, во главе которого восседал бритый наголо и загоревший дочерна Гуру. По обе стороны от него, прямо и не шевелясь, сидели Ромеро и Пузцо. Их рты были издевательски заткнуты краснющими, как их лица, яблоками, а руки связаны за спиной. Сам Гуру сидел, сосредоточенно уставившись в одну точку.

АНТОН СОЯ

В руках он уверенно держал по пистолету ТТ, дула которых заботливо упирались в крепкие щеки бандитов.

— Слушай, старик, у тебя тут столько клевых телок, и вообще, — неестественно размеренным тоном начал Пастух, — и похоже, ты любитель всего живого и прекрасного. Неужели тебе очень хочется залить свой райский уголок мозгами этих двух милейших джентльменов?

— Пастух, не ерничай, — спокойно отвечал Гуру, выглядевший как сказочный персонаж в своем расшитом халате. — Я вас сюда не звал. Ваши жизни для меня не дороже удобрений, а в моем мире нет места упырям. У меня есть предложение, от которого вам невозможно будет отказаться. Я вас всех отпускаю, а вы говорите банку, что Фермер все пропил-просадил, а вы его убили, и дело с концом. Тем более что Фермера и правда больше нету, есть Гуру. Идет?!

— Может, идет, а может, и не идет. Пока не знаю, Фермер, — издевательским тоном продолжал Пастух, закуривая сигарету, — то есть Гуру. Ты абсолютно свихнувшийся кретин. Ты должен банку кучу денег, а я должен как-то решить эту проблему. Нужен компромисс, твою мать.

Пастух выпустил сигаретный дым в направлении лица Гуру и начал потихоньку злиться на тупую ситуацию. Его глаза наливались злобой, подобно глазам Любы, только что обнаружившей очередную пикантную достопримечательность на его шее. Нужно

70

было срочно что-то предпринимать, но спасительное решение упорно не шло в тяжелую похмельную голову. Да еще эти проклятые птички так яростно верещали из цветущих кустов. И это в октябре!

Видя его замешательство и растущую, накаляющую ситуацию нервозность, Гуру приставил пистолеты к вискам своих недругов, сидящих от него по обе руки, предупредительно сняв оружие с предохранителей, и обратился к Пастуху, сияя белыми зубами:

— У меня нет денег, зачем они мне? Я живу в раю, со своими друзьями. Я их не ем и не продаю, как и ты своих. У меня есть все — солнце, вода, пицца, друзья. Банк вложил свои деньги в рай, и по-моему, это неплохое вложение. А свихнулся я не больше, чем ты со своим кривобоком джазком в Южноморске. Мы с тобой родственные души, Пастух. И поэтому я отпущу вас из рая живыми. Как тебе такой компромисс? Немногим такое удавалось, а? И кстати, здесь не курят, так что засунь себе эту дрянь в... карман и не порти мне тут атмосферу.

Пока Пастух, обалдевший от сказанного, смотрел на сигарету в своей руке, между ним и столом встала белоснежная корова, игриво хлопая огромными влажными глазами. На голове у коровы красовался пышный венок из ромашек, и она как будто бы улыбалась Пастуху.

— Маша! Машка, уйди! — воскликнул Гуру, внезапно впадая в страшную экзальтацию. — Уйди, кому говорят, глупое создание!

АНТОН СОЯ

Вена на лбу чересчур смуглого Гуру быстро запульсировала, а Пастух, мысленно поблагодарив фартовую судьбу, швырнул сигарету куда-то в высокую траву, лихо запрыгнул на любопытное животное и приставил пистолет к его голове, небрежно держась рукой за коровий рог.

— Тише, Гуру, тише, — глумился он над беднягой, который от любви к этой рогатой скотине и страха за ее травоядную жизнь давно поседел бы, будь на его голове хоть один волосок. — Тише, Гуру. Твоя телка тебя подвела, с кем не бывает. Не злись только и не нервничай, я ее не трону. Меняю телку на двух быков, как тебе обмен? Оружие на стол, и дальше будем разговаривать в менее заряженной — в прямом смысле этого слова — негативом обстановке.

Испуганные глаза Гуру предательски заблестели, и трясущимися от страха руками он положил оружие на стол. Потом быстро, несмотря на мандраж, фермер развязал своих заложников и пулей рванулся к корове. Пастух любезно слез с оказавшей им неоценимую услугу Машки и уселся между освобожденными товарищами. Все пятеро достали свои стволы, и теперь Гуру был как на пятерне у этой южноморской братии.

— Не бойся, Машенька, не бойся, я с тобой, — заикаясь, проговорил Гуру, поглаживая корову по ее не изменившей выражения морде.

— Прямо Дубровский, — съехидничал Пастух. — Да брось ты, Гуру, мы блаженных не трогаем. И с

телками их не воюем. Лично против тебя и твоих зверушек мы ничего не имеем, так что расслабься немного. Повезло тебе — я тоже животных люблю, — признался Пастух, чем вызвал удивленные взгляды своих сотоварищей. — Ну конечно, не так сильно, как ты. Рыбка золотая у меня... была. Кстати, ты зачем моих парней так обидел — повязал? — резко сменил он тему разговора, поняв, что сболтнул лишнего о своих слабостях.

— А потому, что я их не звал. Зачем они в мой ашрам залезли, зачем мандалу топтали, друзей пугали, а? Зачем?

— Ашрам, мандала, — обиженно повторил Пузцо и надул свои и без того пухлые губы. — Ты чего, Гуру, ругаешься? Может, тебе по харе кришной?

— Тихо, тихо, — усмирил Пастух приятеля. — Значит, так. Рай на Земле — это хорошо и прекрасно, но на чужие бабки — не хорошо и не прекрасно. Я банку дал слово джазмена, что должок ты им отдашь. Так что теперь придется мне рамсы разводить, а ты, скотолоб, стой тихо. Чтоб ни слова, — приказал Пастух начинающему бледнеть Гуру, набирая номер телефона на своем гладком черном мобильнике.

— Але, отец родной? Тут у нас проблемка нарисовалась. Какая же сука там у тебя кредит выдала на всю голову больному придурку?! Да, да, ты уж разберись. Нет у Гуру ни мозгов, ни денег ваших, живет он скотской жизнью с домашним быдлом, жрет их пойло, на людей кидается и Машу кукума-

АНТОН СОЯ

шит, Маугли хренов. Да, такая вот мандала, чего мне с него взять-то? Скот забрать? И куда мы его, в ЗИМы? Фургон нанять я только завтра смогу — сегодня ж воскресенье. Ну ладно, ладно, понял. С паршивой овцы... Раз обещал, значит, сделаю. Ты меня знаешь. Слушай джаз.

Пастух некоторое время смотрел на Гуру. Тот, испугавшись пуще прежнего, пытался обхватить свою корову, показывая тем самым, что ни за что на свете не желает расставаться с этими центнерами любимого существа.

— Расслабь булки, Гуру, телка твоя у тебя останется. И кролики твои, и кроты, и белки, — насмешливо успокоил Пастух трясущегося старика. — Быка заберем, пару телок, коз там да свиной — у тебя, я смотрю, этого добра не считано. Эта жертва в твоих же интересах, свинопас, отстанут от тебя все на какое-то время, а там, глядишь, банк лопнет или тебя за твои кущи заметут. — На этих словах Пастух ехидно кивнул в сторону могучих зарослей конопли, расположившихся недалеко от стола с фруктово-молочными яствами.

— Может быть, ты и прав, Пастух, — медленно шевелил посеревшими губами Гуру, — командуй дальше, разбойник.

— Собирай свою паству, выдавай нам козлов отпущения, вот эту Дуську я точно заберу, — указал добреющий на глазах Костя на влюбленную свинью, — ну и давай садись за стол, забьем трубку мира, старый придурок.

74

Обрадовавшись благополучному разрешению вопроса, Гуру направился к конопляной плантации, не отпуская от себя ни на шаг корову Машу.

Саньч, подождав, чтобы фермер отошел, склонился к уху Пастуха:

— Куда мы их сейчас заберем? Может, завтра с фургоном подведем?

— Нет. Нельзя их тут до завтра оставлять. Это ж тоталитарная секта, потравит их Гуру, на хрен, и сам застрелится. Надо их сейчас, пока он на нерве, забрать. Не верю я людям, которые со зверями разговаривают, — так же шепотом ответил ему Пастух и сразу же призадумался над своими словами.

ГЛАВА 12

Как устроить в городе внеплановый карнавал и получить приглашение на важный прием

Спустя час по улицам Беленджика в сторону пляжа двинулась веселая процессия, не хуже цирка Дурова на выезде. Между двух ползущих друг за другом ЗИМов топала трофейная часть паствы Гурю во главе с красноглазым и веселым Пастухом. Рядом с ним семенила верная свинка Дуська, а сам бандит наигрывал на саксофоне любимые мелодии. Навстречу попадались ничего не понимающие люди, которые тут же начинали радостно аплодировать и хохотать над увиденным, думая, что случайно попали на какой-то парад достижений фермерско-музыкального хозяйства. Пастух приветливо подмигивал молодым девчушкам с загорелыми лицами и картинно кланялся их обомлевшим мамам.

— Да, немного нашему Пастуху нужно для счастья: преданное стадо, пара телок, мундштук в зубы и дать джазу. Ну и аплодисменты, конечно. И чтоб все плясали под его дудку, — еле слышно протянул

Саньч, обращаясь к сидящему за рулем Автогенычу. Эти двое открывали всю процессию и ехали впереди. Саньч устало облокотился на дверь и поглядывал в полностью открытое окно, щурясь от яркого дневного солнца и пыли, которая потихоньку летела в салон с крыши авто.

— Ну, еще пара козлов, которым по рогам можно настучать, и кореша верные, чтоб прикрыли.

— Это точно, — согласился Автогеныч. Он изредка лениво сигналил в такт играющему Пастуху и планомерно уплетал плитку горького шоколада.

В заднем ЗИМе так же лениво переговаривались Пузцо и Ромеро. Пузцо сосредоточенно смотрел на живность, плетущуюся перед его носом, и раз в минуту плевался на дорогу через полуоткрытое окно.

— Пузцо, тебе что, наш тур по Беленджику не нравится? — укоризненно спросил его удивительно довольный Ромеро.

— Да нет, все нормально. Бременские музыканты, блин. Я вот о Гуру все думаю. Где он так наблатькался, откуда таких слов набрался — ашран, мандала? Даже я такой фени не знаю.

— Поживешь с быдлом — не так заговоришь. Зато у него трава знатная. Индийская. Мичуринец, блин.

В этот момент взору процессии открылся городской пляж. На мелководье, не забегая в море, весело плескались немногочисленные дети, издавая радостные крики, песок кое-где украшали горизон-

АНТОН СОЯ

тальные тела. Бархатный сезон неумолимо заканчивался.

— Стоп машины! — скомандовал Пастух и подошел к Санычу отдать саксофон и новый приказ.

— Братва, что-то я запарился. Пойду окупусь, зверюги — на вас!

Перепрыгнув через парапет и раздеваясь по пути, Костя побежал в сторону моря и с наслаждением бросил могучее тело в его серые пенные волны. Остудившись в бодрящем осеннем море, Пастух стремительно протрезвел и замерз. Он вылез из воды и стоял, впитывая в свое татуированное тело солнечные лучи, чтобы дать своей разрисованной коже высохнуть. Над левой грудью Пастуха красовалась надпись «Легко на сердце от песни веселой», а под ней — «Спасибо, сердце, что ты умеешь так любить». На правой груди — профиль Утесова, а руки и ноги пестрели в соответствующих цитатах: «Нам песня строить и жить помогает...», «Тот, кто с песней по жизни шагает...»

— Нинон, это кто ж такой красавец расписной? — обратилась светская львица Жаннет Дулина, та самая, что всю дорогу не давала матери покоя в поезде, к своей свежешретенной местной подружке. Их красивые томные тела занимали выжидательную позицию неподалеку от уже подсохшего Пастуха.

— Ой, это страшный бандит Костя Пастух из Южноморска, он там весь город держит в джазе, — смешно вытягивая гласные, сказала кареглазая кра-

сотка Нина. В ее аккуратной головке никак не могла уложиться мысль, что она тусует с самой Дулиной, и ее ладное смуглое тело просто распирало от неожиданного счастья.

— М-м-м, обожаю бандитов. Это то, что мне сейчас нужно. Надо же, как романтично — такой молодой, а весь город в ужасе. Надо его срочно затащить... к нам на ужин, — взвизгнула решительная Жаннет и мгновенно подскочила к Пастуху.

— Привет, как водичка?

— Сказка, — лаконично ответил Пастух молодой незнакомке, сквозь прищуренные веки моментально оценив все достоинства ее частично силиконового тела, практически не скрываемого белым купальником.

— А у нас в Москве уже заморозки скоро. А я знаю, кто вы. Вы — знаменитый криминальный авторитет. Я — Жанна, — смело протягивая худую загорелую ручку Пастуху, заявила Жаннет.

— Пастух, — неловко ответил он, взяв ее маленькую ручку в шопардовских перстнях в свою татуированную клешню, — то есть, это, Костя. А вы правда из Москвы, что ли? Скажите, у вас там серьезно так не любят джаз, как поговаривают?

— Ой, моя мама просто помешана на джазе. Приходите к нам — вам будет о чем поговорить. Расскажите о ваших трудовых буднях — терки, стрелки, перестрелки всякие — я это очень люблю.

— Нет, это скучно. Лучше мы вам споем, раз ваша мама джаз любит.

АНТОН СОЯ

— Ах вы, якудза, — такие юмористы. Ладно, петь будем все. Вы тут один отдыхаете?

— Нет, с бригадой, мы всегда вместе.

— Вот и приходите вместе к нам на ужин!

— Смелая вы. Я-то приду, вот только куда этот скот девать? Быков этих?

— Костя, да вы и правда жесткий мужчина, — захихикала Жаннет. — Как это вы про своих... У нас в Москве их давно уже «быками» не называют. Знаете что, приходите с ними.

— Что, прям с этими скотами — козлами и свиньями?! — махнул Пастух в сторону парапета.

Жаннет, в свою очередь, оглянулась в указанном направлении и увидела импозантных Саныча и Автогеныча, которые тут же сделали барышне несколько кокетливых приветственных знаков.

— Костя, — захохотала юная девица, — вы просто уморили меня, просто Павел Воля какой-то. Я сейчас от смеха лопну! Ну конечно, с ними — у нас очень демократичная семья, да и вообще, интересно взглянуть на местный колорит. Они, наверное, все такие накачанные...

— Ну да, вроде упитанные. Я бы даже сказал — породистые.

— Вот-вот, вечером вас ждем: мы с мамой соберем местный бомонд, а моя подружка Нинон позовет своих девчонок, так что вашим «быкам» скучно не будет. Я так истосковалась по приемам.

— Что ж, Жанна, раз вы так настаиваете, то до вечера. А куда ехать-то?

80

ДЖАЗ-БАНДА

— На дачу Президента! В двадцать ноль-ноль! До вечера, Костик, — подмигнула вертлявая Жаннет Пастуху, который остался в полном недоумении.

Он проводил барышню взглядом, почесал затылок и отправился обратно к своему стаду, бормоча себе под нос:

— Что-то все это мне сильно напоминает... Ну и трава у Гуру — убиться можно!

ГЛАВА 13

Как превратить банальную вечеринку в музыкальное событие года

Президентская дача, которую закончили реставрировать пару недель назад, сияла белым камнем даже в вечерних сумерках. Впрочем, вереница фонарей, светивших по всему периметру трехэтажного домика, тоже делала свое дело. Ворота дачи гостеприимно распахнулись перед собравшимся беленджикским бомондом и явили на свет фонарей кумира узколобых гламурных тусовщиков всей страны. Сливки южного городка сразу же облепили свою икону — Жаннет Дулину. Провинциальные франты, наряженные, напудренные красотки — все хотели погреться в лучах ее славы и поэтому, толкаясь и цинично улыбаясь, старались подползти поближе к Дулиной-младшей и рассказать побольше сплетен и баек про Пастуха.

— Жанночка, милая, — нарочито гнусавым голосом завел маленький фронт в настолько ярких нарядах, что резало глаз, — но почему столько чести деревенскому бандиту? Он же агламурный и играет какой-то дурацкий джаз к тому же!

— Ну надоели мне модники, — завела Жаннет, по-детски надув губки. — Есть в Косте какая-то первобытная сила и привлекательность. Он настоящий мужик, грубый и неотесанный. У нас в Москве таких либо уже поубивали, либо они выродились, заплыв денежным жиром. А у вас есть еще редкие экземпляры и эксклюзивы.

— Ну что ж, Жорж, — обиделся разноцветный фрикер, приобняв своего стильного высоченного товарища, — мы опять пролетаем. Высокоутонченные люди нынче не нужны никому!

— Едут! Едут! — закричала Жаннет, не обращая никакого внимания на то, как скулят напомаженные парни.

В это время к даче подошла долгожданная процессия, состоящая из Пастуха, его банды и разношерстного стада. Засветившись от радости ярче фонарей, Жаннет побежала им навстречу, а гости, стараясь выслужиться перед ней, встретили «Веселую бригаду» овацией.

Слева от забора, где густо разрослись колючие южные кустарники, неожиданно выскочил микроавтобус местного телевидения. Из него уверенно выпрыгнули репортер и оператор и целенаправленно побежали к Пастуху, расталкивая собравшихся гостей локтями.

— Итак, светская хроника, — затараторил лысеющий низенький мужчина в выцветшей синей футболке с непонятной надписью на китайском

АНТОН СОЯ

английском, глядя в камеру. — Весь свет Беленджика собрался вечером на президентской даче у московских примадонн — гостей нашего города Алисы и Жанны Дулиных — в ожидании эксцентричного босса мафии и звезды джаз-андеграунда из Южноморска. Пастух с товарищами явились при полном параде — все очень гламурненько. А вот и первый сюрприз: вместе с ними на вечеринку пожаловал целый зверинец. — Журналист указал на стайку живности своему оператору в коричневой кепке и смешных круглых очках, увеличивающих его глаза примерно вдвое. — Сейчас я постараюсь выяснить, что же именно привело сюда южноморских звезд и, так сказать, стражей порядка.

Журналист растолкал последних зевак, заграждающих ему путь к Пастуху, и нацелился на бандита своим огромным микрофоном.

— Константин, извините, добрый вечер, Гла-Мор-ТВ. Расскажите, пожалуйста, почему вы пришли к Жанне и Алисе Дулиным с целой скотобазой? Это дань вашему любимому фильму или всего лишь продолжение серии издевательств над поп-звездами? Как вы познакомились с Дулиными? Ваши отношения со столичной светской львицей...

Но надоедливому репортеру так и не удалось узнать ответы на все эти вопросы, потому что Пастух, услышав святую фамилию, впал в транс. Не обращая никакого внимания на камеру и микрофон, который нагло тыкали ему в лицо, бандит поспешно проследовал в зал и увидел скучающую за

столом примадонну. Только тут он отреагировал на выкрики не отстающего от него ни на шаг журналиста, заткнув ему рот ладонью, а сам застыл перед столом, протирая себе свободным пудовым кулаком глаза.

Пастух все смотрел и смотрел на Алису Марковну не моргая и не мог произнести ни слова. Предательские капельки пота забегали по его лицу, а рот перекосясь так, что Костя перестал походить на самого себя. Наконец он перевел дух, вытер пот своей широкой ладонью и хриплым из-за пересохшей глотки голосом выдавил из себя:

— Жаннет, кто это?

— Мама, — удивленно ответила младшая Дулина.

— Это что, и в правду Дулина? Я не сплю?

— Ну да... — Жаннет смотрела на бледного Пастуха и абсолютно не понимала, что происходит. Озарение снизошло на нее, когда Пастух на ватных от радостного шока ногах подбежал к Алисе и пал на колени.

— Опять дефектный, — пожала плечами Жаннет.

— Что за хамство?! — заверещал пришедший в себя после морального шока журналист. — Заткнуть рот прессе! Жанна, может быть, вы расскажете, почему вы предпочли роскошной свадьбе в Москве вечеринку с местным криминалом?

— Да пошел ты, козел! — рыкнула Жаннет на журналиста, как назло, в то время, как его верный товарищ и коллега с камерой споткнулся об козла,

АНТОН СОЯ

пугливо озирающегося по сторонам от оглушительного хохота.

— Ну, это уже слишком! Скотобаза! — не успокаивался журналист.

Тогда Ромеро и Пузцо, взяв его за руки и за ноги, вышвырнули бедолагу в распахнутое настезь окно. Следом за ним добровольно прыгнул оператор, что есть сил прижимая к себе уже пострадавшую от прошлого падения камеру.

— Вот это круто, — в такт гостям заплодировала Жаннет, любившая brutальные развлечения и уважающая грубую силу и удаль.

Она взяла Ромеро и Пузцо под руки и повела к столу, где до сих пор перед обалдевшей от происходящего действия Алисой стоял на коленях Пастух. На его глазах выступили слезы так внезапно свалившегося счастья, а Алиса никак не решалась прервать драматическую паузу, переводя взгляд то на Пастуха, то на животных, которые пока боязливо поглядывали на напичканный всякими яствами стол. Наконец примадонна открыла рот:

— Что за чертовщина? Молодой человек, вас что — паралич разбил? Вы и есть тот самый знаменитый король местных разбойников?

— Царица, — надрываясь, прокричал Пастух, — это ваш голос, Алиса! Вы мой кумир, я вас боготворю! Простите, но я не знал, что такое возможно, я без цветов, простите меня! Но как, как вы сюда попали? — не вставая с колен, не унимался бандит.

— Ну что вы несете, молодой человек! — воскликнула Алиса. — Моя дочь Жаннет сейчас в сто раз популярней меня. Она зовет вас в гости, и вы не знаете, кто она и что я — ее мать? Вы что, телевизор не смотрите? Не читаете газет? — в недоумении смотрела на бледного Пастуха певица.

— Нет, — смиренно ответил Костя, не отрывая взгляда от своей богини.

— Да ну, дикость какая-то. Хотя да, вы же бандит, — небрежно бросила Пастуху Дулина, отрывая от грозди винограда ягодку.

Ее белоснежное блестящее платье переливалось в ярком свете огромной люстры, висевшей под потолком. Светлые волосы певицы нагло спадали на обнаженные плечи и пахли какими-то райскими фруктами, обещающими невероятное наслаждение. Она, словно старшеклассница, волновалась и ежилась под пронзительным взглядом Пастуха. Хотя, может быть, она просто немного побаивалась его разбойничьей репутации.

— Нет, я не бандит, я джазмен. А вы — мой кумир, — выдал Пастух, все так же пристально всматриваясь в притягательные глаза своего идола.

— Джазмен, какая прелесть. А эти ухари — это, значит, ваша джаз-банда? — небрежно указала звезда в сторону нукеров Пастуха, с которыми усердно флиртовала раскрасневшаяся Жаннет.

— Да, это мои музыканты. И мы все преклоняемся перед вами.

— Но, может, вы не знаете, я уже лет десять не пою джаз.

АНТОН СОЯ

— И это — моя боль, королева! — наконец встав с колен и схватив со стола бокал шампанского, воскликнул Пастух. — Ну, шушара беленджикская, пьем за звезду мирового джаза Алису Дулину и за ее красавицу дочь. Залпом и стоя.

Пастух опрокинул в себя большой бокал игристого вина. Многочисленные гости, радостно вздохнув, последовали примеру джазмена, и как по команде покатился пир горой. Зал заполнился музыкой звонких бокалов, радостного смеха и не менее радостного чавканья. Когда в зал вернулись недовольные и помятые тележурналисты, вытаскивая из своих волос и одежды ветки и траву, их попросту никто не заметил. Потрясенный страшной несправедливостью репортер, понимая, что никто не разделяет его негодования по поводу произошедшего с ним инцидента, воздел короткие ручки над головой и патетически возопил:

— Скоты! Жрущее быдло!

Но сливки общества за столом и четвероногая паства рядом с ним не пожелали обратить внимание на надоедливых вездесущих работников средств массовой информации и жадно продолжили поглощать разнообразную закуску. Только чуткие к чужой боли Пузцо и Ромеро, не выказав ни тени недовольства, встали из-за стола и ловко повторили точь-в-точь свой старый трюк с окном. Репортер и оператор со свистом улетели обратно на свежий воздух, а бандиты вернулись к еде и аплодирующим дамам.

88

— Я даже мечтать о таком не мог, Алиса, — пожирал глазами Пастух свою воплотившуюся мечту, — я сижу рядом с вами, королевой джаза. Я не могу ни есть, ни, кажется, дышать, — наливая себе и Алисе очередной бокал алкоголя, признавался бандит.

— Костя, — отошедшая от первого впечатления артистка уже доверчиво принимала добавки из бутылки с высоким горлышком и радостно чирикала с собеседником, — а вы всегда по гостям с домашним скотом ходите?

— Это имущество нашего банка, да и бог с ним. Алиса, а вы любите Утесова?

— Я, Костя, знаете, как-то больше Гершвина люблю.

— Тогда за Гершвина! — закричал Пастух, налил полный бокал и тут же выпил.

Гости за столом изрядно опьянели, еле успевая за тостами Пастуха, который разогнался не на шутку. Ромеро и Пузцо отчаянно развлекали раскрасневшуюся Жаннет похабными анекдотами, от которых она гоготала как барышня сомнительного поведения с центральных ночных улиц. Автогеныч и Саныч собрали вокруг себя маленьких, ничего не понимающих от плещущегося внутри алкоголя дам и что-то им оживленно втирали о своих лучших боевых похождениях, демонстрируя синие нательные татуировки и шрамы.

Животные Гуру уже постепенно приходили в себя от этого шума и уверенно таскали еду со стола,

АНТОН СОЯ

в то время как одинокие гости дружелюбно наливали им алкоголя. На этой скользкой почве где-то ближе к полуночи между людьми и животными произошло странное единение. Некоторые дамы обнимались с ошалевшими козлами, что-то им рассказывали, а те понятливо трясли бородами. Весьма разогретые гости громко разговаривали и гоготали, периодически сталкиваясь головами и даже целуясь с коровами и овцами, которые хоть и пытались слушать гостей сосредоточенно, но не изменяли своим привычкам и неумно гадили не отходя от стола. Поклонница Пастуха Дуська преданно терлась под столом о его ногу и счастливо похрюкивала. Звон бокалов порой заглушал человеческие голоса, яркий свет слепил, как вспышки фотоаппаратов, отражаясь от хрустальной посуды. Все напоминало какое-то сумасшедшее шоу, клоунаду на скотном дворе или скотское представление в сумасшедшем доме.

— Алиса Марковна, вот если бы мы сегодня с вами вместе спели — то сбылась бы моя хрустальная мечта, — едва шевеля языком, признался Пастух.

— Костя, во-первых, давай на «ты». А во-вторых, я же тебе уже говорила, что давно не пою джаз. А мой нынешний репертуар тебе вряд ли придется по душе.

— Элис, звезда моя, ну зачем ты поешь эту лабуду? Кто тебя заставил? Тебя что, пытали? — Пас-

тух уже с трудом владел языком и фокусировал взгляд на диве.

— Костя, джаз сегодня мало кому нужен. Ты знаешь такое понятие «формат»? Нет, вряд ли ты знаешь. Вот и молчи, деревня ты наша. Мои песни не ротировались, меня это волновало. Мне все популярно объяснили и показали, что нужно народу. И что я должна была сделать, уйти в партизаны?

— Да как, как они могут такое творить?! — разводил руками Пастух. — Джаз — это святое. Алиса, давай выпьем за Дюка?

— Ну давай, бандюга, давай за Дюка, — торжественно подняла бокал Дулина, чем вызвала крики радости, аплодисменты и громкий звон бокалов.

— Джаз никому не нужен?! — едва поморщившись от мощного глотка виски, спросил Пастух. — Да у меня в Южноморске его все любят: и старики, и детишки, а девки так вообще кипятком исходят на наших концертах. Переезжай к нам, Элис, мы тебя коронуем.

— Я подумаю.

Кажется, нежная дружба звезды и поклонника уже готова была перерасти в нежный поцелуй, но тут между Алисой и Пастухом влезла морда протяжно мычащего, пьяного быка.

Пастух, отгалкивая морду, умудрился налить себе и певиче очередную порцию.

— Уйди, бычара! Алиса, давай за Элли. Такой голос, как у тебя, только у нее и был!

АНТОН СОЯ

— Давай! За Фицджералд! Эх, Костя, Костя, — обняла Пастуха за шею уже абсолютно пьяная Алиса, — если бы ты знал, как мне самой надоела вся эта попсытина, как я хочу петь джаз, родной джаз.

— Элис, я все решу! — геройски крикнул Пастух, икнул и выпил еще глоток горючей жидкости.

В двери зала тихонько вползли незадачливые тележурналист и оператор, добрались до края стола, сели и молча набросились на остатки яств. Пастух, приобняв Алису за плечо, продолжил гусарскую атаку:

— Что мне Москва? Большая деревня. Я ее вполтыка застрою. Вот завтра же метнемся с братвой, и все — полный джаз.

— Костя, — по-матерински засмеялась Алиса, — Жанночка мне сказала, что ты серьезный криминальный босс. Но ты какой-то младенец, до невозможности влюбленный в джаз.

— Нет, Алиса, ты напрасно шутишь, в Москве я все улажу за два дня. Мы с тобой еще в «Олимпийском» дадим джазу вместе, я тебе обещаю! Давай теперь за Армстронга выпьем и за дочку твою, она у тебя красавица. Не поет?

— Нет, у нее свой путь, — начала было Алиса, как тут же за ее спиной возникла легкая на помине Жаннет.

— Мамочка, я хочу на чуть-чуть ангажировать твоего кавалера, можно? — приобняв за плечи Пастуха, замурлыкала юная львица. — Мне, кстати, твои

нукеры, Костенька, такого про тебя рассказали. Да ты просто стра-а-а-ашный разбойник!

— Нет, доченька, он — артист, — встала на защиту бандита Дулина-старшая, великодушно убирая свои руки с Костиной шеи.

— Жанна, я — джазмен, — нарочито отчетливо проговорил Пастух, тяжело поднимаясь со стула. И как только он не без труда выпрямился перед молодой красавицей, она его неожиданно страстно поцеловала.

— Круто, детка, только я все равно артист. Ты меня не раскусила. Потому что раскусывать нечего, — не сдавался Константин.

— Ма, да ты на руки-то его посмотри, синие от татуировок, они же наверняка в крови по самый локоть.

Жаннет уверенно схватила руки Пастуха, который был не в силах сопротивляться, и продемонстрировала их маме. Алиса, в свою очередь, тоже была не в силах достойно реагировать. Она лишь косо посмотрела на синие узоры на руках Пастуха и снова устремила свой взгляд на стол, кишачий грязной посудой, початыми бутылками и остатками еды.

— Ну, сейчас я вам покажу, мои дорогие дамы, — освободившись от руки Жаннет, достаточно бодро и с вызовом крикнул Пастух. — Друзья, где мой сакс?

Он громко швырнул свой вопрос в атмосферу комнаты. Его банда, разбежавшаяся по углам с бой-

АНТОН СОЯ

кими провинциальными красотками, тут же вскочила и принялась искать инструменты. Народ засуетился, свинья Дуся с визгом стала носиться по залу. Бандиты расчехлили имеющиеся инструменты: Саньч вцепился в свой контрабас, Пузцо нацепил на плечо огромный барабан, Ромеро держал наготове сакс Пастуха. Автогеныч, заприметивший в углу комнаты блестящий черный рояль, примостился за ним в ожидании, когда можно будет запустить ловкие пальцы в белоснежные клавиши.

— Сейчас я вам покажу, — пообещал Пастух гостям, кричащим и ликующим, и, конечно, двум королевам вечера — Дулиным. Жанна закатила глаза и сложила в мольбе руки на уровне пышного бюста.

— Только не это, — просила девушка, — сколько можно, нет, только не это!

— Сейчас-сейчас, моя дорогая, — подмигнул ей Пастух и вцепился в свой блестящий саксофон.

«Веселая бригада» чинно начала с джаз-стандартов, а потом концерт плавно перерос в фантазмагорию с Костиным репертуаром, состоящим из бесшабашных заливчатских приклатненных песен, положенных на джазовую основу, про нелегкую долю уркаганов. Под этот неумный адский коктейль просто невозможно было устоять на месте, и весь приглашенный люд немедленно пустился в пляс, самые продвинутые при этом умудрились забраться на стол.

Звери принимали активное участие в общем веселье: кричали-мычали, скакали и падали на пол в

невиданной ажиотации, не отставая от дошедших до животного состояния людей. В конце концов упившийся бомонд потихоньку начал звереть, зверюшки напоенные, наоборот, очеловечивались, происходило внеплановое единение природы.

Только Жаннет некоторое время скучала, одиноко упиваясь за столом разочарованием и водкой, но после того как один из гостей поскользнулся на тарелке с рыбой и упал прямо перед ней, взметнув салатный фонтан, не смогла продолжать тосковать и бросилась в гущу танцующих, выписывая стройными ногами невообразимые кренделя.

Перед Костиными глазами все дальнейшее поплыло в дымке пьяного тумана и распалось на яркие, но разрозненные фрагменты. В первом из них он отчаянно пытался схватить хоть за какую-нибудь часть тела раздухарившуюся джаз-икону, которая прыгала рядом, смеялась и подпевала, приводя широкую душу Пастуха в искрящийся восторг. Но как ни старался он завладеть малой толикой кумира, его рука постоянно нащупывала то корову, то овцу, то козу, в бешеной эйфории скакавших рядом с ними.

В следующем лоскутке сознания, с трудом вернувшегося из розового дурмана, Пастух радостно пел для Жаннет и ее друзей, которые в безумном канкане махали вокруг него ногами, причем некоторые взлетающие в воздух ноги были покрыты шерстью и заканчивались копытами. А в это время верный Пузцо, стоявший бок о бок с главарем,

АНТОН СОЯ

вместо барабана усердно молотил палкой по своему толстому голому животу.

Дальше вниманием Пастуха целиком завладели поющие хором припев его песни свиньи, при этом поправляющие на шеях цветастые платочки, и танцующая на столе чечетку вертлявая коза; а в следующий момент на его губах застыл страстный влажный поцелуй Жаннет. Они стояли в пустом полутемном коридоре. Девушка держала его руку в своей и насмешливо глядела ему прямо в глаза:

— Я думала, ты — бандит. А ты простой музыкантишка.

— Сегодня Пастух — музыкант, а завтра — босс мафии! — Пастух потянул Жаннет за тонкую загорелую руку, но девица не поддалась.

— Вот завтра и приходи, а мы утром, слава богу, все равно улетаем. Маман срочным образом выдернули на корпоратив, да и мне за два дня тут порядком надоело! Пока, бандит, — рассмеялась Жаннет и убежала в направлении своей спальни, со смаком чмокнув его в пьяный лоб.

— Куда? — не успел вовремя отреагировать Пастух, как Жаннет уже и след простыл.

Он прислонился к стенке и тщетно пытался понять суть происходящего. Постояв так несколько секунд, бандит решил догнать Жанну, хотя уже потерял ее из виду, забежал в какую-то душную спальню, неожиданно получил из темноты подносом по голове, споткнулся о свинью и провалился

в мягкое и тягучее беспмятство. Чьи-то нежные, но сильные руки потащили его обмякшее тело к огромной кровати. Двери спальни захлопнулись, и из-за них стали раздаваться недвусмысленные скрипы, шуршания и шебуршания, быстро переросшие в крики и стоны страсти.

На эту музыку любви, как на волшебную свирель, немедленно пришли Автогеныч с Саньчем в обществе новых подруг и застыли под дверью с широченными довольными улыбками. Наконец-то верным кунакам удалось разыскать шефа, пропавшего после угарного концерта.

— Ха! Во Пастух дает джазу. Свингует-отжигает, — нахально рассмеялся Саньч, обнимая девицу в коротеньком зеленом платье. На вид ей от силы можно было дать лет шестнадцать.

— А что, разве Костя не женат? — наивно вытирашив любопытные глазки, спросила длинноволосая юная особа.

— Женатый — не мертвый, малышка. Поняла меня, Танюха?

— Ага-а-а, — задумчиво протянула она. По ее еще больше округлившимся кукольным глазам было видно, что она не уловила ни малейшего смысла сказанной взрослым избранником фразы.

— А вообще и не женатый он на самом-то деле, они с Любкой по любви живут, не расписываясь, — задумчиво добавил Автогеныч, тиская музыкальными пальцами свою притихшую от выпавшего на ее долю счастья пассию.

АНТОН СОЯ

— А-а-а, ну тогда можно, — пролепетала вконец запутавшаяся Танюха, — тогда можно.

К утру в доме воцарилась похмельная тишина, изредка прерываемая резкими всхрапываниями гостей, приютившихся кто где. Кто-то спал на грязном полу среди распростертых человеческих и звериных тел, кто-то прямо на столе, головами в тарелках и укрывшись скудными лоскутами скатерти. С их лиц стекали остатки соусов, с ушей сосульками свисали какие-то соленья, волосы блестели от засахарившегося ликера.

Алиса Дулина спала богатырским сном, сидя за столом и облокотившись на костлявое плечо докучливого расфуфыренного франта, растерявшего за ночь половину своей боевой раскраски. Обиженный франт спал нервным сном, периодически постанывая и дергая узким плечиком, тщетно пытаясь освободиться от народной артистки. На красивом дорогушем платье Дулиной красовалось огромное пятно красного вина, а в волосах романтично торчал кусочек клубники. Вытянутые под стол ножки примадонны нашли свой покой на широченной, ровно вздымающейся груди Пузца, образующего под столом центр живописной группы, достойной кисти Питера Брейгеля-младшего.

Пузцо храпел, одной ручищей обняв здоровенную свинью, а другой обхватив Ромеро, который намертво вцепился правой рукой в бутылку, а левой — в совершенно голую девицу, удачно соседст-

вующую со стайкой овец. Она устроилась между животными, как младенец в подушках, то и дело что-то сладко бормотала во сне и закидывала длинные ноги на мягких пьяных соседей. Саньч и Автогенъч, обнявшись со своими невзрослыми полубнаженными подружками, с чувством выполненного долга спокойно спали в просторных креслах у спальни Жанны. Кресла стояли по обе стороны от двери и смогли бы вместить в себя еще по паре пьяных весельчаков. Тяжелые двери Жанниной комнаты медленно отворились, и из нее на мгновение послышался грозный храп Пастуха. Опасливо озираясь, из спальни грациозно выскочил женский силуэт и скрылся в неизвестном направлении. А сквозняк с такой силой захлопал всеми дверями в доме, что чуткие бандиты заморгали красными глазами, высвободившись из хрупких рученок своих соседок по креслам. Но не найдя вокруг никакой угрозы для шефа, перевернулись на другой бок и продолжили безмятежно храпеть. Сквозняк продолжил игру с дверями и окнами виллы и преуспел в своей хулиганской выходке — разбудил пьяную беленджикскую тусовку.

Первым проснулся побитый, помятый ТВ-журналист, который прикорнул на дальнем уголке стола. Страдалец поднял с рук тяжелую большую голову и с радостным удивлением узрел подслеповатыми глазами аппетитного поросенка на блюде, чудесным образом уцелевшего на разгромленном столе. Журналист опасливо оглянулся, убедился, что все спят,

АНТОН СОЯ

и, победно прошепав: «Скотобаза», взял нож и вилку и приступил к разделке поросенка. В тот же миг раздался страшный визг, обиженный поросенок спрыгнул со стола, свалив незадачливого бедолагу, и стал носиться по залу, продолжая сиренить не хуже пожарной машины. Теперь уже пробудились абсолютно все. Раздетые оделись, одетые отряхнулись и, не поднимая глаз, поспешили разойтись по своим делам.

ГЛАВА 14

Как быстро принять судьбоносное решение

Пастух, абсолютно голый и в наглой, призывающей к действию позе, лежал в спальне Дулиной. Груда разноцветных атласных подушек по всему периметру кровати создавала ощущение какой-то сказочности. Впрочем, разбросанная по комнате мужская одежда, носки, коварно висящие на люстре, и зеркало на потолке, которое хранило в себе тайну всего увиденного, сглаживали это сказочное впечатление, уводя ассоциации в совершенно противоположную сторону.

Братва склонилась над своим боссом, наблюдая, как тот шевелит во сне губами, и некоторое время молчала. Наконец пересохшее горло Саныча выдало всех присутствующих, потому что он закашлял, как старый дед, и разбудил Пастуха, который не без труда разлепил глаза.

— Босс, Люба тебя убьет, — хрипло сообщил Саныч Пастуху, на груди и шее которого сверкали

АНТОН СОЯ

боевые засосы, напоминавшие по форме и цвету едва поспевшие вишни.

Костя, обалдевший от таких первых утренних заявлений, начал озираться вокруг и, не найдя ничего интересней надписи «Спасибо, Котик!» губной помадой на зеркале, рухнул обратно в подушки.

— А где все? — просипел Константин.

— Улетели твои Дулины в свою Москву поганую. А гости разбежались по домам.

— А с кем я вчера, того этого? Ни черта не помню.

— Ну, это как обычно, — с традиционным сарказмом выдал Пузцо.

Пастух сосредоточенно старался заставить себя вспомнить, с кем провел эту бурную ночь, но никак не мог понять, кто та незнакомка, что так тщательно наследила на его теле. Перед глазами мелькали обрывки вчерашнего веселья, разговоры с Дулиной, Жаннет, пьяные животные, малолетние девицы, обвившие шеи Саныча и Автогеныча, звон бокалов, искры шампанского, дикие пляски, яркие вспышки фотоаппаратов — весь этот балаган, прекратившийся для Пастуха ударом подноса и продолжившийся сладкой ночью, лучше которой он не мог представить. Он тщетно пытался соединить все события в одну цепочку, но всякий раз спотыкался на том или ином месте, не в состоянии прекратить думать о прошедшей, к его великому сожалению, ночи. Ему казалось, что на его

102

губах все еще тлеют огненные поцелуи незнакомки, но он никак не мог понять и сопоставить, кому же могли принадлежать эти жаркие сладкие уста, что теперь не дадут ему покоя, пока не объявятся вновь. Такие нежные, такие желанные, такие родные...

— Не может быть, неужели... с Элис? — осененный неожиданной догадкой, испуганно спросил Пастух и, полежав еще минуту в полном оцепенении, встал с кровати. Из-под одеяла тут же с визгом выпала сонная, измазанная помадой Дуська — любимица и верная поклонница Пастуха, маленькая свинка со смешным хвостиком-спиралькой.

— Ну что, братва, теперь нам одна дорога — в Москву, за базар отвечать, — напряженно проговорил Пастух, пытаясь затушить гомерический хохот коллег. — Наобещали мы вчера народной певице — теперь надо ехать. Дадим Москве джазу! Так что, битлы, айда в Южноморск, с родными прощаться.

Банда, правильно оценив звенящий пафос в голосе Пастуха, в момент посерьезнела. Через полчаса «Веселая бригада» вышла из особняка, уже исполненная значимости своей нелегкой будущей миссии, хоть и в мятых костюмах и с такими же лицами, зато в полном вооружении. Во дворе местные добровольцы заканчивали грузить похмельных животных в фургон для перевозки скота, присланный банком из Южноморска. Саныч подошел к фурго-

АНТОН СОЯ

ну и, сняв у грустного покорного быка с могучей шеи колокольчик, положил его в карман двубортного пиджака.

— На память о классной тусе. Держись, братан!

Саньч по-дружески похлопал быка по могучему рыжему боку и присоединился к товарищам, садившимся в запыхавшиеся ЗИМы. Заурчали мощные моторы, и джаз-банда рванула в родные пенаты прощаться с дорогими их сердцам земляками.

ГЛАВА 15

Как правильно попрощаться с родными перед гастролями

День промчался быстро, как почтовый поезд. Героические спасители джаза успели вернуться домой, попрощаться с семьями и собраться в дальнюю дорогу. Ехать было решено на родных боевых машинах: хоть и дольше, зато привычнее и понту больше. Правда, Пастуху не удалось по-человечески попрощаться с Любой. Строптивая девица забаррикадовалась в своей спальне и, ответив оттуда на Костины объяснения о срочном отъезде и великой миссии сакраментальным «скатертью дорога», замолкла до его ухода.

На душе у Кости скребли кошки. Его сердце разрывалось между диковатой, но милой сердцу и такой родной Любовью и таинственной незнакомкой, исполнившей прошлой ночью все его заветные мечты и растаявшей в предрассветной дымке.

Толпа южноморских любителей джаза облепила еще недавно грязные от дорожной пыли ЗИМы, которые теперь блестели, как бриллиантовые слезы в

АНТОН СОЯ

глазах провожающих бандитов-музыкантов поклонниц. Администрация города и допущенные к телу фанаты «Веселой бригады» пожимали своим героям руки и что-то истерично тараторили Пастуху. Пастух, вполуха слушая их, бережно достал из машины свой любимый саксофон и торжественно передал его Ромеро как символ власти. Ему же Костя громогласно поручил следить за порядком в Южноморске, чтоб все в родном городе знали — их жизнь в надежных волосатых татуированных руках. Пастух и Ромеро по-братски обнялись, толпа торжественно заулюлюкала. Пора было ехать. Не признаваясь в этом себе, во время прощания Костя жадно искал в толпе Любу и не обращал должного внимания на преданных фанаток, которые, обливаясь слезами, трясущимися руками протягивали ему какие-то скромные подарочки и домашние пироги в дорогу. Любовь не пришла.

Пастух и сотоварищи забрались в машины и отчалили в далекую враждебную Москву, где так не любят джаз. И как только осели клубы пыли, поднятые колесами ЗИМов, город свободно выдохнул и зажил обычной жизнью. Во всех домах заиграла разнообразная, большей частью попсовая музыка, молодые девчонки со своими бабушками переключились на мыльные оперы, пацаны вытащили из-под кроватей запрещенные Пастухом игровые приставки, а наиболее продвинутые горожане, не веря своему счастью, включили модемы. Только из музыкальной школы имени Утесова стоически доно-

106

сились звуки джазовых композиций, там подрастала смена легендарной бригаде. Прислушиваясь к непривычной за последнее время городской какофонии, насупленный Ромеро, устроившись за старым столом в собственном саду, отодвинул в сторону блестящий сакс и задумчиво чистил вороненый кольт.

Девочки, так и не вручившие свои подарки суровому кумиру, почти успокоились и обсуждали «Дом-2», тайно посмотренный ночью с выключенным звуком. А из дома Пастуха слышался трагический звон разбивающегося стекла — это Люба методично крушила все, что попадалось ей на глаза, Костиной же битой, угрожающе напевая свое любимое «Любовь нечаянно нагрянет».

Задумчивый Пастух за рулем одного из двух ЗИМов сосредоточенно смотрел на дорогу, поглаживая одной рукой Дуську, на бок которой он заботливо нанес татуировку в форме помадного поцелуя, застывшего на нем после страстной и роковой ночи в доме Дулиных. Мимо пролетали южные сады, махая ветками, будто прощаясь с бандитами. Рядом с Пастухом дремал Пузцо, сладко посапывая, как огромный кот-пылесос. По лобовому стеклу печально постукивал редкий в здешних краях дождик, за окном становилось темно, как на душе у Константина.

ГЛАВА 16

Как привить окружающим хороший музыкальный вкус

Два вороных ЗИМа, как недобитые всадники Апокалипсиса, уже почти двое суток летели по трассе, рассекая светом фар предутреннюю мглу. Серьезный Пастух за последнюю ночь не сказал ни слова своему соседу по авто — Пузцу, который, сменившись последний раз, к этому моменту уже успел опрокинуть несколько бутылок пива, растворившихся в его сознании радостным весельем.

Толстяк тихонько настукивал по кожаной обивке ритм любимых песен, изредка высовывался в окно и перемигивался с Автогеньчем, который находился в точно таком же состоянии. Пастух же, наоборот, был погружен в себя, ведь в неотвратимо приближающейся Москве он встретится с той, с которой провел лучшую ночь в своей жизни. Жаннет или Алиса? Навязчивые мысли поедали его изнутри, черепная коробка нервно потрескивала, а глазные сосуды наливались кровью от напряжения и сосредоточенности.

Черную ночь с мерцающими звездами и половинкой луны незаметно сменила розовощекая заря, вскорости уступившая место серому осеннему дню. Разбойничий караван остановился на автозаправке, от которой еще за километр была слышна навязчивая и непривычная строгим ушам джазменов музыка. Пастух только попробовал вылезти на улицу, но тут же захлопнул дверь ЗИМа, зажмурившись, как от зубной боли. Пузцо и Саныч, посмотрев на корчащегося босса, засунули пистолеты в баки и, не раздумывая, отправились решать музыкальный вопрос. Они подошли к окошку с надписью «Касса», из которого вырывались отвратительные звуки модной песни. Очередная звезда корпоративок гиперсексуально призывала своего спонсора-зверя сделать с ней в колыбельке все, что он захочет. Слева от окошка находилась дверь в кассовое помещение. Бандиты, не дожидаясь приглашения, вошли в убогую каморку. На старом столе стоял китайский приемник, распространяющий на всю округу эту музыкальную порнографию.

— У тебя другое музло есть? — сурово спросил Пузцо у испуганного паренька в оранжевом комбинезоне.

— А что за проблема? — постарался защититься кассир, но, увидев направленные в его сторону стволы, прекратил задавать глупые вопросы.

Он быстро подошел к приемнику и начал дрожащей рукой переключать радиостанции, но на всех волнах звучала одна и та же песня. Потеряв

АНТОН СОЯ

всякое терпение, Пузцо разрядил обойму в надоедливый приемник, а Саныч спокойно расплатился с описавшимся пареньком за бензин, оставив пару лишних купюр:

— Купи себе хорошей музыки, сынок. Слушай джаз.

С чувством выполненного долга бандиты вышли из каморки и победно уселись на свои места в машинах. Не успели они отъехать и на метр, как их места заняли два шикарных «BMW», из открытых окон которых нагло вырывалась на волю та же песня, что и в каморке у оранжевого комбинезона.

— Вот гнилое местечко, — процедил Пастух сквозь зубы.

Услышав дьявольские позывные, джазмены, не сговариваясь, достали из-под сидений автоматы, высунули дула в окна и на одном дыхании расстреляли адскую заправку, которая благополучно взлетела на воздух в клубах дыма и огня.

Мимо пролетел указатель на Москву, который поведал, что осталось 450 километров.

— Недолго уж до города зла, — все так же напряженно вздохнул Пастух и погладил по спине свою дражайшую свинку.

ГЛАВА 17

Как найти дом звезды

Дикая местность с редкими полуразрушенными избушками и сарайчиками постепенно перетекала в ухоженные пригородные домики в несколько этажей, с красивыми машинами у входа и размашистыми садами.

Пастух сосредоточенно вел автомобиль, думая только о летней жаркой ночи. Он склонялся то к очаровательному образу Дулиной-младшей, то полностью отвергал такую возможность и обретал уверенность, что той, которая доставила ему столько сладких минут на белоснежной президентской даче, была ее мать — несравненная Алиса.

На дорогу опускался неуверенный вечер, слева от автотрассы раскинулось гладкое озеро, возле которого жгли костры молодые обитатели здешних мест. Одна группка парней напевала невеселые песенки у своего огня, рядом с ними веселились девчушки дошкольного возраста, бегавшие за своей собакой; вдали от всех, укутавшись в одеяло с вы-

АНТОН СОЯ

чурными узорами, обнималась парочка студентов, доедая последнюю запеченную картофелину.

Пастух едва обратил на всех этих счастливых людей усталый взгляд и снова продолжил поедать себя изнутри изнуряющими мыслями. Впереди уже блестела Москва, и Пастух сбавил скорость, будто оттягивая момент приветствия его банды этим огромным шумным городом. Саныч на своем ЗИМе, уже привыкшем к быстрой езде, заволновался и посигналил Пастуху, на что тот ответил ему своим гудком. Сигнал получился таким же нервным, как и состояние Кости на тот момент, и Саныч покорно поплелся за Пастухом, подчинившись воле шефа.

Вечер совсем почернел, и теперь огни впереди стали ярче и призывнее. Город все еще шумел, и Пастух слышал это даже на расстоянии. Автомобили, которые неслись сейчас по трассе в направлении города, будто засасывало в эту святающуюся разноцветными огнями пещеру.

Как банда ни старались ехать медленнее, час приветствия наступил, и вот уже перед ними мигают светофоры, а машины и люди снуют туда-сюда, будто заведенные. Озираясь на все это дикое и чуждое ему пространство, Пастух даже закрыл окно, как бы ограждая себя от гигантского мегаполиса, бетонного муравейника, переливающегося рекламой, этих вечно спешащих куда-то людей, парада дорожных машин, старых, новых и строящихся домов, редких, уже голых деревьев — от всего, что

112

только могло попасться ему на глаза. Даже Пузцо, веселившийся всю дорогу, тактично замолчал и боялся лишний раз пошевелиться, чтобы не вывести Пастуха из себя.

С горем пополам преодолев шумные улицы, постояв во всех возможных и невозможных пробках, «Веселая бригада» наконец снова вырвалась из Белокаменной и свернула на гладкую широкую дорогу, по обеим сторонам которой красовались длинные одинаковые серые заборы в два-три человеческих роста, за которыми без труда угадывались огромные роскошные особняки с большими окнами, в которых еще горел свет и шастали взад-вперед силуэты обитателей этих замков. Именно здесь, согласно карте, раздобытой в Интернете, и должны были располагаться хоромы народной артистки.

ЗИМы остановились около одной из таких вилл. Ее башенка была видна еще издалека и привлекла их эстетское внимание. Бандиты вылезли из машин, подошли к забору и образовали некое подобие пирамиды, причем фундаментом сооружения служили крепкие тела Саныча и Автогеньча, на которых с трудом и при помощи Пастуха взгромоздился Пузцо, благодаря своему природному таланту общения являющийся штатным переговорщиком бригады. Пузцо нагло потоптался на железобетонных плечах товарищей, устраиваясь поудобнее, и заглянул во двор.

За белоснежным изнутри забором, на огромной поляне перед домом бегали и смеялись ребяташки

АНТОН СОЯ

разных возрастов. Малышня радостно визжала. Кто-то тискал беленького замученного котенка, кто-то качался на больших розовых качелях; мальчик возил по серой каменной дорожке огромный грузовик, груженный яблоками и апельсинами.

— Эй, ребятня, — высунул подальше во двор короткую медвежью шею запыхавшийся от долгой дороги Пузцо и смачно сплюнул на гладкий асфальт под забором, — где тут дом Дулиных, знаете?

Ребята испуганно усталились на страшного дядьку. Девочка в розовом платье, с огромным бантом на голове, бросила белого котенка на жухлую траву и расплакалась. Паренек остановил свой грузовик и, быстро перебирая ножками по лестнице, побежал в дом. Самая старшая на вид девчушка, не прекращая качаться на качелях, невежливо надула огромный пузырь из жвачки, который моментально лопнул, залепив ей почти все лицо.

На детский плач из дома выбежала мать семейства и мгновенно схватила дочь на руки, прижимая ее светлую голову к груди. От домика охраны, стоявшего у ворот, отлепилась пятнистая фигура охранника и заспешила к ним.

— Вы кто? Что вы хотите? — опасно спросила молодая женщина с яркими рыжими волосами. На ней был красивый голубой летний костюм, а сильнейший запах духов доносился даже до Пастуха, стоявшего у машины. Запах показался ему до боли знакомым, но он никак не мог вспомнить откуда.

114

— Здравствуйте, — заулыбался Пузцо. — Вы не подскажите, где тут дом Дулиных? Мы дальние родственники, не один день в дороге, устали, проголодались, потеряли адрес — вот беда!

— Через три дома они живут. Увидите салатный забор, не ошибетесь.

— Большое человеческое спасибо! Заходите в гости, — еще шире заулыбался светловолосый Пузцо, но Пастух уже нетерпеливо давил на газ, и толстяк ловко спрыгнул вниз, успев все же игриво помахать короткопалой ладонью испуганной женщине и подоспевшему охраннику, которого теперь ждало неминуемое увольнение.

Проехав еще несколько сотен метров, ЗИМы заглушили громкие моторы. В особняке Дулиных светило только одно окно и было призрачно-тихо. Пастух и его бригада как по команде выскочили из автомобилей и прошагали к центральным воротам салатного забора. На их активные действия, развернувшиеся возле входа, никто не реагировал — похоже, охранников у Дулиных не водилось. Друзья звонили в звонок, который разносился, как музыкальная пьеса, по всему двору, колотили в ворота, дружно аукали, но никто не отвечал. В соседнем дворе тревожно залилась истерическим лаем собака, и тут же на сирену своей псины вышел молодой подтянутый джентльмен в красивых джинсах и футболке с непонятными рисунками.

— Чего шумишь, морда? — обратился он к своему животному, которое тут же приветливо завиля-

АНТОН СОЯ

ло хвостом и начало скулить, моля красавца о добавке к ужину и ласке. Хозяин вышел с псом на улицу, чтоб определить источник нескончаемого шума, увидел банду разряженных франтов у ворот Дулиных и нисколько не удивился.

— Их нет дома, — крикнул джентльмен великолепной четверке, — уехали на концерт, в Кремль!

Не дожидаясь дополнительных вопросов, он погладил свою собаку и ушел обратно в дом, а совсем уже невеселая бригада, предварительно излив в пространство всю известную им табуированную лексику, села в неостывшие автомобили и понеслась обратно в Москву, в Кремль.

ГЛАВА 18

«Понты в Кремле», или Как устроить феерическое шоу

Гигантские рекламные постеры на Кремлевском Дворце гордо возвещали о премьере:

*Поп-опера «ПОНТЫ В КРЕМЛЕ»,
в главной роли — Варька Злючка,
оркестром дирижирует звезда мирового авангарда
КОСТА ФРАСКИНИ (Аргентина)*

Пафосное мероприятие собрало весь московский истеблишмент, естественно включая Жаннет и Алису Дулиных. Дамы средних лет и молодые удачливые модели со своими вислопузыми мужьями и в мехах с головы до ног праздно прогуливались взад-вперед, рассуждая о нарядах той или иной своей подружки. Золото и бриллианты сказочными россыпями нагло блестели на каждой из них и, казалось, отмечали каждый квадратный сантиметр их роскошных тел. Бокалы шампанского не успевали наполняться, а их звон не замолкал ни на секунду.

В фойе служебного входа, куда едва долетали весь этот шум и гам приветствующих друг друга

АНТОН СОЯ

сливок московского общества, нервно прохаживались два чрезвычайно комичных персонажа: Тонкий и Толстый. От Толстого неприлично пахло корвалолом, он периодически вытирал холодный пот со лба и без того уже сырым клетчатый платком и громко кричал в телефон:

— Ну, наконец-то включились! Где эта ваша гребаная звезда, а?! Ага. Ну так не надо было его всю ночь клубить! Я через пять минут должен открыть двери зрительного зала, а оркестр его еще в глаза не видел. Подъезжаете... Ага. Огромное, черт побери, спасибо, я с вами последний раз работаю, зуб даю!

— Ну ладно, ладно, — успокаивал его Тонкий медовым голосом, делая неловкие попытки пошутить, — в случае чего я подирижирую, все равно ведь еще никто не знает, как он выглядит.

— Я тебе подирижирую! — не утихал Толстый, продолжая краснеть, пыхтеть от собственной злости и мерить короткими порывистыми шажками фойе. — Какая подстава, боже мой, какая подстава! — Тонкий, как хвостик, еле поспевая, семенил за нервным товарищем. — На черта тебе сдался этот хрен заморский, ты мне можешь объяснить?! Включили бы фанеру, звезды бы наши вышли, все было бы как всегда, ан нет — все твои пидовские замашки, — выпалил Толстый и от избытка чувств плюнул себе под ноги.

— Да, я — гей, — гордо и с придыханием произнес Тонкий, — а Коста — красавец и мировая звезда. И это из-за него мы собрали полный зал, а не из-за твоей Дырки Пердючки!

118

— Ладно, ладно, успокойся, я просто на измене, — слегка сбавил обороты Толстый. — Все будет хорошо, Илья, не нервничай!

— Да я и не нервничаю, — нервно сказал Тонкий. — Сейчас приедет Коста, и ты сам все поймешь. Он всегда в новом имидже, с новым гримом, никто толком и не видел его настоящего лица. Он гениальный авангардист, ни одного повторяющегося концерта! Никто никогда не знает, как именно он будет дирижировать на этот раз, но, Димочка, как только ты его увидишь, сразу поймешь — это Коста.

В это время в зале монотонно рассаживалась публика, не переставая переливаться драгоценными металлами. Кто-то притворно радовался встрече, кто-то изучал программку, которая состояла из одного золоченого листка А4, сложенного пополам и украшенного стразами; кто-то отчитывал своего прыткого муженька за то, что тот пялится на крепкий зад двадцатилетней официантки. На лицах большинства присутствующих были натянуты настолько ненастоящие улыбки, что казалось, будто это маски, причем сомнительного качества. Хотя учитывая количество ботокса и силикона, закаченного в эти лица, их сходству с масками удивляться не приходилось.

Алиса Дулина, развалившись в алой бархатной VIP-ложе, рассказывала подружке о недавнем экзотическом отдыхе.

— Так вот, представь, у этого Кости в его Мухоморанске все поголовно любят джаз.

АНТОН СОЯ

— Ага, особенно свиньи и быки, — желчно отозвалась со своего места Жаннет, ярко покрашенная и наряженная в черное вечернее платье, открывающее глазу больше, чем мог бы представить самый отчаянный сластолюбец в самых смелых снах. На ее худых плечах небрежно покоилась печальная лисья шкура. Девушка без энтузиазма поглядывала на сцену и допивала свой бокал шампанского.

— Ой, ну что ты все про этого Костю? — со смешной гламурной интонацией запела подруга Дулиной — высоченная блондинка с пышными формами и пухлыми кроваво-красными губами. Ее грудь слегка прикрывало темно-синее блестящее платье, а помаду на губах она поправляла каждые две минуты, практически не отрываясь от маленького зеркала, украшенного тремя аккуратными бриллиантами. — Влюбилась, что ли, а? Что же он, вправду так хорош?

— Не знаю, не знаю, — хмуро ответила Алиса, — ты об этом у Жанны можешь спросить.

— Мама, ну сколько раз тебе повторять, — мгновенно вышла из себя нервная Жаннет. — Мы с Нинон катались тогда на быке, понимаешь? До утра. Между мной и Костей ничего, слышишь, ничего не было. И потом, король южноморского джаза — это не ко мне! Я его послала! И чего я сюда с тобой приперлась?

— Господи, бедные вы мои Дулины, — как будто всерьез испугалась толстогубая блондинка, — вам обеим крыши поносило от этого деревенского шу-

120

та, музыканта-бандита. Говорила я вам, надо было в Италию лететь. Там бы никто вас не нашел и, опять же, мужчинки классные. Нет же, никогда меня не слушаете. Но ничего, обойдется, увидите сейчас Фраскини, и вас отпустит — вот настоящий герой. Я про него столько всего слышала, он гений и красавец. Нечасто такое встретишь, а!

И три блестящие барышни, на время успокоившись, стали пристально изучать людей и сцену.

В это время к служебному входу подъехали известные нам ЗИМы. Машины собрали всю пыль московских улиц, фары едва светили из-за налипшей грязи, номеров не было видно, да и цвет машин, тем более в темноте, было невозможно разглядеть. Бандиты, помятые и уставшие от утомительной дороги, переговаривались друг с другом по рации.

— Ну, как видишь, по Интернету можно все найти, — гордо хвастался Саныч, — даже адрес королевы.

— А ничего особнячок у наших родственниц, — не переставал восхищаться Пузцо увиденным недавно двухэтажным домом-тортом, принадлежащим барышням Дулиным, — правда, не в центре. И чего они на этот концерт поперлись, сидели бы дома.

— Я бы попросил поуважительней о дамах, особенно об Алисе Марковне, — прервал веселье Пузца Пастух, одарив толстяка колким уставшим взглядом.

— Смотри, босс, у главного входа толпа огромная, — ткнул пальцем Автогеныч в сторону скопления народа. — Как пойдём-то?

АНТОН СОЯ

— Через служебку пойдем, мы все-таки артисты!

Великолепная четверка уверенно прошагала к служебному входу, где во всю ширину двери стоял абсолютно квадратный охранник. Из-за круглой лампы, висящей прямо за ним, над его головой возникал яркий круг, похожий на нимб. Вероятно, весь его ум, как иногда бывает у таких вот квадратных людей, давно перетек в рельеф мускулатуры, поэтому он туманным взглядом посмотрел на героев и, не сказав ни слова на их доброжелательные позывы, не сдвинулся с места ни на йоту. Тогда Саньчу и Пузцу пришлось сдвинуть его с места самостоятельно. Даже несмотря на то, что эта горилла была раза в полтора больше их самих.

* * *

Толстый и Тонкий все еще нервно бродили взад-вперед по фойе. Толстый пытался курить сигарету, но уже минут двадцать не мог ее прикурить, срываясь на Тонкого, который, в свою очередь, то и дело смотрелся на себя в высокое зеркало и легкими касаниями ухоженных пальцев убирал лишние крупинки пудры из-под глаз.

Внезапно послышался такой грохот, будто на концертный зал свалился метеорит. Толстый бросил сигарету и поспешил на звук, а Тонкий, напоследок мельком взглянув на себя в зеркало, побежал вслед за товарищем. Перед ними на пол рухнул громадный охранник, на котором тотчас же порвался пиджак, тесно сжимавший его широкие плечи.

122

Великан только тихо простонал, но остался на полу, соображая, что делать дальше. Соображать он мог еще долго, а пока в фойе вошли исполненные чувства собственного достоинства четыре франта, наряженные по моде 30-х годов. Последним показался Пастух, самый важный, в котелке, с тростью и с татуированным поросенком в руках.

— Ну! Димочка! Ну что же ты стоишь! — нервно закатывая глаза и хватаясь за сердце, пропищал Тонкий своему коллеге, который так остолбенел, что, казалось, не дышал. — Встречай! Встречай!

— Коста! — оттаял и Толстый. — Коста, наконец-то! Скорее на сцену, все уже ждут! Даже в примерку не пойдем. Вы переводчик? — важно обратился он к Санычу и, не дожидаясь ответа, затряс его руку в дружеском приветствии.

— Да, — проямлил ничего не понимающий Саныч, — а что за проблемы?

— Скажите Косте, — громко и четко проговорил Толстый, — что ему срочно пора на сцену!

— Идиот! — тут же переключился администратор на охранника. — Это же Коста Фраскини!

— Чего? — захохотали бандиты, убирая руки от карманов с оружием. — Коста враз кинет!

Они продолжали гнусно ржать, забыв о субординации и тыча пальцами в криво улыбающегося главаря. Костя же, не раскрывая волевого рта, нагло рассматривал администраторов, тщетно пытаясь вникнуть в новую нелепую ситуацию. Напряжение росло, и пока Толстый и Тонкий непонимающе и

АНТОН СОЯ

раболепно молчали и смотрели на банду, из ближайшей гримерки вышла Злючка при полном своем традиционно-грудастом параде. Томный взгляд самого известного и успешного трансвестита постсоветского пространства немедленно наткнулся на живописную группу в фойе и остекленел.

— Боже мой! — заверещал травести после секундной паузы. — Это же тот самый страшный бандит Костя Пастух!

В следующую секунду дивный артист, трясясь в прямом смысле этого слова, от страха и ужаса, на десятисантиметровых каблуках неся по узкому коридору.

— Держи Пастуха, держи! — не успел вовремя среагировать Саныч. — Он же убьет сейчас эту гадину, он же ж давно обещал!

Но все предосторожности насчет Пастуха были уже бесполезными. На тот момент, когда Саныч произнес последнее слово, Пастух, уже спешно скинув свинью в руки Автогенычу, стремглав бежал с пистолетом в руках по коридору за верещащей громче испуганного поросенка Злючкой.

Толстый Дмитрий, Пузцо и Саныч помчались вслед за ними, оставив Автогеныча в компании Тонкого Ильи и свиньи. Толстый администратор поспевал из последних сил и, удивляясь неожиданной ретивости артистов, задыхаясь, кричал:

— Сцена слева!

Волшебные слова помогли, и Злючка внезапно исчезла за непонятно откуда взявшейся дверью, а

Пастух и два его верных товарища по инерции влетели в тот же проем. Дверь захлопнулась, как мышеловка. Толстяк в изнеможении привалился к ней спиной и перекрестился.

— Ну, слава богу! Вся «банда» в сборе.

Банда тем временем стояла как вкопанная, оказавшись там, где меньше всего собиралась, — на сцене Кремлевского дворца съездов. Зал, мгновенно среагировав на их появление на подмостках, бурно заплодировал. Кто-то встал, кто-то засвистел, кто-то сразу же кинул к Костиным ногам огромный букет из красных роз, каждая из которых была размером с кулак Валуева. Саныч и Пузцо пришли в себя раньше шефа и, проводив взглядом холмистый силуэт Злючки, уже обогнувшей оркестр и спешно семенящей по сцене, в отчаянном рывке бросились вслед за ней. Костя же остался на месте, замороженно глядя в рукоплещущий зал.

Перед ним сияли звезды восхищенных глаз, они блестели и пожирали его, Пастуха, своим любопытством и неудовлетворенностью долгого ожидания. Пастух не видел ничего, кроме этого сонмища глаз, как будто они пришли сюда без своих хозяев, одни только пытливые глаза. Бандитское сердце заколотилось в просторной грудной клетке, ведь Костя впервые в жизни стоял на настоящей сцене, и не в родном Южноморске, а в столичном концертном зале. И пусть в руке у него был не сакс, а «макаров», и оказался он здесь случайно, но зал был полон и

АНТОН СОЯ

эти аплодисменты, выкрики и восторженные взгляды предназначались в данный момент именно ему.

Пастух так разволновался, что даже забыл на время о Злючке, вглядываясь в огромный зал. Однако ближе всего к нему находились музыканты оркестра, взиравшие на Костю, как на живого бога. Они ненасытно ловили взглядами каждый его жест, реагировали на каждый Костин вдох и выдох и ждали дальнейших указаний. Они вцепились в Пастуха гораздо сильнее и еще более жадно, чем зрители. Они схватили его так, что некоторое время Пастух не мог пошевелиться — он боялся каждого своего движения, которое, как ему казалось, могло в любой момент спровоцировать нападение хищников. Музыкальное ухо джазмена уловило восторженный шепот в оркестре:

— Смотри внимательнее — он дирижирует каждым движением.

Свет в зале медленно погас, и Пастух смешно зажмурился от софитов, не в силах больше никого рассмотреть — ни одной пары глаз, — кругом были только прожектора. Зал не обращал внимания на эту немую сцену, которая уже достаточно затянулась, а лишь только приветствовал Пастуха бурей оваций. Аплодисменты лились, как шумная горная река, заглушая все на свете. Пастух же стоял как вкопанный и только впитывал в себя эту красивую чужую любовь тысяч зрителей, пока Саныч с Пузцом медленно, но верно обходили оркестр, чтобы изловить зловредную Злючку, которая добралась до

126

пышных декораций в виде нью-йоркских небоскребов и с грацией беременного Кинг-Конга целенаправленно карабкалась по ним вверх.

А в фойе в это время разворачивалась своя история. Устав от долгого молчания, нарезающий во круг Автогеныча с поросенком круги гей Илья решил поделиться с ним эмоциями.

— Я знал, что он крутой, — вздохнул тархтел Тонкий, — но чтоб круче всех! Такой красивый, яркий, порывистый... Как же тебе повезло!

— Да уж, — многозначительно ответил ему бандит со свиньей в руках, — есть такое дело.

Продолжить содержательную беседу им не удалось, поскольку двери резко распахнулись и в них важно вплыл уже знакомый нам охранник, торжествующе разводя ручищами. На его обычно угрюмом лице сияла шестьсотваттная улыбка в шестьдесят четыре щербатых зуба, а из-за широкой спины реваншиста выкатилась такая пестрая компания, что свет в глазах Тонкого моментально померк.

Авангардист Фраскини, его московский агент и девушка-переводчица были наряжены в ростовые куклы бурых медведей без голов и отличались только юбками: на мужчинах были клетчатые килты, а на девушке — красная цыганская. Черную как смоль голову дирижера кроме гигантских солнечных очков украшала белая бандана с синей надписью «Quanto Costa?»

— Что за бардак, Илья? — высоким голосом спросил агент, угрожающе растопырив лапы и зловеще вращая глазами.

АНТОН СОЯ

— О боже! Коста Фраскини... — пролепетал Илья и медленно, как в рапиде, стал без сознания падать на пол, но на полпути передумал и просто впал в ступор, из которого его вывел реактивный вопль вернувшегося в фойе Толстого.

— Нет! Только не это! Кто ж тогда на сцене?

Автогеныч, уставший от этого варьете, поставил Дуську на пол, неуловимым движением выхватил пистолет, отобрал у еще не переставшего ухмыляться охранника рацию и заорал страшным голосом:

— А ну, руки за головы и лицом к стене, сукины дети! Извращенцы хреновы! Черт вас разберет, кто вы такие! А на сцене все в порядке. Там настоящие артисты. Гастролеры с юга. Отыграют Злючку и уедут! А ну к стене! Живо!

Испугавшись грозного бандита, вся честная компания послушно встала лицом к синей прохладной стене. На шум прибежали еще три статных охранника и тут же присоединились к остальным. Раздущарившаяся Дуська бегала рядом с арестованными и тыкала их в ноги пяточком. Из зала в помертвевшее фойе доносились овации, одна громче другой. Вернувшийся в обычное флегматичное состояние Автогеныч решил подбодрить пленных:

— Все будет хорошо... Не ссыте. Сейчас мы со Злючкой разберемся, Дулиных заберем и уедем. Слышите, как хлопают? Вы еще нам спасибо скажете!

А хлопали действительно необычайно старательно, можно сказать, от души. Особенно преуспе-

128

ла в этом подруга Алисы Дулиной, била в ладоши за троих, так как дива с Жанной сидели неподвижно.

— Ну посмотрите, какой красавец! Настоящий мужчина. Смотрите, у него вместо палочки — пистолет с глушителем! — верещала от восторга пышногубая блондинка своим подружкам Дулиным, цвет лица которых сравнялся с белоснежными стенами концертного зала.

Не в состоянии выдать ни звука, мать с дочкой смотрели то друг на друга, то на ликующую подругу, то на Пастуха, отчаянно пытавшегося прыгнуть к яркому свету софитов.

Костя поднес руку к уставшим от световой атаки глазам, и оркестр послушно заиграл. Пастух узрел карабкающуюся на небоскреб Злючку и забыл обо всем. Старая обида захлестнула его, залил плавящийся мозг горячим кипятком мести, и он заметался по сцене, периодически целясь и стреляя в грудастого мужчину. Но все было против него. Всякий раз промахиваясь, Пастух начинал активно по-южноромски жестикулировать руками, как заправский авангардный дирижер, благодаря чему у оркестра выходила веселая, бодрая, гиперэмоциональная композиция, а зал, ликуя, рукоплескал и визжал от удовольствия, не понимая всего трагизма происходящего. Пастух же, принимая реакцию зала как одобрение своих действий, с удвоенным энтузиазмом палил по трансвеститу.

АНТОН СОЯ

Его кунаки, с трудом лезущие по декорациям, тоже умудрялись периодически постреливать. Но пули летели мимо Злючки, приводя Пастуха в бешенство. Зато зал заходился от смеха, наслаждаясь небывалой по размаху комедией. Злючка, видимо заговоренная от пуль, все-таки добралась до крыши бутафорского здания, переползла оттуда к световикам и победно направила главный прожектор в лицо Пастуху, окончательно ослепив его. Саныч с Пузцом, добравшиеся до середины небоскреба, получили от Злючки свою порцию света в глаза и благополучно упали на сцену, разведя руками перед злющим боссом, у которого к тому же закончились патроны. Зрители в зале полегли под кресла от смеха. Костя так злился на нелепую очередную неудачу, что размахивал руками в разные стороны, как маленькая мельница, виртуозно поливая при этом отборными словечками всю родню Злючки до седьмого колена. Музыканты из оркестра, естественно, реагировали на Костины движения феерическими музыкальными выплесками, играя что есть сил, но при этом успевая шептать друг другу на ухо:

— Вот это дирижер, вот это класс!

Успокоившаяся и празднующая свою победу неутомимая Злючка, чувствуя полную безопасность и безнаказанность, развеселилась не на шутку. Отплясав под овацию зала безумную качучу, она показала язык расстрелявшим все патроны и беснующимся от бессилия бандитам, а потом, решив показать нечто большее, повернулась к охнувшему залу задом, при

130

этом упустив прожектор, который развернулся на зрителей. Пастух тоже обернулся к залу и развел руками, как бы извиняясь перед публикой, что не смог угробить гадину, мол, патроны кончились.

Луч прожектора упал на VIP-ложу, и Костя прямо перед собой увидел вождя Дулиных, которые, вытаращив глаза, махали ему руками, указывая на правый выход со сцены. Пастух моментально пришел в себя, правильно расшифровал дулинские жесты и рванул со сцены. В тот же миг оркестр закончил свою игру и вместе с залом, стоя заплотировал гениальному маэстро.

Пастух, Саныч и Пузцо, запыхавшись, влетели в фойе, где флегматичный Автогеныч, размахивая пистолетом перед спинами белых как снег администраторов, охранников, Косты Фраскини и других медведей, артистично заканчивал свою лекцию:

— Короче, слушайте джаз! А нам пора на хазу! О, вот и наши дамы!

К бандитам подбежали перепуганные Дулины с ничего не понимающей подругой. Алиса мельком взглянула на Автогеныча с пистолетом в одной руке и со свиньей — в другой, на Косту и его гвардию, на Пастуха, Пузцо и Саныча, едва заметно закатила глаза и быстро затараторила:

— Боже мой, какой кошмар! Костя, скорее, скорее отсюда, пока никто не... Ой! Привет, Илья, привет, Дима, — кивнула она головой в сторону обернувшихся Толстого и Тонкого, которые от шока не

АНТОН СОЯ

могли ничего ни сказать, ни даже пропищать в ответ, — спасибо за ослепительное зрелище, «Понты в Кремле» удались!

На этой высокой ноте светские дамы и Пастух со своей свитой благополучно убрались из Кремля, позволив маэстро Фраскини отработать свой законный бис.

Как только Дулины и подруга выскочили из служебного входа и быстро сели в ЗИМ Пастуха, едва остывший от долгого пути, между ними и Костей произошел знаменательный разговор.

— Ну и как прикажешь все это понимать, весь этот цирк со стрельбой? — гневно спросила Алиса.

Ее щеки пикантно покраснелись от негодования и незапланированной пробежки, ее белое блестящее платье продолжало переливаться, а пышные волосы слегка растрепались, придавая ее виду естественность и невинность.

— Алиса, — серьезно завел Пастух, — пацан сказал — пацан ответил. Больше ты эту гадость петь не будешь, я тут наведу у вас свои порядки. Через неделю джаз будет звучать и по радио, и по телевизору — везде. А за тобой еще бегать все будут, упрашивать, чтоб джазу дала, ясно?

— Костя, — расхохоталась порывистая Дулина, моментально сменив гнев на милость, — ты, конечно, разбойник и фантазер великий, но я почему-то тебе верю. Или просто хочу верить.

— Да, Костя, на сцене вы были очень убедительны, — пришла в себя от безумных происшествий

132

подруга, обиженная на подмену Фраскини. — Вы прямо рождены для нее — для сцены, с пистолетом. А на радио вы тоже с пистолетом пойдете, да? Вы серьезно считаете, что можно заставить людей полюбить джаз под дулом пистолета?

— Пастух заставит, — коротко и ясно ответил ей Пузцо, стряхивая со своего пузца пыль, прилипшую к нему, пока он охотился за Злючкой в декорациях.

— Полюбить под пистолетом? Да это просто садо-мазо какое-то, — отметила запыхавшаяся Жаннет и протянула руку к свинье — с целью погладить аппетитное животное. Но та злобно захрюкала и забрыкалась.

— А всех тех, кто не согласен, вы что, убьете? — Блондинка саркастически продолжала доставать героя сцены.

— Всех до одного, без базара, — отрезал Пастух так безапелляционно, что все замолчали. И молчали на протяжении всего пути от Кремля до особняка Дулиных.

В особняке бандиты, решившие, что необходимо расслабиться после долгой дороги и трудного вечера, стали выпивать и веселиться вместе с Жаннет, обрадованной возможностью тусануться с их отможенной компанией. Алиса показала Пастуху его спальню и отправилась в собственную, где от избытка чувств моментально уснула, предусмотрительно вставив в уши беруши.

На кухне рекой текло шампанское, а бандиты и Жаннет гоготали как ненормальные, вспоминая де-

АНТОН СОЯ

тали южноморской вечеринки и «Понтов в Кремле». Пастух же, с одной стороны, раздосадованный упущенной возможностью разделаться со Злючкой, а с другой — довольный неожиданным началом гастролей и дебютом на большой сцене, гордо уединился в спальне, забрав с собой боевую свинку. Первым делом Костя решил подготовиться к разрешению основного вопроса, приведшего его в стольный град. Он встал перед зеркалом в максимально импозантной позе, на которую только был способен, и начал репетировать признание.

— Алиса! — Костя поперхнулся и начал заново.

— Жанна, я, как честный мужик, после того, что у нас было... ой как было, и вот не нахожу себе места, прямо извелся весь, сердце из груди выпрыгивает... Ой, черт! Какие-то сопли! Ну что, Дуська, пойду и прямо спрошу: девочки, кто же из вас так меня отсчастливил в Беленджике, что я прямо весь так влюбился, как пионер какой-то? Что? Я разнюнился? Я? Пастух! Да пошли вы все!

Разозлившись на себя, Костя сбросил со своей кровати свинку, не раздеваясь нырнул в постель и уснул мертвым сном.

ГЛАВА 19

Как попрощаться с бывшим директором

В полдень к забору Алисы подъехал блестящий до неприличия «мерседес», из которого, бодро насвистывая дурацкий мотивчик, вышел толстопузый дядечка лет сорока. Полуденное солнце отражалось от его изумительно чистой машины, а сам он улыбался во все, казалось, два ряда зубов. Его щеки свисали, как у бульдога, и от этого он походил на маленькую пухлую собачонку. Но очень уверенную в себе собачонку. Глядя на него, любой встречный с первого взгляда мог бы прочитать невидимую надпись «директор» на его лбу, и он бы не ошибся.

Подойдя к воротам, толстячок обнаружил, что они не заперты, и недовольно покачал головой. Окончательно же настроение пухлого дядечки испортилось, когда он беспрепятственно проник в дом Дулиных. Его позитивное расположение духа вкупе с сияющим выражением круглого лица полностью сменилось бледной неясностью.

АНТОН СОЯ

На просторной кухне играли музыканты Пастуха, гогоча, рыгая и при этом громко напевая что-то пока малопонятное. Автогенычу достался шикарный рояль, впрочем, фортепиано имелось почти в каждой комнате дулинского дома, Саныч играл на акустической гитаре, а Пузцо стучал ладонями по сиденью венского стула. По комнатам и коридорам радостно бегала свинка, таская за собой кусок какой-то веревки. Слегка опухшая Жанна, в коротеньком шелковом халате, следила, чтобы кофеварка вовремя сварила всем кофе, и предавалась веселью вместе с музыкантами.

Пухлый мужчина в ужасе открыл рот, озирая все это безумие, вытер моментально появившийся на узком лбу пот и глотнул воды из маленькой бутылки, припасенной в кармане, пополняя растроченные на нервные потрясения запасы жидкости в организме. Почуввав неладное, предательски затряслась левая директорская нога. В голове его в этот момент хаотично проскакали все самые черные продюсерские мысли, одна гаже другой, стандартный набор которых до поры до времени сидит морским ежом в подсознании каждого здравомыслящего человека, занимающегося неблагодарным шоу-бизнесом: «Пипец! Крах карьеры! А ведь как все было хорошо. Адекватная взрослая тетя, и пела сама, и почти не пила, не то что эти молодые наркоманы с гонором Элвиса или вечно беременеющие девки из герлбэндов. Артисты, мать их! Сколько для них ни сделай, в один прекрасный день их вдруг осеняет, что

136

они всего добились сами, благодаря недюжинному таланту, а ты всего лишь мешался под ногами и наживался на них. Короче, куда артиста ни целуй — везде жопа! Проклятые конкуренты! Только при чем здесь эти клоуны и свинья? Цирк со звездами на выезде? Может, я зря паникую? Но где тогда эта чертова дива?»

— Алиса, Алисонька! — закричал неестественно оптимистичным голосом окончательно запутавшийся в своих мрачных догадках директор. — Где ты, радость моя? Что тут происходит? К тебе родственники из деревни приехали? — вопрошал во все стороны дядечка, то и дело спотыкаясь о радостно хрюкающую свинью. — Алиса, да где ты, Алиса? Я споткнулся о свинью. Ты в курсе, что у тебя дома свинья?! Жанна, детка, может, ты мне объяснишь, что тут происходит?

Жанна лишь таинственно захихикала в ответ и снова обратила свой сонный взор к жужжащей кофеварке. С абсолютно округлившимися от шока глазами директор добрался до студии, из которой навстречу ему вышел донельзя деловой Пастух. В семейных трусах, майке и портупее с кобурой. Кобура уперлась толстячку в живот.

— А ты еще кто такой? — не переставал изумляться дядечка, бледнея с каждой секундой сильнее и сильнее. — Это твои друзья там на кухне бренькают?

— Я — Пастух, — сурово ответил Костя, — это мои друзья репетируют на кухне новые песни

АНТОН СОЯ

Алисы Марковны. А ты, рожа блином, сюда больше не ходи. Не нравишься ты мне.

— Ты... ты кто такой? — повторился директор, начиная задыхаться от возмущения и потеть. — Алиса, где ты? Ты жива? Что тут, черт подери, происходит?

— Сергей, — выглянула из спальни смущенная Алиса в сиреновом махровом халате, — тебе лучше уйти. Это очень серьезные люди, и они будут заниматься моим дальнейшим творчеством. Мне все это попсовое болото нестерпимо надоело, теперь я снова буду петь джаз!

В глазах певицы засверкали искры. За эту ночь она будто помолодела. Мокрые после душа волосы сосульками падали на халат, ее щеки были по-прежнему розовыми, но теперь не от беготни, а от удовольствия и предвкушения. Алиса была абсолютно счастлива от складывающейся ситуации.

— Джаз?! — Сергей, придя в себя от услышанного, вскрикнул так громко, что Алиса вздрогнула.

Вернувшись в реальность от своих мечтаний, певица быстренько ретировалась обратно в спальню и захлопнула дверь, оставив своим продюсерам право разобраться друг с другом по-мужски. Сергей истерически обратился к закрытым дверям спальни, игнорируя Пастуха:

— Вы тут обдолбались, что ли, все? У нас в четыре часа съемки на Первом. Новый год надо снимать, мы с пробками — впритык!

138

— Серега, — Пастух вытащил пистолет и лениво почесывал им живот, — ты, похоже, слегка туповат. Ты не расслышал, что звезда сказала? Ты уволен, Серега. Вали отсюда, пока я тебе твоё толстое пузико не продырявил и не выпотрошил тебя. Теперь делами королевы русского джаза занимаюсь я, понятно?

— Алиса! — заверещал толстопуз, будто ему только что оторвали часть мужского достоинства.

— Сережа, я тебе перезвоню через недельку. Может быть. И передай там всем стилистам, менеджерам — всем, что игрульки закончились, ладно? — крикнула Дулина из-за двери.

— Алиса! Да вы тут все перенюхали, похоже, а? Ты не понимаешь, с кем ты связался, бычара!

От страха лишиться артиста Сергей совсем потерял ощущение реальности. Бесстрашно повернувшись к Пастуху, он что есть сил заорал на него, брызгая слюной:

— Да ты у меня на Лубянке понты колотить будешь, ясно! Алиска, мать твою за ногу, я на тебя десять лет угрохал. Какой джаз?! Джаз! Да меня такие джазмены по зоне в тачке катали, да я вас...

На вопли буяна примчались Автогеныч и Саньч и предельно внимательно вслушивались в его угрозы. Пастух, не дожидаясь окончания словесного фонтанирования, сбил толстого с ног ударом в сочившийся потом и ненавистью лоб, после чего брата нежно взяла директора под руки и любезно выпроводила его за дверь. Тот, в свою очередь, прак-

АНТОН СОЯ

тически не брыкался, но продолжал выкрикивать какие-то несвязные речи и отказывался самостоятельно передвигать ногами, смешно волоча их за собой.

Из-за того, что он повис на крепких руках Пастуховой братвы, его светлая рубашка, заправленная до этого в брюки, задралась, и толстячок показал всему миру свой круглый, как мяч, живот, на котором красовалась татуировка в виде розового сердца с именем какой-то красавицы. Пастух с товарищами беспощадно засмеялись, а директор, скатываясь с лестницы, пообещал им показать, где же все-таки зимуют раки. Саныч цинично попытался захлопнуть за чересчур нервным типом дверь, но не тут то было — толстяк, разметав руки, вцепился в косяк и завопил:

— Алиска! Лучшие залы! Какие гонорары! Десять лет! Все просрете! Хамы!

Наконец ценой невероятных усилий бандюганам удалось отлепить хомяка от косяка и скатить с крыльца.

Прихрамывая, бесстрашный Сергей ковылял к «мерсу», поминутно оборачиваясь и сыпя проклятия на головы ненавистных «рейдеров», отнявших у него кусок трудового хлеба. Дойдя до кованых ворот, директор в порыве злобы рывком распахнул их, развернулся и заорал:

— Алиска, я тебе покажу джя-я-я-я-з!

В ответ на этот крик души подоспевший к концу разборки Пузцо с крыльца небрежно выстрелил от

живота в раскрытые ворота и высадил заднее стекло «мерса».

Сергей, вспотевший и раскрасневшийся до цвета раскаленной кочерги, молча рысцой добежал до машины, быстро захлопнул дверь своего блестящего на солнце авто и, вдавив педаль газа в пол, с ревом отъехал от проклятого дома, где размеренную жизнь достойных людей и десять лет кропотливого труда глупая баба принесла в жертву мертвому джазу...

Саныч внимательно посмотрел вслед раненому «мерсу» и философски отметил:

- Быстро ездит, поп-продюсер.
- А то, — покладисто пробасил Пузцо, довольный метким выстрелом.

ГЛАВА 20

Как записать хит

Весь день в студии Дулиной кипела работа. Одухотворенная дива порхала перед микрофоном и послушно выполняла все команды Пастуха. Алиса как будто заново родилась и бегала как школьница, радуясь своим творческим порывам. Ее голос звенел, как серебряный родничок посреди красивого леса, а тело двигалось очень грациозно, под стать звездам фигурного катания на льду. Сегодня Алиса убрала свои роскошные пушистые волосы в опрятный хвост, что, казалось, помогло ей сбросить еще несколько тяжелых лет подчинения нелюбимому делу.

Пастух важно сидел за пультом и ваял-миксовал, сводил и обрабатывал, плющил и мастерил джазовый хит а-ля тридцатые годы. Шокированная переменами, происходящими с маман, и скептически относясь к местечковым музыкальным талантам Кости, Жаннет в ужасе взирала на все это волшебное действо, периодически восклицая:

142

— Господи! Мы все сошли с ума! Если у них хоть что-нибудь получится, я уйду в монастырь. Нет, круче: брошу тусоваться и пойду работать!

Доблестная банда, вооруженная не только инструментами, но и содержимым дулинского бара, все это время активно участвовала в творческом процессе, вмешиваясь в сведение песни. К тому моменту, как хит был готов, незаметно наступил вечер, и в студии зажгли многочисленные лампочки.

Песня получилась настолько складной да нарядной, что Алиса и братва во главе с Костей не могли оторваться от прослушивания и включали ее вновь и вновь, подпевая и пританцовывая, пока окончательно не посадили уши. Уставшие и довольные, все собрались на дулинской кухне обсудить дальнейшие действия по захвату музыкальной власти в Москве.

— Ну что, завтра нашу хитяру на радио отдадим, — делился Пастух своими планами с паствой. — Ты, Алиса, мне адреса дай — парни с утра развезут. Послезавтра клип снимем — это, значит, во вторник. К четвергу местные умельцы нам его слепят красиво, в пятницу уже запустим его по телику.

— Костя, ты сам-то понимаешь, что несешь? — возмущалась раскрасневшаяся дива. — Нам на все это минимум месяца три потребуется и еще год, чтобы программу нормальную концертную сделать.

— Ну, песен я тебе сегодня ночью вагон напишу, выбирать замучишься, — на полном серьезе пообещал Пастух, — а три месяца, и тем более год — это

АНТОН СОЯ

совсем никак. Ромеро там один с городом не справится, да и пираты мои уже по морю затосковали. Так что у нас максимум неделя, дорогая моя, но в субботу, кровь из носу, у нас концерт в «Олимпийском».

— Господи, — взмолилась Жаннет, простирая руки к потолку цвета топленого молока, — какой невероятный, исключительный бред!

Девушка демонстративно вышла из-за стола, а Дулина-старшая, не придавая ей демаршу никакого значения, продолжила разговор, глядя прямо в лучившиеся твердой уверенностью глаза Пастуха:

— Костя, золотце, я верю тебе и в тебя. Будь по-твоему: концерт так концерт. Только не палите возле дома. У меня соседи сплошь министры и генералы.

— Ладно, Алиса, все будем делать тихо, пусть буржуи отдыхают, — криво улыбнулся Пастух и ушел в свою комнату.

Ночью братва продолжила джаз-вечеринку на кухне, созвав невесть откуда взявшуюся толпу молодых девиц. Жаннет ушла клубиться со своими друзьями, быстро потеряв интерес к южноморской братве, оказавшейся на поверку настоящей скучной джаз-бандой. Алиса, вновь вооружившись берушами, мирно спала в своей спальне, а Пастух, ни на минуту не оставляющий надежды избавиться от сладкой, но утомительной дилеммы, опять репетировал признание в любви Алисе.

144

После сегодняшней плодотворной студийной работы он свято уверовал, что это ее бешеный темперамент и сказочная нежность так наследили в его душе той душной беленджикской ночью. Наконец, собравшись с духом и решившись пойти к Дулиной-старшей, он тщательно рассмотрел себя в зеркало, поправил все, что можно было поправить, и как только был готов переступить через порог своей комнатухи, нелепо споткнулся о Дуську, которая тут же обидчиво взвизгнула и убежала под кровать. Пастух ударился головой о дверной косяк, чертыхаясь, надел котелок, но, поразмыслив, принял удар судьбы за плохую примету и остался в комнате, проведя остаток ночи за написанием новых песен.

ГЛАВА 21

Как поставить хит в ротацию на столичных радиостанциях

Утром с ночных мероприятий вернулась утомленная красавица Жаннет и обнаружила на кухне все тех же героев, сосредоточенно изучавших список московских радиостанций. Девиц бандиты благополучно отправили восвояси.

— О! Добры молодцы, спасители джаза, — скривила помятую физию Жаннет. — А вы чего, не ложились, что ли? А это у вас что такое, план захвата радиостанций? Почту с телеграфом, я надеюсь, не забыли? А вы в курсе, что по вашей клоунской милости целый оркестр на улице оказался?

— Жаннет, ну что ты гонишь! — возмущенным хором отреагировали бандиты.

— После вашей кремлевской премьеры был скандал. Нужно было найти виноватых, вот они и сорвались на оркестре, мол, не надо было играть. Всех турнули, до одного.

— М-да, нехорошо получилось. Накидали понтов, подставили братков. — Пастух с минуту посто-

ял, застыв в одном положении, и тут же все уладил. — А вообще-то все хорошо, парни. Нам как раз оркестр нужен для репетиций. Значит, так, Саныч, ты скатайся, найди ребят и всех сюда притащи, вечером будем репетировать. А мы на радио. Правильно, Жанна?

Жанна, неопределенно покрутив рукой у виска, направилась на боковую, бурча под нос страшные ругательства.

— Спокойной ночи, Жанна, — сердито кинул вслед удаляющейся в сторону спальни девушке Пастух и вышел с кунаками из гостеприимного дома.

Через полчаса бандиты мчались на своем верном коне ЗИМе по просыпающимся улицам Москвы. Солнце нещадно светило в лобовое стекло, а машин с каждой минутой становилось все больше. Мимо пролетали московские жилые районы, шумные проспекты, понурые сонные москвичи, бредущие на работу. Бригада была настолько наэлектризована планами покорения большого города, что целенаправленно летела к пункту назначения, игнорируя все светофоры.

И вот наконец банда переступила порог главного офиса радиостанции «Блатной шансон». Вежливая девушка на входе, едва заметив первого вошедшего, швырнула в ящик стола свою косметичку, с которой сосредоточенно возилась до этого момента, и одарила парней белозубой улыбкой. На ее дежурный вопрос, который был уже скорее рефлексом,

АНТОН СОЯ

чем реакцией здравомыслящего человека, а как, собственно, представить прибывших гостей, галантный Саныч лихо среагировал:

— Милая, представь нас голыми. В бане.

Подумав, что она ослышалась, секретарша решила пойти с начала, и вот какой милый разговор состоялся у нее с южноморцами.

Вежливая девушка на входе: Здравствуйте, вы к кому?

Пастух: А к самому главному.

Вежливая девушка: К генеральному?

Пастух: К нему.

Вежливая девушка: А как вас представить?

Саныч: Голыми, в бане!

Пастух: Не надо нас представлять, мы сами представимся.

Девушка перестала улыбаться, напряженно шевеля мозгами в раздумьях о дальнейших действиях, но на ум не шло ничего, кроме неприглядных картин в бане с участием пришедших наглых типов. К счастью, на помощь ей подоспел опухший охранник. Несмотря на напускную серьезность черного костюма, по его лицу было ясно, как он проводит свой досуг. Мешки под глазами были едва не больше самого лица, и глаза отчаянно прятались в них, превращаясь в смешные щелки. Финальным аккордом в его и без того «солидном» виде была наколка на пальцах, гордо сообщавшая о том, что охранник — Вася.

Направляясь к уверенно настроенной четверке, Вася попытался что-то промычать, но не успел, так

как Пузцо одним ловким движением руки отправил его грузное тело в обморочное состояние, которое затянулось на все время пребывания бригады на радио.

Парни быстро преодолели немногочисленные коридоры и оказались в диджейской студии. Сонный диджей, едва переваливший за четвертый десяток, дослушивал очередной трек тюремной лирики и готовился бодрить слушателей последними событиями в мире шансон-шоу-бизнеса. На нем была нелепая синяя рубашка, сильно помятая, почему становилось ясно, что мужичок спал, причем не дома и в неестественной позе, и проснулся недавно. Из-под рубашки торчала не менее мятая майка-тельняшка, на руке блестели серебряные часы и перстень странной треугольной формы. От недосыпа и усталости он едва успел открыть рот, когда в его рубку влетела великолепная четверка, а Пузцо, одним шагом приблизившийся к диджею, приставил пистолет к его голове:

— А ну-ка поставь! — дружелюбно приказал Пузцо и протянул ему диск со свежезаписанной песней.

— А сейчас, друзья, — выхватил Саныч у диджея микрофон и наушники, — я поражаю вас новинкой от суперзвезд нашего небосклона. Слушайте и охреневайте — Алиса Дулина и «Веселая бригада» с хитом «Давай джазу!».

— Закольцуй ее, и пускай играет до вечера, — покрутил пистолетом Пастух перед диджейским

АНТОН СОЯ

лицом цвета муки и удалился из рубки, попутно уронив огромный стеллаж с дисками.

Навстречу банде по узкому коридору, украшенному портретами серьезных мужиков, уже летел разъяренный красный генеральный директор:

— Кто вы такие, мать вашу?! Это вы сейчас в эфир эту дрянь запустили? Вы ответите за это!

— Ну зачем же вы так, — дружелюбно протянул Саньч. — Мы же ваша аудитория, слушатели, кормильцы ваши, можно сказать.

— У вас как станция называется? «Блатной шансон»? Ну, так что ж ты нам, нормальным пацанам, не рад? — Пастух стоял, прислонившись к стене, и цинично крутил пистолет на пальце, нагло пялясь в круглую физиономию директора.

— Все, я звоню крыше, — ответил тот на провокационные заявления и нервно начал тыкать пальцами в мобильник.

— Привет, Марат! Слушай, тут ко мне какая-то шантрапа прилетела, буянит. Песню неформатную силой поставили. Что? Да джаз с Дулиной! Приедешь ты или нет? — Пока директор набирал воздух в легкие, чтобы продолжить закладывать веселую бригаду, Пузцо резво выхватил трубку:

— Ну, будь здоров, мил человек, ты тут вопросы, что ли, решаешь?

— Так, фраера, тереть некогда, гастроль у вас окончена, — послышался суровый хриплый голос из трубки. — Час времени — и в Москве вас больше

150

нет. Руки в ноги, и домой — в свой колхоз «Заветы Ильича», в вонючую даль, усек?

— Ох, суетной ты, братишка, жить торопишься — ни здрасьте, ни привет, ни как звать. Так с людьми не разговаривают, неправильно это. Ты че меркуешь, бычье тупое тут по беспределу тему пробивает? Тут бурьих нет, родной, как имя-то твое?

— Марат.

— Ох, Маратка, — продолжил деловые переговоры Пузцо, — долбаного осьминога тебе через плюз сапогом утрамбовать. Я от Кости Пастуха. Интерес у него тут, в богадельне этой, папиным костылем ее в душло через колено раком-боком восемь раз, конкретно надолго. Ты, брат, не фыркай — сопля вылезет. Без нервов, прикинь, болт к носу. Едрена-ты зелена, мать твою за ногу с притопом, нужна тебе тут гребля с пляской под гармонь? Устроим — мало не будет. Короче, Маратка, мы по-быстрому тут замутим, чего надо — тебя реально с темы этой никто двигать не парит, при делах ты по-любому, внакладе не останешься. Краями разойдемся. А конкретно дергаться начнешь — тебе и здесь запара, а корешам твоим, что по зонам да крыткам на отдыхе, походу — труба. За базар отвечу. Там, сам понимаешь, маза наша. Не все твои в Матросской Тишине да в Лефортово драть-колотить под музыку Шопена тянут. Россия, брат, страна большая. Вот и меркуй, родной, что-чего-как. Реально не кренделя тебе фуфлыжные впариваю.

АНТОН СОЯ

Не трешь-мнешь-хрен-поймешь. Ты ж не кекс набушмаченный — сечешь поляну-то.

Никто из присутствующих, похоже, не понимал Пузцо до конца. Директор вытаращил на него свои налитые кровью глаза, а братва уважительно кивала головами. Их лица скривились в полуулыбке, в полуизумлении, а лицо Пузца к концу разговора потеплело, на нем появилось довольное выражение и дружелюбная улыбка:

— И тебе, Марат, и тебе. Да нет, все нормально, справимся. Эй, — грубо окликнул он директора, — на, тебя!

— Ну ты даешь, братишка, — похлопал Саньч Пузцо по плечу. — Это ты круто загнул, теперь «Блатной шансон» просто обязан взять тебя диджеем.

Красный, как вареный рак, генеральный директор продолжал разговор с Маратом, не глядя на нагло улыбающуюся джаз-банду.

— Марат, я все понимаю, страшные отморозки, вижу... Нормальные пацаны? Допустим, но я не могу крутить их песню пять часов подряд, меня учредители убьют. Не убьют? Не подряд? Через одну? Ты это серьезно? За что я тебе деньги плачу? Понял — чтобы не убили. Эти и те. Спасибо, Марат.

Он медленно положил трубку в карман и, закрыв руками голову, сухим от криков и переживаний ртом выдал:

— Только из большого уважения к великой певице Алисе Дулиной мы пойдем вам навстречу,

152

включим вашу песню в формат и даже возьмем в ротацию.

— Брат, — наивно протянул Пузцо, — спасибо, но это лишнее — в ротацию-то брать!

— Пузцо! Крутить они будут песню, в этом смысле, — гоготнул Пастух.

— Тогда ладно, бери в ротацию.

— О боже, — простонал директор.

— Братан, тебя как звать-то?

— Игорь Михайлович! — почему-то закашлялся радиобосс.

Пузцо добродушно похлопотал пудовым кулаком директора по спине:

— Ну, мы тогда пошли, Михалыч. Ты только песню нашу из ротации не вынимай. Мы на контроле, Марату привет, слушайте джаз.

Через час, добросовестно отстояв в московских пробках, братва приехала в офис «Радио с танцами» и повторила свой радионумер с мельчайшими подробностями и там. Охранника вырубил, с девицей на входе вульгарно пококчетничали, диджею пистолет к голове приставили, только на сей раз директор попался молодой и наглый. В то время как из всех колонок радио звучала песня Дулиной, директор набирал зазубренный телефон своей «крыши».

Пузцо, все еще находящийся под впечатлением от самого себя после предыдущего разговора, не дожидаясь, выхватил телефон у паренька в красном вельветовом костюме и бодро заговорил:

АНТОН СОЯ

— Что, Марат, опять ты? Ты чего, все радио в Москве крышуешь, братан? Да, мы тут слегка твоим парням бока намяли. Извини. Что ты говоришь? Песняк тот же. Да это потому, что ты, Маратка, чудачина, вялым келдышем по пьянке деланный, куда от тебя деться? Куда ни плюнь в столице моей Родины, в дупло твое семь на восемь с буркалами попадешь.... Ну что ты молчишь? Понравилось? Еще? Могу. Но потом. У тебя еще много станций? Ну ладно, телефончик оставь. Записал. И тебя, и тебя.

Пузцо, довольный, протянул телефон мокрому от волнения директору и подмигнул братве. Поговорив с Маратом, Красный Костюм молча присел в свое коричневое кожаное кресло и промямлил что-то несуразное.

— Да брось ты, добрый молодец, — запел, присев на стол, Пастух. — Джаз тебе не по формату? Да у тебя же радио танцевальное, вот и пусть все танцуют под наши дудки.

— Да-да, — присоединился счастливый Пузцо, — бери в ротацию, но только не подавись.

— Ну ладно, поедem мы, некогда нам тут с тобой танцевать, еще десять станций нужно посетить. А ты не грусти. Слушай джаз, танцор.

Пастух по-отечески похлопал очередного побежденного радиобосса по плечу и двинулся к выходу.

Полные уверенности, что и в третий раз наткнутся на подопечных Марата, бандиты поднялись в офис следующего в их списке радио «Попсятинка»,

но натолкнулись на стену непонимания. Перед ними стояли восемь дуrolомов, размером с альпийские горы, которые не имели никакого отношения ни к Марату, ни к предыдущим радиостанциям. Но к налету на собственный офис они явно были готовы, потому как весть о сумасшедших приморских джазменах разлетелась по всей Москве в считанные минуты. Впрочем, Пастух и компания были только рады, что наконец-то можно как следует поработать кулаками и размяться после трехдневного застоя. Двухметровые квадратные охранники, сразу же опознав своих недоброжелателей, без лишних слов потянули свои кулаки размером с глобус к бригадникам, на что те, довольные и счастливые от подвернувшейся заварухи, принялись за любимое кулачное дело. Завязалась кровавая битва. Южморцы лихо разбросали по разным сторонам столичных амбалов и прямиком, без всяких хохм с секретаршами, протопали в кабинет программного директората.

За широким столом из красного дерева сидел немолодой крашеный блондин в бежевом пиджаке. Его лицо побшло загорелого цвета изображало удовольствие и какое-то скрытое извращение. Когда в его кабинет ворвались «злодеи» во главе с Пастухом, мужичок выронил на пол мужской журнал, который тут же открылся на странице с голой девицей, измазанной голубой глиной. Увидев нависших над ним суровых парней, блондин громко сглотнул несуществующую в сухой глотке слюну и шепотом проскулил:

АНТОН СОЯ

— Мне надо позвонить.

— На! Звони! — заорал Саныч, доставая из своего кармана колокольчик беленджикского быка.

Директор в ужасе бросил звонкий колокольчик на пол, а «Веселая бригада», разозленная столь нерадушным приемом, начала громить кабинет. Блондин, взвизгнув от неожиданности, забрался под стол и просидел там до того момента, пока стол над ним не раскололся на две части и не сложился как карточный домик.

— Ну, что же вы устроили, гады? — посмотрел он на диск, который ему гордо протягивал Пастух, и продолжил шептать от ужаса и, вероятно, ангинны. — Я бы дулинскую песню и так поставил, из уважения...

— И в ротацию бы взял? — съехидничал Пузцо, радуясь новому слову в своем лексиконе. — Ну, извини, брат. Ошибочка, получается, вышла. Слушай джаз!

Бандиты вышли из кабинета, громко хлопнув дверью, а блондин, посидев несколько минут в полной тишине, расплакался от нервов и страха.

Офис «Национального радио» охранял усиленный милицейский наряд. Машины с мигалками, сирены, переговоры по рациям — все это несколько затормозило наших героев, и они, проторчав несколько минут в полном замешательстве, решили позвонить своему новому другу и товарищу — Марату. Пузцо набрал «коллегу», и через несколько минут перед ЗИМами, покрывшимися пылью не од-

ной сотни километров, предстала дорогущая спортивная иномарка ядерно-красного цвета. Из нее вышел Марат: невысокого роста смуглый живчик в ярко-голубых джинсах и короткой кожаной куртке коричневого цвета. Его волосы были убраны назад огромным количеством геля и всяческих косметических препаратов, а на руках блестело огромное золотое кольцо с камнем в цвет автомобиля. Под расстегнутой наполовину цветастой рубашкой красовалась увесистая цепочка толщиной с несколько дождевых червей, а на ней кулон с фотографией грудастой блондинки. Блондинка мило улыбалась и словно смотрела, куда идет ее обладатель. Ее длинные волосы были аккуратно убраны в густой хвост, а над ухом с сережкой из серебра или белого золота романтично выглядывала полевая ромашка. Рядом с веселым Маратом воинственно шагали его верные помощники, на вид не огромные, но с выражениями лиц как у злых бультерьеров.

— Ну, кто из вас Пузцо? — громко чавкая жвачкой, поинтересовался Марат и, не дожидаясь ответа, направился прямо к Пузцу, приветливо хлопнув его по плечу. — Вижу, красавец! Слушай, загни еще разок, а то парни мои не верят.

— Эх, Маратка, я б тебе загнул, но мы ж с тобой, раскудрит твою маковку, вдоль-поперек совковой лопатой в душу в мать советскую милицию, культурные люди, в рот тебе мой канакатый капондустер! — Последние слова Пузцо договаривал, едва сдерживая смех, зато его товарищи уже давно де-

АНТОН СОЯ

монстрировали истерический хохот, держась за животы.

— Ну, ладно, — успокоился Марат, вытирая слезы с глаз. — Что у вас там с ментами? Бабло спасет музло? Ну, давай бабки, я с ними разберусь.

Через десять минут, задушевно поговорив с капитаном милиции, Марат возвратился.

— Нормал. Это мои знакомые, через десять минут свалят на полчаса. Хватит вам полчаса? Только это — без погромов. Вежливо отдайте песню. Вы и так уже там всех зашугали. Ну-ка, Пузцо, выдай-ка еще чего-нибудь.

На следующей радиостанции веселую бригаду встречали стоя и с аплодисментами. Работники студии радостно подпевали песне Дулиной, а генеральный директор, глаз которого предательски подергивался, только успевал наливать парням виски. С таким же успехом бандиты пропутешествовали по всей оставшейся радиомоскве, и теперь везде их уже поджидали с накрытым столом и громко звучащей дулинской композицией.

— Откуда, блин? — недоумевал Пастух.

— Волшебная сила Интернета, — похлопал его по плечу Саныч, усаживаясь за руль. — Качают наш хит вражки радиостанции.

ГЛАВА 22

Как принять приз за победу

Кремлевский оркестр с трудом разместился на огромной дулинской кухне. Все балаганили, пили, ели, стучали по своим инструментам, трубили, дергали струны, братались с Алисой и бандитами и периодически переключали приемник музыкального центра с одной радиостанции на другую. Везде играла одна и та же песня — творение Дулиной и «Веселой бригады». Песня звучала абсолютно на всех волнах, и каждый раз, как они ее снова слышали, музыканты победно чокались, разбивая при этом пару очередных бокалов, и выпивали.

Пастух, радостный и одухотворенный, в черных шелковых трусах и котелке, сидел в своей комнате на втором этаже, наигрывая на гитаре новые песни. Он на ходу сочинял слова и, победно хохоча, тут же записывал их на листок бумаги, который и без того был вдоль и поперек исписан разными сочинениями на тему.

АНТОН СОЯ

На улице царил тихая ночь, нарушаемая только радостными возгласами на кухне и звоном бокалов. Со стены на веселого Пастуха бодро смотрела Дулина-старшая. Фотография была сделана несколько лет назад в каком-то южном городке Испании, о чем свидетельствовала надпись внизу портрета. Дулина улыбалась и как будто делила с Пастухом нынешнее торжество. Костя отвлекся от сочинительства и несколько минут смотрел на Алису, улыбаясь ей в ответ. Он что-то проговаривал про себя и обещал диве, и в этот момент он был уверен на тысячу процентов, что страстная сладкая ночь была проведена именно с ней. И когда Пастух уже был готов одеться и пойти к своей старшей избраннице, в комнату без стука вошла красивая, молодая и свежая Жаннет, настроенная романтично и отчасти пафосно.

— Костя, я — твоя! — отрезала прямо с порога юная особа, наряженная в прозрачный пеньюар. — Возьми-ка меня так же быстро, как взял сегодня все эти радиостанции.

— Не понял! — Пастух медленно положил гитару рядом с собой и снял котелок, как бы приветствуя девушку.

— Скорее, скорее, грубо и зло, — шипела приближающаяся Жаннет. — Я хочу, чтобы у тебя в руке был пистолет.

Жанна не дала Пастуху ответить, она подошла к нему вплотную и повалила на кровать. При этом на пол упала гитара, грустно бренькнув в ответ на по-

160

добное хамство. Инструмент задел Дуську, которая моментально оживилась и стала гонять пяточком по комнате порхнувший на пол вслед за гитарой пеньюар. Жаннет скакала на Пастухе, как на диком коне, не давая сказать ему ни слова.

— Еще, еще, мой герой! Мой бандит! Сделай рожу пострашнее!

Костя был в полной власти этой фурии, их любовные стоны и крики сливались в многоголосье с поросычьим визгом и джемом внизу, где спевались и сыгрывались Алиса, оркестр и «Веселая бригада».

— Ах ты, разбойник. На мой вкус, ты чересчур нежен сегодня, ты не мог бы быть позлее?

Жаннет и Пастух тяжело дышали. Они распластались на кровати в откровенных позах и не могли восстановить дыхание. В ушах шумело, голова кружилась. Дуська никак не успокаивалась, доедая до рогуший пеньюар.

— Разве тогда в Беленджике я был злым? — набум поинтересовался Пастух, глядя в потолок. — И ты, кстати, тоже показалась мне тогда гораздо нежнее.

— Костя, окстись, мы даже не поцеловались как следует в Беленджике. Я наглоталась таблеток и всю ночь скакала на быке, я была зла на тебя, решила, что ты не бандит, а музыкант, а их я с детства ненавижу. Терлись все время рядом — алкашня, неудачники, а ты — мой герой!

Жаннет перевернулась на живот и оперлась на локти, не спуская глаз с Пастуха. Тот задумчиво

АНТОН СОЯ

накручивал ее волосы на палец и продолжал смотреть в потолок.

— Подожди, так, значит, я все-таки был с Алисой тогда? Обалдеть...

— С мамой? — не удивилась Жаннет. — Исключено. Маман утанцевалась и заснула за столом, там я ее с утра перед самолетом и нашла, а ты куда-то пропал. Но я тебя не очень-то и искала, а зря. Мой бандит!

Жанна, набравшаяся за время разговора новых сил, снова стала карабкаться на Костю, который вяло пытался сопротивляться. Его тело полностью соглашалось продолжить любовные скачки, но в голове все так же пульсировал вопрос, который наконец вырвался на свободу: «А с кем же я тогда был?»

Жаннет, отвлекшаяся на секунду от своего приятного занятия, не придавала ни малейшего значения Костиным мучительным размышлениям:

— Может, с Дуськой? — спросила она, подняв тонкие брови и смешно округлив горящие глаза, и продолжила тонуть и топить Пастуха в сладкой и страстной стремнине секса.

ГЛАВА 23

Как репетировать с оркестром

Утром Пастух собрал свою заметно увеличившуюся паству репетировать в просторной кухне-столовой Дулиной. Мебель аккуратно придвинули вплотную к ровным стенам нежного персикового цвета с узорами под потолком, и весь кремлевский оркестр, в тесноте да не в обиде, расселся по своим местам.

— Ну что ж, поздравляю, битлы, — тоном серьезного оратора вещал Пастух. — Радио все наше, целиком и полностью. Сегодня с утра, то есть сейчас, у нас большая репетиция, днем я с парнями съезжу на разведку на «Клип-ТВ», а вечером снимаем клип на наш хит. Вот так вот.

Музыканты, с помятыми от ночного джема лицами, уныло слушали Пастуха, периодически прихлебывая воду из стаканов и потирая глаза. Кто-то держался за голову, кто-то усилием воли не давал глазам закрыться, контрабасист дремал на грифе своего инструмента. Болотного цвета лица, мутные,

АНТОН СОЯ

ничего не понимающие глаза, торчащие в разные стороны, как у клоунов волосы — таков был оркестр Пастуха этим утром.

В помещении стоял беспощадный запах перегара, но Пастух не придавал этому значения или делал вид, что ничего не замечает. Он был бодр и безостановочно улыбался, что воспринималось несчастными музыкантами как издевательство. За окном разгорался погожий день, и солнце покорно освещало огромную комнату так, что не пришлось даже зажигать свет в помещении. Кухня-столовая наполнилась стонами страданий и похмельными кряхтениями, но, несмотря на свои утренние мучения, на репетицию явились все до одного.

— Сейчас мы посмотрим, как вы за ночь сыгрались, — витийствовал удовлетворенный проведенной ночью Пастух. — Дирижировать я, как вы уже сами знаете, умею только пистолетом, так что — поехали!

С большим усердием и страданиями на лицах духовики завели свою партию, но не успели отыграть и пары тактов, как Пастухово ухо уловило фальшь:

— Лажаєте!

— Мы — Кремлевский оркестр, Костя, — встал честлюбивый трубач.

— Заново! — Пастух подал сигнал рукой, и духовые зазвучали с новой силой.

— Лажаєте, Кремлевский оркестр, — начал выходить из себя Пастух. Он судорожно размахивал руками и краснел.

164

— Это не мы.

— Точно, — заступился Саньч, — не они.

Все замолкли и услышали отвратительно воющую автомобильную сигнализацию за окном.

— Невозможно работать в таких условиях, — хором, стройно загудели избалованные музыканты.

— Так. Продолжайте, — прервал их возмущения Пастух, — а я пойду разберусь.

— Это у Николаича, генерала соседского. Наверное, внучок опять балуется, я схожу с тобой, — сказала опоздавшая на репетицию из-за утреннего макияжа счастливая хозяйка дома.

— И я с вами, — простонал самый помятый музыкант из оркестра с говорящим погонялом Кашей, — проветрюсь, а то худо совсем.

Через минуту после ухода инспекционной тройки подлая сигнализация резко замолчала, и Пузцо решил взять шефство над музыкальной оравой.

— Ну ладно, парни, раз с духовых не покатило, начнем с ударных.

— Мы не ударные, мы перепончатые, — обиделись оркестранты.

— Да хоть чешуйчатые. Поехали! — Пузцо, как Пастух, взмахнул своим пистолетом, и ударники начали.

— Парни, — сморщился Пузцо через секунду, — эту фразу проще надо играть!

— Мы знаем, как ее надо играть, — не соглашались ударники с пузцовскими местечковыми претензиями.

АНТОН СОЯ

— Смотрите, как надо. — Пузцо схватил свой огромный барабан и начал в него стучать. Стучал он так, что Кремлевский оркестр попадал со стульев от смеха, что, разумеется, не понравилось Пузцу. Он вплотную подошел к барабанщикам, литавристам и бубнистам и зашипел:

— Ну что, твари перепончатые, эту фразу мы будем играть тупо так, — и вновь показал на собственном примере, как надо.

— Нет, тупо так! — стояли оркестранты на своем и упрямо били в свои инструменты. — У нас за спиной, на секундочку, джазовая школа и консерватория.

— Ах так! — рассвирепел Пузцо. — А у меня за спиной три ходки, а в руке большая палка!

На последних словах он схватил большую палку и на всех парах вкатил по башке ближайшего барабанщика.

— Ах так! — оскорбился оркестр. — Понаехали тут!

Похмелье десятков людей как рукой сняло, и сразу несколько ударников, точно вороны, налетели на Пузца. Саныч и Автогеныч поспешили на помощь товарищу, по чьей голове стучали литаврами и тарелками, и вскоре к драке присоединился весь оркестр вместе с кухонной утварью Дулиной.

На крики и звуки бьющегося стекла спустилась удивленная Жаннет, которая мгновенно получила тубой по темечку и обрела недолгий покой прямо на лестнице. В «Веселой бригаде» осталось всего

трое защитников южноморской школы джаза, но они привыкли биться с превосходящим числом противников. Они встали спиной к спине — и перевеса оркестрантов не чувствовалось. Периодически, когда бригаде удавалось удачно засветить кремлевцам, они выкрикивали:

— У нас джаз играют так!

Кремлевцы озвучивали свои удачные ходы фразой:

— А мы играем так!

По всей столовой уже валялись обморочные тела, барабан Пузца уныло качался на люстре, но битва за чистоту музыкальных традиций продолжалась — «Веселая бригада» привыкла стоять до конца.

В это время Пастух, Дулина и Кащей стояли у шикарного «лексуса» генерала Григорьева, который, в свою очередь, воспитывал непослушного внука.

— Вот, Сережка, мешаешь народной артистке репетировать, джаз играть. Между прочим, джаз — очень хорошая музыка.

— Очень хорошая музыка, — недоверчиво кивнул Сережа, вслушиваясь в шум и гам, доносящийся из окон дулинского дома.

— Это авангард, — сердито посмотрел на него Пастух.

— А по-моему, это... — прислушался старенький генерал, но Алиса оборвала его на полуслове:

АНТОН СОЯ

— Не надо, Иван Николаевич, это явно не у нас. Что вы, у нас такие прекрасные ребята собрались, репетируют джаз, все по-человечески. Вот возьмите внука, пойдете к нам, пусть он посмотрит.

К этому времени битва действительно закончилась. Кухня была разнесена в хлам, повсюду валялись изломанные, поврежденные инструменты и их обладатели. Счастливая «Веселая бригада» победно возлежала на кучке сломленных оркестрантов. Люстра едва держалась на потолке из-за тяжелого барабана, который чуть раскачивался на ней, а Жаннет, так и не пришедшая в себя, лежала в искривленной позе на лестнице. Витражные дверцы антикварного серванта были цинично и безвозвратно уничтожены, а коллекция элитной посуды, купленная в разных странах мира, превратилась в груду фарфоровых осколков. Заботливо отодвинутый для репетиции стол, достаточно массивный, деревянный, с красивыми орнаментами в стиле арт нуво, как книжка, сложился вдвое. А помимо собственных щепок из него торчали смычки, ножки стульев и кто-то из музыкантов. Бежевые атласные шторы нахально упали на пол, прикрыв собой бессознательного скрипача, который валялся прямо под окном в загадочной позе и переливался разными оттенками собственных синяков.

Когда в помещение зашла Дулина, она, не глядя вокруг, сразу провозгласила:

— Вот видите, у нас тишина!

168

Тишина действительно была полная. Поскрипывать продолжала только люстра, обремененная таким непростым для ее хрупкости и изящества грузом.

Алиса, вытаращившая глаза от удивления, переступила порог именно в тот момент, когда эта самая люстра решила избавиться от своего бремени, и барабан упал прямо на королеву джаза. Та, в свою очередь, тут же отправилась в нокаут.

Пастух, вовремя успевший подхватить томно падающую диву, умудрился пошутить:

— М-да, тишина. Мертвая тишина.

— Вот в Матросскую Тишину, — закричал старичок Григорьев своим командным голосом, — всем вам и дорога! Потрудитесь, молодой человек, найти другое место для своих репетиций. У Алисы Марковны из-за вас одни неприятности.

— Где-то я все это уже видел, — закатил глаза Пастух, как школьник, которого отчитывал директор на своем ковре.

— Деда, — дергал Сережа генерала за штаны, — деда, а это джаз?

— Да, внучек, пойдем отсюда.

— Деда, я хочу играть в джаз.

— Да не дай бог, Сережка. — Иван Николаевич трясущимися руками резко подхватил внука под мышку и выскочил прочь из разгромленных хором.

Пастух примостил Дулиных рядом друг с дружкой на лестнице, выдав по носовому платку, смо-

АНТОН СОЯ

ченному водой, чтобы те приходили в себя, а сам начал сосредоточенно мерить шагами комнату.

Неожиданно он встал посреди столовой, достал пистолет и, потряся им в воздухе, резко убрал обратно.

— Значит, спелись?! — закричал Пастух на молчащих, стыдливо опустивших глаза оркестрантов и «Веселую бригаду». — И сыгрались?! — не унимался Костя. Разодранные оркестранты и троица Пастуха тихо стояли у дальней стенки, опираясь на разбитые инструменты. Один из литавристов, сильнее других пострадавший в бою, из последних сил держался на ногах, но по его искаженному страданием лицу было ясно, что долго он не простоит. Все молча ждали, когда взбешенный главарь остынет, вступать с ним в спор никто не решался. — Порепетировали! — прогрохотал Пастух.

Литаврист, не в силах больше стоять на ногах, со страшным грохотом упал лицом вниз. Пузцо, конечно же, не смог упустить такую сладкую возможность поставить точку в утреннем споре.

— Эту фразу надо играть так, — прошептал он достаточно громко для того, чтобы побитое воинство затрясло от нервного смеха.

Не смешно, похоже, было только Пастуху.

— Весело вам? Молодцы. Все наказаны! На «Клип-ТВ» я поеду один. Нет. С Жанной и Кашцем. Чтоб к нашему приезду кухня была как новая — и эта, и ваша, музыкальная. А вы все при параде и с новыми инструментами. Пузцо с друзьями башляют. Эту фразу я сыграл так!

170

ДЖАЗ-БАНДА

На этот раз все молчали. Даже Пузцо. Пастух в гневе был страшен и прекрасен, и казалось, никогда не уймется. Но тут его пламенный взор упал на притихшую хозяйку разгромленного дома.

— Алиса, — утихомириваясь, замурлыкал Пастух, — ты прости нас, засранцев. Зато я теперь знаю, какой нам клип снимать. Да, бивни?! Раз вы все тут такие бойцы, мать вашу растак!

ГЛАВА 24

Как поставить свой клип в эфир на музыкальном канале

Огромное пятиэтажное здание призывно блестяло гладким, как лед, стеклом. Видно было, как по коридорам и лестницам со скоростью ужаленных антилоп носятся офисные работники. В здание ежеминутно кто-то входил, кто-то выходил, деловито ругаясь по телефону, ежеминутно подъезжали и отъезжали караваны автомобилей, у входа кучковались малолетние фанатки-неврастенички. Все это походило на здоровенный муравейник, и казалось, что жизнь в этом «ледяном замке» не сможет остановиться ни на мгновение ни днем ни ночью.

ЗИМ встал прямо напротив блестящего дома, над огромным входом в который гордо переливалась всеми цветами радуги надпись «Клип-ТВ». В машине тихо сидели Пастух, Дуська и Кашей в ожидании Жаннет, которая убежала на разведку во вражеский муравейник. Пастух, не в силах избавиться от тяжелых размышлений о злополучной сладострастной ночи в Беленджике, был абсолютно по-

давлен и загнан в тупик отсутствием вариантов. Это была не Жаннет, с которой он провел прошлую ночь, и не ее мать. Но кто же тогда? Пастух меланхолично гладил татуировку на спинке свиньи и задумчиво таращился на приближающуюся Жаннет, которая нагло вихляла округлыми филейными частями с природной грацией львицы.

— Там ОМОН, — с места в карьер начала доклад запыхавшаяся девушка, — и муха не пролетит. А по стенам ваши с бригадой портреты висят. Ты там такой красавец, — полезла Жаннет целоваться к Пастуху, но тот поморщившись отпрянул от нее.

— Что же делать?

— У меня идея! — подмигнула интриганка и зашептала Пастуху на ухо свой идеальный коварный план порабощения «Клип-ТВ».

— Никогда! — ответил Пастух на ее шипение, сначала побледнев, а потом густо покраснев.

— Ну и сиди тут, гомофоб несчастный.

Несколько минут Пастух сидел молча, упрямо продолжая всматриваться в блестящее, похожее на айсберг, здание. Он переводил взгляд то на Дуську, мирно посапывавшую в своих свинячьих снах, то на Жаннет, которая ехидно улыбалась, сложив руки крестом на груди, то на Кашея, который сказал за всю поездку от силы два слова, и те связанные с его ужасным самочувствием.

Через пятнадцать минут надувания щек Пастух сдался. Глубоко вздохнув и выматерившись от ду-

АНТОН СОЯ

ши, он завел ЗИМ, и тот покатился по московским улицам в неизвестном направлении.

Час спустя автомобиль снова стоял в полной боевой готовности перед офисом телеканала. Из него неловко выбрались и уверенно продефилировали к главному входу три пышногрудые стройные девицы, старательно виляющие бедрами. Предводителем этой троицы выступала Жаннет, которая куда профессиональней справлялась с высоченными каблуками, чем несчастные Пастух и Кашей. Парни напряженно шагали за Жаннет, наряженные в стильные платья, плащи и черные очки. Их мощные головы аккуратно скрывались под шелковыми платками. Издали троица напоминала девушек из клипов «Dereche Mode», таких, какими их когда-то увидел Антон Корбайн.

— Вы к кому? — сердито спросил один из двух охранников, сидящих на входе, преградив барышням путь.

— Мы на кастинг, — замурлыкала Жаннет, снимая свои очки, — в «Норки нараспашку».

— Ну, проходите, — оттаяла горилла в ответ на белозубую улыбку Жаннет, — пропуска подпишите наверху.

Троица грациозно добралась до лифта, последним в него ввалился, злой как черт, Пастух. Как только лифт закрылся, охранники на входе поспешили обменяться мнениями. Первый, ухмыляясь, сказал:

— Стильные девки. А последняя злая такая, ох, мне такие нравятся!

174

Второй мечтательно ответил:

— А я б всех трех трахнул!

Троица ряженных вышла из лифта и короткими перебежками понеслась до самого офиса программного директора. Тут и там сновали звезды отечественной поп-сцены, их менеджеры, орущие режиссеры и краснолицые продюсеры. Некоторые узнавали Жаннет, несмотря на ее конспирацию, но она, не отвечая на приветствия, бежала по коридору. Пока не влетела со своими сателлитами в уютно обставленный кабинет.

— Привет, Игорек, — присаживаясь в мягкое кресло и посылая воздушный поцелуй, поприветствовала программного директора «Клип-ТВ» красотка Жаннет.

— О, Жаннусик! Как ты? Как мама?

Игорь, плотный мужчина в полосатой светлой рубашке, заправленной в дорогие коричневые джинсы, привстал со своего массивного кожаного кресла, чтобы облюбовать Жаннины ручки.

— Я слышал, у нее новый менеджмент и имидж?

— Ага, Игорь, это правда, мама больше не поет попсу.

— Ну и зря! Да, девочки... — обратился Игорь к «девицам», стоявшим возле дверей в позах, выдававших всю их брутальную сущность. — Вы чего такие хмурые? Жан, чего они такие хмурые?

— Игорь, а если мама снимет очень хороший, дорогой, красивый клип на новую песню, — проигнорировала Жаннет вопросы менеджера, озабоченного

АНТОН СОЯ

настроением гостей, плохо идущих на контакт, — у него есть шансы? Хотя бы на ротацию «Ц»?

— На этот джаз, который сейчас крутят по радио? — расхохотался директор, попутно вытирая пот с покрасневшегося лба. — Ну ты что, Жанка! Ты же знаешь нашу аудиторию. Нас подростки смотрят, а не бабушки, ностальгирующие по ушедшей давно на пенсию молодости. Джаз — мертвая музыка вымирающего поколения. Мы рок-то уже не крутим, не хотят детишки. Все за попсу, ослики молодые.

— Но это же вы их на нее посадили, — сурово парировала Жаннет, глядя прямо в глаза своему собеседнику.

— Ну, ты что, милая моя! Я вообще дома death-metal слушаю, ты же сама знаешь. Но на работе ни-ни, нельзя мешать вкусу и работу. У нас развлекательный канал для молодежи. А джаз — это допотопно, немодно, негламурно. Я очень уважаю Алису, мы все в курсе, как я ее уважаю, но джаз — это просто смешно!

На последних словах директор отчаянно развел руками и потянулся за пачкой сигарет, но закурить ему не удалось. Пастух, не выдержавший такого поворота событий, осатаневший от всего сказанного и от своего тесного маскарадного костюма с розочкой на левой груди, подбежал к Игорю и схватил его за шею, сильно прижав голову к столу. Сбросив темно-синее боа с правой руки, в которой, естественно, оказался пистолет, он вставил ствол в рот про-

граммного директора и злобно захрипел совсем не женским голосом прямо ему в ухо:

— Джаз — смешно? Послушай, ты, гнида фуфловая! Все, что ты делаешь всю свою жалкую жизнь, — вот это просто смешно! А джаз — это великая музыка, которая переживает все твои жалкие музыкальные моды. И если ты не поставишь наш клип, я грохну тебя, всех твоих друзей, всех ваших артистов и все дет-металлические группы в мире, понятно?

Испуганный до белых пятен на лице Игорь попытался кивнуть, и Пастух отпустил его, презрительно плюнув прямо на стол. Менеджер медленно выпрямился и сидел за столом, боясь совершить какое-либо движение. Он смотрел куда-то перед собой, тишина в комнате неприятно давила на уши до тех пор, пока Кащей с криком «отстой!» не разбил стул, рассыпавшийся на множество деревянных частей, об его голову. Телевизионщик, не издав ни звука, без чувств рухнул на стол и распластался на нем мертвой медузой.

— Зачем?! Ты что наделал? — спросил ошарашенный Пастух, поправляя на себе шелковый плащечек.

— Я мечтал об этом семь долгих лет, с тех самых пор, как играл в панк-группе и наш лучший в мире клип завернули, — гордо заявил Кащей. Его глаза налились кровью и удовлетворением, похмелье как рукой сняло.

— Ах, сколько же еще зла и ненависти в этом мире, — иронично заметил Пастух.

АНТОН СОЯ

— Нам пора, — очнулась Жаннет, — он скоро очухается, у дэт-металлистов очень крепкие головы.

«Девицы» уверенно проделали столь же нелегкий путь в обратном направлении и, благополучно миновав охрану и ОМОН, вскоре оказались в ЗИМе, где радостно хрюкала родная Дуська. Парни первым делом яростно бросились срывать с себя бабские тряпки, превращая тонкую ткань в лохмотья, а потом с любовью и нежностью натянули на себя родную помятую одежду.

— Никогда, больше никогда, — плевался Пастух, стягивая с себя женский бюстгальтер невообразимого размера.

— Что — никогда? — спокойно спросила Жаннет, поправляя свой макияж.

— Никогда больше не буду гоняться за Злючкой. Как же он, бедный, мучается, — пробубнил под нос главарь джаз-банды.

Некоторое время все деликатно молчали, пока Пастух не нарушил эту тягостную паузу:

— Непрушный день, да, Жаннет? С самого утра все как-то не заладилось.

— Да, ТВ — сложная штука, Костя. Тут штурмом не получится, надо хитростью брать.

— Ну давай, лиса... Делись своими хитростями. В кого теперь меня переоденешь?

Пастух уже был готов вылить накипевшее за день на деловитую Жаннет, но тут голос подал раздухарившийся Кащей:

— Штурмом ли, хитростью ли — какая разница?! У нас все равно пока нет клипа, так чего рыпаться раньше времени? Вот у нас в панк-банде раньше такие клипы зашибательские были — отвал башки!

— Угу, то-то ты сегодня башку этому чудиле в полосатой рубашке чуть не отвалил.

— Мальчик прав, Костя, — вступилась Жаннет за Кащея, у которого зашкаливал адреналин. — Ты хоть знаешь, как клипы снимают? Это ж на месяц минимум заморочек — продакшн-постпродакшн, сценарий, клипмейкера модного найти, павильон, декорации построить, съемка, модели, монтаж.

— Ой-ой-ой, как страшно, — передразнил ее Пастух, вышвыривая за окно свое атласное синее платье. — Ты где так наблатыкалась в клипах-то этих?

— Я что, по-твоему, в клипах никогда не снималась? — оскорбилась Жаннет. — Был у меня один режиссер.

— А оператора у тебя не было, а?

— Два. А может, и три. Клевый один.

— В смысле — как я?

— Нет, в смысле — как оператор!

— Ну и фигня делов! Звони своему оператору, научу вас, черепах столичных, как быстро клипы снимать. Слышь, Кащей, где у вас тут кабак попушистей, чтоб попугаев побольше собиралось?

— В смысле — ярких фриков? А может, готов? Может, панков? Или трансов? — разошелся не на шутку развеселившийся молодой человек, повязывая свой платочек свиные на хвост.

АНТОН СОЯ

— Так, положим, трансов нам на сегодня достаточно, — скептически заметила Жаннет.

Пастух поддержал подругу:

— Это точно. Панков тоже не надо. У нас же клип достойный должен быть, а не побоище помойное. У них там цепи, браслеты с шипами всякие — видел я их. А кто такие готы?

— Ты чего задумал, дьявол черноморский? — удивилась светская львица.

— Сейчас расскажу. Так чего за готы-то?

— Да не яркие они вовсе, отстань. Обмороки такие бледные, типа вампиров, все в черном, ногти, губы. Музло у них сообразно заунывное. Про смерть, любовь до гроба и кладбища.

— Круто, — вдохновился Пастух услышанным. — Такая нечисть до нас еще не доезжала.

На минуту Пастух замолчал, смешно морща лоб, а потом выдал ценные указания:

— Знаешь, где они тусуют? (Кащей кивнул). В общем, так, Жаннет, чтобы к девяти вечера этот твой оператор был у клуба этих ваших готов. Заплатим ему тройник, клип будем снимать черно-белый и с двух дублей. Ну, может, с трех, если их там много будет. Все понятно?!

— Ничего не понятно, — хором ответили Жаннет и Кащей.

— Вот и здорово, значит, клип будет замечательный!

ГЛАВА 25

Как снять убойный клип

Клуб, где собирались готы, выглядел подобающим образом: серое здание, часть которого была вручную выкрашена черной краской, стены грохотали от громкой музыки, краска обваливалась, у входа стояли подростки с черными волосами. Флоуресцирующая вывеска гордо сообщала зловещее название заведения — «Черная луна».

Оркестр, более-менее пришедший в себя после ночного гудежа и утреннего побоища, топтался около дверей клуба. Длинноволосые подростки недоверчиво косились в сторону людей с инструментами, а Пастух в это время грелся в ЗИМе и объяснял худому тщедушному оператору суть дела.

— Ну, ты же фильмы про зомби видел, Саш? Отлично. Тебе делать-то ничего не надо. Ты все это просто снимаешь, понял?

— Съемки в реальном времени — это очень опасно, — недоверчиво смотрел Саша в сторону подростков, ноги которых были в устрашающе огром-

АНТОН СОЯ

ных ботинках. — А если мне камеру разобьют зомби эти ваши?

— Да мы тебе две таких купим, — не сдавался Пастух.

— Саша, вы не бойтесь! — Алиса была одета в ярко-красное сценическое платье. Оно откровенно обтягивало ее отлично сохранившуюся фигуру, акцентируя все недоступные пикантные места. — Я Косте доверяю и вам советую. Он у нас, конечно, безумный, но у него почему-то все получается.

— Ага, — ехидничала Жаннет, — ты, Сашка, не переживай. Если тебе башню снесут, Пастух тебе две новых купит.

— Жанна! Я вписался в эту историю только из-за тебя! А ты... — обиженно загнул оператор.

— Жанночка, а ты, кстати, с нами пойдешь, — успокоил скептически настроенную барышню Пастух. — Нам твое доброе личико в кадре ой как пригодится, правда, Саш? Ну, все, хватит тереть пустое — пора снимать кино!

Пастух достал из бардачка бутылку виски и пустил по кругу.

— Фронтные двести грамм — для храбрости!

Костя был в прекрасном расположении духа, он шутил, смеялся, подмигивал из машины замерзшим музыкантам, которых даже не знал и не помнил, как зовут, и всех всячески подбадривал.

— Ну, ребяташки, с джазом!

Из соседнего ЗИМа вывалила «Веселая бригада» с инструментами. Толпа дружно направилась в

клуб, где, разумеется, перед ними предстал очередной здоровенный громила-охранник, он же фейс-контроль. По телу оператора бегал нервический холодок, рука едва удерживала тяжелую камеру. Некоторые из музыкантов все еще жадно поглощали воду и пиво, а «Веселая бригада», что-то бурно обсуждая, гоготала во все луженые глотки. Музыканты все поголовно были наряжены во фраки, белые рубашки с бабочками и котелки, арендованные на «Мосфильме». Начищенные до блеска туфли сияли не хуже, чем вывеска и лысая голова Громилы.

— Вы, ребята, похоже, место попутали, — издевательски-приветливо прогнусал Громила, — нам тут музыканты-клоуны не нужны. Цирк — на Цветном бульваре.

— Ты там, наверно, гири таскал, дистрофик? — предположил Пастух, вызвав поспешное бегство ехидной улыбки с лица охранника.

— Это частный клуб, и сегодня тут гот-вечеринка, так что проваливайте со своим маскарадом в другое место.

— Сашка, — крикнул Пастух оператору, — пора снимать! Мотор!

— Нельзя снимать, убери камеру.

Только Громила потянулся к Саше, чтобы выхватить его операторский хлеб, как резкий удар Пузца в челюсть усыпил охранника на несколько минут.

— Один готóв! Мочи гóтов! Даешь клип! — заводил Пузцо свое воинство.

Пока фейс-контролер падал с грохотом на асфальт, «Веселая бригада» и оркестранты прошли внутрь логова нечисти. Шагая по темным коридорам, освещенным толстыми свечами, они миновали чилаут с целующимися тенями. Саша не прекращал снимать, постепенно входя во вкус, и сам не заметил, как оказался с Пастухом и его огромной бандой в темном баре, где мрачайшего вида личности вливали в себя пиво под заунывную химообразную песню.

— Саныч, врубай свет, — проорал Пастух в мегафон, заглушив при этом нытье зарубежного вокалиста. — Ну что, зомби, хватит тосковать. Послушайте-ка джазу! Я пришел дать вам свет и радость, — веселился Пастух, уворачиваясь от первой пивной бутылки, которая позорно пролетела в паре сантиметров от его уха и брызнула от стенки маленькими острыми стекляшками.

— Ох, а вот это вы зря!

Пастух с разбегу перелетел барную стойку, пока Саныч включал режущий глаза свет. Костя традиционно достал пистолет и диск с давешним хитом. Жестами он показал бармену, что тот должен сделать, чтобы сохранить свою жизнь, и парнишка повинился.

Меланхоличный, как истинный гот, бармен, на вид парнишка лет двадцати, трясущимися руками схватил диск и сменил музыку. Как только зазвучали первые аккорды, бар заполнился свистом и ором протестующих готов, а в чужаков полетели пивные бутылки.

Сашка, сделавшийся едва ли не бледнее, чем присутствующие загримированные подростки, бегал по залу, как настоящий хроникер по полю боя, и снимал то озверевших от нападения готов, то занимающих позиции у стойки музыкантов.

Костя протянул руки Алисе и Жаннет, которые испуганно прятались за широкими плечами Пузца и Автогеныча, и втащил их на стойку. В его руках сами собой образовались два микрофона, один из которых по праву достался Дулиной-старшей, а сам Пастух начал озорно вихляться в ритм песни, пытаясь вовремя попадать в фонограмму и попутно уворачиваться от летевших в сторону звезд бутылок. То же самое пришлось проделывать и Алисе, которая с большим трудом нацепила на лицо довольное выражение и начала открывать рот в унисон фонограмме. Жаннет почти сразу в ужасе прыгнула под стойку и уже оттуда продолжила вести предметный огонь бутылками из бара по атакующим готам.

Несчастный оркестр, вжимая головы в плечи от каждого звука разбитой бутылки, вынужден был расположиться перед баром. Все несколько десятков человек, не в силах изобразить радость на лицах, пытались изобразить игру на инструментах, испуганно переглядываясь и качая головами.

Пузцо, Саныч и Автогеныч, наконец попавшие в свою родную стихию, побросали инструменты, засучили рукава и ринулись мутузить выскакивающих из-за столиков дохлых, а порою и очень здо-

ровых готов. Подростки требовали вернуть их музыку и убрать со «сцены» ошизевшую старушку Дулину, которую, на удивление, все же все признали. Одна толстенная готка, в черном глухом платье и с фиолетовыми волосами, не имевшая при себе никакого оружия, кроме своих длиннющих ногтей, вырубил Саныча ударом кулака по голове, села на его живот и со всей дури вцепилась когтями в его щеки. Она так глубоко всадила их, что Автогеныч с Пузцом под атакой бутылок и пинков едва оттащили ее от друга, валяющегося без сознания.

А в это время на барной стойке продолжались танцы Пастуха и Алисы, которые уже просто чудом ускользали от летящей в их сторону посуды. Однажды, правда, Пастуху пришлось страстно обнять Алису и принять бутылку широкой спиной, чем привел королеву в дикий экстаз. Она обвила тонкими руками его шею и выдала сакраментальное:

— Костя, я люблю тебя!

В этот прекрасный момент песня закончилась, и все замерли в нелепых позах — с поднятыми кулаками, с взлетевшими в руках бутылками, с перекошенными лицами. Готы хлопали подведенными глазами, взирая на ободранную «Веселую бригаду» и недобитых оркестрантов. Те, в свою очередь, таращились на растерявших бледность подростков в траурных одеждах. Первым пришел в себя Пастух, высвободившийся из крепких объятий Алисы Дулиной. Он молнией бросился к музыкальному центру и нажал на «play».

— Дубль два! Мотор! — крикнул Костя, и песня заиграла по новой.

Побоище возобновилось ровно с того места, на котором закончилось. Пастух и Алиса продолжили изгаляться на барной стойке. В бар на помощь друзьям стали подтягиваться готы из чилаута, и вот уже казалось, что они плотной черной массой облепили троих заметно уставших ко второму дублю разбойников. Но тут на подмогу «Веселой бригаде» бросился верный оркестр. С криками: «Готик-панк нужно играть так!» — «Нет, так!» — они стали лупасить готов духовыми, смычковыми и ударными инструментами.

Оператор Саша в полном восторге выполз из-под стола, где последние минуты скрывался со своим цифровым сокровищем, и начал снимать в открытую. Тут же в него вцепились две малолетние вампирессы и повалили, сильно ударив головой об пол. Хрупкий Саша немедленно потерял сознание, а Жаннет, кошкой перепрыгнувшая через стойку уже опустошенного бара, подхватила камеру, как знамя из рук комиссара, и продолжила снимать самостоятельно. Из каких-то закоулков появлялись еще готические подростки и присоединялись к пышащему безумием бою.

Десятки готов, как мухи, облепляющие сладкие и не очень места, облепили Саныча, Пузца и Автогеньча, которые сопротивлялись из последних сил. На Автогеньче повис паренек лет восемнадцати, жадно впившийся зубами в руку бандита. С другой

АНТОН СОЯ

стороны члена «Веселой бригады» атаковали три подружки, визжащие и пинающие его сапогами на высоченной подошве. Все кругом гремело и грохотало, яростные визги молодежи заглушали фонограмму, звон стекла — голос певицы. Одна из бутылочек, которые уже стремительно заканчивались, попала прямо в светильник над баром, тут же замигавший, как стробоскоп, дьявольскими вспышками освещая поле битвы. Все это месиво поистине походило на гигантскую адскую кофемолку!

Саньч, очнувшись, с удивлением обнаружил, что целуется с одной из юных вампирш, придавленный к полу телами ее растерзанных подружек. Пузцо обменивался ударами с карликовым Мэрлином Мэнсоном, а Автогеныч, только что боровшийся с повисшим на его руке молодцом, уже лежал без сознания на куче поверженных противников.

Песня снова закончилась.

— Снято! — прокричал Пастух. — Всем спасибо! Парни, валим!

Легкими движениями Пастух взвалил себе на плечи Жаннет и Алису и быстро помчался к выходу. За ними, опираясь на плечо Саньча, хромал молоденький оператор. С другой стороны в Саньча вцепилась влюбившаяся в него две минуты назад прекрасная молоденькая девушка с синими длинными волосами и ярким макияжем. Пузцо нес на своих плечах бессознательного Автогеныча. Замыкал это шествие растерзанный вновь, но ни разу еще не побежденный «надежды маленький орке-

стрик». Потрепанные, но не сдавшиеся готы свистели и улюлюкали им вслед, но вдогонку за непрошеными гостями не спешили. Через десять секунд в клубе снова зазвучали «НІМ» и «Lacrimosa». Побитую команду на входе поджидал пришедший в себя Громила с бейсбольной битой в руке. Увидев их состояние, он не смог сдержать сарказма.

— Ха, цирк уродов возвращается с гастролей?! Восставшие из зада-2!

Но все-таки опасно освободил им проход, помня о тяжелом кулаке Пузца. Хотя это не спасло его. Проходящий мимо Пузцо свободной рукой, на всякий случай, снова вырубил Громилу.

— Это тебе за цирк. Слушай джаз, Громила!

Выйдя на улицу, оркестрик уныло засеменял в сторону метро, но Пастух смилоствивился над ними:

— Эй, парни, вот бабки — берите тачки! Вы же теперь богатые джазмены, ну! К тому же — реальные бойцы, два боя за день! А ты, Кащей, оставайся, со мной поедешь.

Алису и Жаннет Костя заботливо поместил в ЗИМ, а сам пошел прощаться с Сашей, глаза которого горели азартом, безумием и вдохновением.

— Ну, команданте, ты даешь! Костя, спасибо тебе! Это было круто. Я тебе за ночь такой клип смонтирую — все от зависти лопнут! Материал просто ломовой. Неужели все живы? Я как будто в «Рассвете мертвецов» побывал. Ромеро отдыхает!

— А ты что же, Ромеро знаешь?

АНТОН СОЯ

- Да кто ж его не знает.
- Ну, так я его скоро увижу, привет передам.
- Класс! Слушай, Костя, ты теперь, если чего надо снимать, зови!
- Позову. Ну, давай, Тарантила, жду тебя завтра с клипом. Аривидерчи!

Саша сел в свою «японку» и умчался монтировать клип, а Пастух в задумчивости стоял у своей машины. Забавно, что таких абсолютно разных людей в этот момент беспокоила одна мысль: «Крутой мужик! Ромеро знает! Откуда? Никогда бы не подумал». Из раздумий Костю вывел выскочивший из клуба, как черт из табакерки, смешной гот с искусственной проседью в волосах, затянутый в черную кожу. С фингалом под глазом, но очень веселый, он подбежал к Кашею.

— Эй, дружище, ты куда? Пойдем пивка раздавим за славный вечерок.

Пастух напрягся:

— Это еще кто?

Кашей виновато развел костлявыми руками:

— Это Снейк, я с ним в группе играл.

Прыгающий вокруг Пастуха Снейк не скрывал своего восторга:

— Блин, ну вы крутые парни. Все наши просто в полном афуге.

Пастуха посетила неприятная догадка:

— Так. Не понял. Вы что, знали, что ли, что мы придем? Кашей, что за подстава?

Снейк виновато посмотрел на друга:

190

— Кащей сказал — готовьтесь, уж не знаю, что будет сегодня вечером, но точно будет весело. И он был прав.

Кашей, пытаясь оправдаться, затряс перед главарем длинными руками:

— Костя, я ж для всех старался, для Алисы! Ты этих готов не знаешь, если б я не подстраховался, отсюда никто живым бы не вышел, это вам не попку на море полоскать или бандосов шелкать. Страшнее гота зверя нет!

— Ладно, прощаю. А я-то думаю — чего в меня всего одна бутылка прилетела. Иди, Кащей, бухай со своими. Ты тот еще фрукт.

— Приходите еще! — обрадовался позитивный Снейк.

Автогеныч, с трудом недавно пришедший в себя и внимательно слушавший разговор, решил поставить в нем точку:

— Это вряд ли. Слушай джаз, зомби!

Пастух и братва расселись по ЗИМам, Алиса и Жаннет, опьяненные шоком и усталостью, мирно спали, Дуська тыкалась пяточком в лобовое стекло — все были довольны. По дороге домой Пастух тихо посмеивался и бормотал под нос:

— Ну Кащей и жук... Взять его, что ли, в бригаду? Надо подумать...

ГЛАВА 26

Вечер трудного дня, или Как отдохнуть после съемок клипа

Вечером на кухне у Дулиных традиционно собралась вся новоиспеченная дружная семья: Дулины, банда и оркестр. Все умылись и переоделись, залепив боевые раны пластырями и намотав на израненные конечности бинты. Оркестранты поскрипывали костями и стонали, вновь заливая в себя алкоголь, дабы хоть на какое-то время забыть о боли и недавних происшествиях. Один трубач так славно отклубился с готами, что пришлось его замотать бинтом практически с ног до головы. Он отчаянно посматривал на товарищей и еле-еле шевелил челюстью, жалуясь самому же себе на жизнь. Под обоими его глазами округлялись синющие фингалы, которые делали трубача похожим на сову из детского мультика. Рядом сидел его верный товарищ по оркестру, по бою и по жизни, тоже достаточно пострадавший в ночном клубе, но все же меньше, чем его друг. Он заботливо вливал в рот забинтованного музыканта виски и с силой за-

пихивал туда колесики лимона, несмотря на все протесты.

За окном уже стемнело, и в кухню заглядывала любопытная луна, светившая едва ли не сильнее, чем кухонные лампы. В гости к бандитам приехал их новый друг — Марат со своей бригадой. Руки Марата тоже были изранены в боях, но о них он предпочел умолчать. Его бледно-розовая рубашка приятно оттеняла загорелую кожу, а царапины от бритвы на подбородке указывали на то, что Марат торопился.

Все оживленно обсуждали съемки клипа: оркестранты хвастались, Алиса хохотала, Жаннет крутила пальцем у виска, Саныч целовался с обретенной в «Черной луне» малолетней готкой. И только Пастух вновь загрустил, восстановив в голове картину дня.

— Фигня какая-то получается, братва, — уныло начал он гнуть свою линию. — Репетировать нам теперь негде, с «Клип-ТВ» тоже как-то не очень вышло... Хорошо хоть, что сам клип сняли. Только где его крутить?

— Да все нормально, — успокоила его подвыпившая Жаннет, — звонил мне уже Игорь, спрашивал, когда клип принесем. Подруги, говорит, у тебя, Жанна, уж больно горячие! Телефончик спрашивал.

Жаннет залилась звонким хохотом, но Пастуха не цепляли позитивные волны.

— Понятно, — пробубнил он, выпив рюмку водки. — Московская тусовка — чем хуже, тем лучше. Ну а репетировать нам где теперь?

АНТОН СОЯ

— На похоронах и свадьбах, — вставила свое веское слово Алиса Дулина, намертво вцепившись в стакан с виски.

— Точно, — поддакнул Саньч, обнимая трофейную девицу. — Давайте теперь всех женить и хоронить! Сначала женить — потом хоронить!

— А можно и наоборот, — подала низкий грудной голос пьяная готка.

— Смешно им! У нас сроки, между прочим, горят! Мне Ромеро уже звонил — зашивается без нас! — Константин стукнул кулаком по столу.

— Да и по Любиным концертам ты уже, видать, соскучился? — прищурившись, спросил Автогеныч, сверкая шишкой на лбу размером с марокканский мандарин.

— Может быть, и так, — сухо ответил Пастух, бросив суровый взгляд в его сторону.

— Братва, — запел сладким голосом Марат, — можно слово вставить? — Марат изрядно подпил, из-за чего нос его покраснел невероятным образом. Он щурил глаза, не в силах сфокусировать взгляд, и в целом смотрелся очень комично. — Чего вы паритесь понапрасну — клипы-репетиции? Вам к Бате надо сходить — заявиться. Шоу-бизнес — это ж мафия. А главный кто? Батя. Вы тут так нахустрили за два дня. У вас что врагов, что друзей теперь — море. К Бате, Пастух, сходи, тебя в семью примут, будут вам и клипы, и репы, и какава с чаем.

— Заладил: Батя, Батя... Тебя самого-то не Батя прислал?

194

Марат, смутившись от прямого вопроса Пастуха, завибрировал связками:

— Да нет, мы к Пузцу, урок риторики брать. Хотя ладно, чего мне меньшеваться-то? Батя прислал. Больно прыткие, говорит, у тебя друзья. Боятся, чтоб вы выше головы не прыгнули. В общем, у него сходяк завтра продюсерский — ты б зашел, Пастух. Вот и адресок тебе.

Марат достал из кармана своего джинсового пиджака уже заготовленный заранее адрес всемогущего Бати и положил на стол перед Костантином. Веселье стало потихоньку сходить на нет.

Ночью Жаннет, разгоряченная алкоголем и Костиными подвигами, решила попытать женское счастье вновь. Она долго сидела перед зеркалом в своей комнате, выбирая духи. Перерыв свой шкаф вдоль и поперек, Жаннет не смогла решить, что ей надеть, и поэтому накинула на себя полупрозрачный халатик, едва прикрывавший мягкое место. Девушка искусно поправила макияж легкими движениями кисточек, распушила свои длинные черные волосы и вышла в коридор. Тихо, практически на кончиках пальцев Жаннет прокралась вдоль длинной стены, легко преодолела невысокие ступени лестницы и оказалась у заветной двери своего желанного принца. Уверенная в себе и своей неотразимой сексуальности, она толкнула дверь комнаты Пастуха, но та не поддавалась. Тогда Жаннет налегла на непослушную деревяшку сильнее, но комната Кости так и

АНТОН СОЯ

осталась недоступной. Постояв несколько секунд в раздумьях, барышня аккуратно постучала в дверь костяшкой среднего пальца, не переставая при этом улыбаться, как мартовский кот, но не услышала ни единого звука в ответ на все свои старания. Тогда светская львица начала долбить по двери на всех парах голой пяткой, боль тут же дала о себе знать. Девушка морщила лоб, закрывала глаза, которые начинали слезиться от обиды, отчаяния и физической боли. Долго этой пытки Жаннет не выдержала и крикнула в аффектации:

— Вот сволочь! Костя, открывай!

— Я сегодня слишком добрый, Жан! Завтра приходи, — послышался из-за дверей серьезный и злой голос Пастуха.

— Ну конечно! — разозлилась столичная штучка, закутываясь в красный халатик. — Сам приползешь, лох южноморский!

— Иди поспи, москвичка экзальтированная!

От последних слов обидчика у девушки задрожали губы, глаза наполнились слезами, и она, сильно топая отбитыми и без того пятками, зашагала в свою комнату, попутно выкрикивая разные неприличные словечки в адрес всех музыкантов мира.

Пастух, лежа на кровати, прислушивался к удаляющимся Жанниным шагам, таращился в потолок и практиковал прана-йогу, к которой его пристрастил в зоне сосед по камере. С тех пор древнее искусство правильного дыхания не раз помогало музыкальному бандиту принять верное решение в труд-

ных жизненных ситуациях. На его груди устало хрипела Дуська.

Костя закинул руки за голову, в его полужакрытых глазах мчалась бегущая строка размышлений. Пастух практически не моргал и иногда резко переставал дышать. Громко вдыхая после минутной задержки дыхания, он вздымал свою грудь так высоко, что вот-вот и Дуська скатилась бы с нее, но Костя в такие моменты аккуратно придерживал милое животное, постукивая пальцами по вытатуированным на свинке губам незнакомки. Дуська же, в свою очередь, сладко посапывала и не обращала никакого внимания ни на тревожный стук по круглому бочку, ни на взлеты на Костиной груди.

— Ну что ж, Батя так Батя.

Пастух встал с кровати, заботливо накрыв спящую свинью одеялом, проверил патроны в магазине пистолета, оделся и вышел в ночь через окно своей спальни, чтобы не привлекать внимания галдящих на кухне коллег-музыкантов и их гостей.

ГЛАВА 27

Как разобраться с конкурентами, обрести новых друзей и надежную поддержку в шоу-бизнесе

За огромным круглым дубовым столом восседал весь продюсерский свет московского шоу-бизнеса во главе с пресловутым Батей. Батя — народный артист, пожилой красавец располагающей барской внешности, по-отцовски, тихо и спокойно разговаривал с пришедшими на его зов продюсерами размеренным низким голосом. Его черный костюм был так идеально выглажен, что казался восковым, впрочем, как и сам Батя. От чисто выбритого лица приятно пахло каким-то спокойным ароматом альпийских лугов, волосы, довольно густые, несмотря на почтенный возраст хозяина, были аккуратно причесаны. Даже у многих более молодых присутствующих давно уже появились залысины, но, словно на зависть им, Батины белые волосы гордо покрывали всю его правильной формы голову.

Батя сидел слегка опершись на стол, его руки, с сильно заметными венами и морщинами и с идеально ухоженными ногтями, были сложены в за-

мок. Батя напоминал школьного директора, вызвавшего сорванцов в кабинет на неприятную беседу.

В комнате было одно-единственное окно причудливой овальной формы, но и то намертво закрыто плотной темно-вишневой шторой, так что ни один луч света не мог пробиться сквозь эту мощную преграду. На идеально ровном потолке болталась одинокая люстра-тарелка, которая смотрела своим глазком-лампочкой прямо в центр стола. Весь этот антураж создавал в помещении несколько зловещую атмосферу гангстерских кинофильмов. Где-то совсем в глубине комнаты монотонно тикали старинные часы, нарушая давившую на уши тишину. Наконец, когда минутная стрелка лениво доползла до цифры «двенадцать» и часы нервно забили, сообщая о времени, Батя начал свою речь.

— Ну что, друзья, вы здесь — можно начинать, — произнес Батя, всматриваясь в лица присутствующих. — Собрала нас сегодня общая тревога. И чтоб не стала она общей бедой, решим все вместе, что нам делать. Нашествие южноморских варваров грозит разрушить все, что мы построили за последнее время, чтобы спокойно жить и нести радость музыкального искусства нашему народу. Многие из нас уже пострадали от действий этих террористов. Я, кстати, тоже джаз люблю, но в публичных местах никого не луплю. В общем, хочу услышать ваше мнение — что нам делать с Пастухом и стадом его?

— Что делать? Мочить суку приبلудную, — заверещал сухонький мужичок в больших очках, ко-

АНТОН СОЯ

торые на его узком лице казались неправдоподобно огромными. На нем был темно-зеленый пиджак сильно шире в плечах, чем положено, и своим цветом только подчеркивал схожесть персонажа с кузнечиком. Он активно размахивал своими длинными худыми ручками.

— Мочить, однозначно! — присоединился к Кузнечнику карапуз в красном свитере. Его нос картошкой смешно блестел, а налитые соком щеки походили на два спелых помидора. На его лице с самого начала красовалась нахальная полуулыбка, которая, как оказалось позже, не спадала с него с самого рождения, а сверкающая лысина тщательно скрывала возраст красноносого.

— Не очень-то его замочишь, — сказал длинный в кожаной куртке, поправляя указательным пальцем постоянно сползающие с узкого носа очки. — Вон он как с радийщиками-то лихо разобрался.

— Песня, кстати, очень неплохая, — противостоял галдящим продюсерам аккуратно подстриженный молодой паренек в цветастой рубашке.

— Ну и целуйте теперь его в зад, — накинулся на метросексуала Кузнечик.

— А может, фиг с ним — пообтешется, ведь джаз не самое страшное зло на свете, — удовлетворенный своей идеей, высказался Белый костюм — элегантный молодой высокий брюнет, то и дело поглядывающий на свой позолоченный брегет.

— Батя, а кто это рядом с тобой сидит? — обратил внимание шустрый Кузнечик на находящегося

200

рядом с народным артистом мрачноватого типа с длинными сальными волосами. Физиономия парня тщательно скрывалась под кепкой и темными очками, к тому же он постоянно курил, дымя как пароход.

— Батя, кто это? Мы его не знаем.

— Рядом со мной, товарищи, сидит известный, но не вам рок-продюсер. Беда общая, вот я его и позвал. А теперь послушайте, что я вам скажу. Мочить, конечно, дело хорошее, только хочу я вам напомнить, что здесь почти все вы — такие же приبلудные. В Москву за лучшей долей приехали. Ан и правильно. Здесь же деньги все — стало быть, и музыку здесь заказывать. А еще забыли вы, наверное, что почти все вы чалились, срока тянули — кто за фарцовку, кто за левые концерты, кто за валюту, а кто помоложе — тоже с законом не особо дружат. Ну а джаз да рок на попсу голимую ради денег разве все вы не поразменивали? Что, сначала не пробовали любимой музыкой заниматься, пока не пообламывались все? Может, вы завидуете Пастуху, что у него получается то, о чем вы уже и мечтать перестали? А может, наоборот, если мы его в семью возьмем, так он обтешется, обломается, глянь, и через пару-тройку лет как вы станет, таким же скучным да жадным.

— В семью, говоришь? — занервничал самый активный собеседник Кузнечик. — У нас в колоде дырок нет.

— Вакансий не замечено, — сиял своими спелыми томатами карапуз.

АНТОН СОЯ

— А ведь я и вправду с джаза начинал, — швырнул в пустоту длинный, снова поправляя съехавшие очки.

— Ха! — громким глубоким голосом отозвался Белый Костюм, протирая свой брегет белоснежным носовым платком. — А ведь Батя дело говорит, может, пригреем лиценца?

После этой фразы из-за стола вскочил молчавший до этого важный деятель с бледным, как мука, лицом. Его глаза быстро бегали, руки тряслись, пиджак, цветом похожий на советскую школьную форму, перекосясь на нем, подобно его лицу. Курносый нос потешно дергался во время того, как деятель проговаривал слова, разбрызгивая во все стороны свою ядовитую слюну:

— Да вы что! Обделались все от страха? Батя, как ты можешь? Мы же бабло рубим! Какая, в жопу, музыка? Кому она нужна? Сегодня джаз допустим, завтра — рок, послезавтра побираться со своими артистами по стране поедем? Да я этого Пастуха своими руками задушу. Джаз он любит! Да плевал я на его джаз. Дерьмо его джаз!

Деятель закончил свою эмоциональную речь и опустился обратно на свое место, нервно почесывая макушку. Взоры всех присутствующих направились на Батю, который на протяжении всего выступления беспокойного товарища неодобрительно качал головой. Тут резко вскочил рок-продюсер, дремавший все это время рядом с Батей, и, ловким движением вскинув спрятанный в рукаве пистолет,

202

всадил крикуну пулю в лоб. Тот вместе со стулом отлетел к светло-оранжевой стене и съехал по ней на пол, оставляя кровавое пятно.

В комнате повисло тягостное молчание, и слышно было только, как тикают старинные часы да шуршит одежда длинного, который, казалось, ежесекундно поправляет свои несчастные очки.

— Видит бог, не хотел я этого, — скорбящим голосом произнес Батя, пока рок-продюсер стаскивал с себя кепку, парик и очки. — Знакомьтесь, господа, это — Костя Пастух.

Реакция на кровавое представление не заставила себя долго ждать. Продюсеры — публика третья, всегда готовая к любым переменам в своей жизни.

— Очень убедительно, — уже гораздо более спокойным тоном констатировал Кузнецик. — Вот и вакансия образовалась.

— Ну, Сеня, походу, сам виноват — джаз ему, видите ли, не нравился, — продолжал сверкать еще более блестящими щеками карапуз.

— Слава богу, у Сени ни жены, ни детей — только крестники, — поправил очки длинный.

— Костя, — потирая карманные часы ладонью, улыбнулся Белый Костюм Пастуху, — ты пушку-то убери. Нервирует.

— Ну что ж, добро пожаловать в семью, Костя, — закрывая тему, пробасил народный артист. — А Сеню завтра похороним — красиво и с музыкой. Давайте скинемся — кто сколько может — Сене на похороны.

АНТОН СОЯ

— Музыку я беру на себя, — убирая пистолет, пообещал Пастух.

— Да, ребята, надо Косте помочь концерт в субботу в «Олимпийском» провести. Там — рекламу экстренно, радио, телевидение подключайте, спонсоров, короче, подтяните. Вход бесплатный организуйте. Да. И трансляцию на страну — обязательно. Вспомним молодость, дадим, что ли, джазу. Ну и Сению опять же помянем, хоть он джаз и не любил.

После последних слов Бати все продюсеры опустили головы и несколько минут провели молча, возрождая в памяти смутные образы Сени, молодости и любви к джазу.

ГЛАВА 28

Как похоронить прошлое с улыбкой

Все следующее утро в Москве моросил поганый дождик. Похоронная процессия уныло прошагала по серым улицам столицы, вяло хлюпая ботинками по лужам. Впереди гроба шел оркестр под предводительством Пастуха. Все музыканты были одеты традиционно для своей новой жизни — черные смокинги, бабочки, начищенные до отвратительного блеска туфли и котелки. Они сосредоточенно управлялись со своими инструментами, не обращая особого внимания на активную жестикуляцию Пастуха, а на их лицах не читалось ни единой эмоции: ни скорби, ни сожаления, ни радости, — абсолютно ничего. Они, как заводные роботы, механически исполняли свои обязанности, которые не приносили им тут никакого удовольствия в связи с поводом и отвратительной погодой. Их смокинги уже давно намокли, рубашки неприятно прилипали к телу,

АНТОН СОЯ

тем более раздражала их вся сложившаяся безрадостная ситуация.

Сзади шли самые приближенные к покойнику лица, среди которых Батя, в черном плаще и шляпе как у сыщика. Угрюмые продюсеры старались тихо переговариваться, но от натужных стараний не нарушать приличия вели себя громче всех. Все известные в городе радийщики и телевизионщики топали позади продюсеров, хотя многие из них даже не знали умершего лично.

Дулины с Дуськой на черном поводке и другие артисты и музыканты закрывали процессию. Все женщины были в элегантных черных платьях и с огромными зонтами, которые цеплялись друг за друга.

Пройдя так не один километр и посерев от обстановки и дождя, музыканты по команде Пастуха остановились, а за ними встала и вся похоронная процессия. В этот момент из-за свинцовых низких облаков, как будто давивших на головы присутствующих, как по мановению волшебной палочки, вышло ясное улыбающееся солнышко, и Пастух, устав от всей этой траурной тяготы, скомандовал излюбленное: «Давай джазу!»

Музыканты, взбодрившись, заиграли веселый мотивчик, телевизионщики резво включили свои камеры, а проходящие мимо бабульки, глядя на веселые похороны, изумленно крестились и причитали.

Процессия продолжила свой ход, но уже несколько иначе, и никто из присутствующих не ска-

ДЖАЗ-БАНДА

зал ни одного бранного слова музыкантам и Пастуху про их неподобающее поведение. Даже справедливый Батя скривил свой породистый рот в полуулыбке и слегка прищелкивал пальцами. Дуська радостно взвизгнула пару раз, услышав наконец знакомые мотивы, и даже хотела побежать к своему ненаглядному хозяину, но Алиса резко дернула поводок, будто на другом конце шествовала не свинья, а здоровенная овчарка на службе. Через пару композиций процессия приблизилась к скоплению освещенных ярким солнцем рекламных щитов, на одном из которых, самом большом и мокрым от еще не высохших капель дождя, разноцветными буквами анонсировалось:

*Джаз вернулся!
10 сентября в СК «Олимпийский»
«Веселая бригада». Солистка — А. Дулина.
Вход свободный*

Из уличных репродукторов непрерывно доносился хит «Веселой бригады», а на счастливом лице Пастуха блестели то ли слезы, то ли остатки недавнего дождя.

ГЛАВА 29

Как триумфально отыграть дебютный концерт в «Олимпийском»

Во Дворце спорта «Олимпийский» проходили последние приготовления к вечернему шоу. Оркестр отстраивался на сцене, по коридорам бегали работники с полотенцами, водой, едой и алкоголем. Среди прочих устроителей здесь вертелись знакомые нам Тонкий и Толстый, естественно вписавшиеся в организацию великого музыкального события.

— Я что-то так волнуюсь, — гнусавил Тонкий, прикладывая ко лбу тыльную сторону ладони. — По-моему, все это — грандиозная афера.

На сей раз Тонкий был одет в блестящий фиолетовый костюм и лакированные туфли. На его голове значилась необъяснимая прическа, вся насквозь пропитанная блестками, а из-под пиджака еще более ярким пятном свисал желтый галстук.

— Да чего волноваться-то, дорогой ты мой? — радостно булькал Толстый, в традиционно черном смокинге и белой накрахмаленной рубаше. — Деньги нам уже заплатили, билетов нет и не было. Хотя

знаешь, что я слышал? Кто-то пытался продавать на входе. Народу, к слову, пришла туча. Идеальный концерт!

— А вдруг они облажаются? — не унимался потевший от волнения Тонкий.

— Кто? Пастух? Да ты в своем уме? Никогда, он же — кремень!

«Кремень» Пастух со своей бандой сидел в примерке. Он смотрел в зеркало, но от нервного тика не мог сфокусировать взгляд сам на себе, предконцертный мандраж сотрясал его от головы до пят. Перед ним стояли многочисленные косметические препараты, которые он активно игнорировал, батарея бутылок с различной выпивкой, какая-то еда, фрукты, несколько писем и открыток, но от этого легче ему не становилось.

Он то и дело поправлял свою бабочку, находил какую-нибудь ворсинку на пиджаке или брюках. Рядом с ним безмятежно развалилась Дуська, периодически тыкая Пастуха своим розовым мокрым пяточком в ногу. Пастух слышал, как кто-то бежит по коридору, слышал, как кричит толпа, слышал каждый звук настраиваемого инструмента. Он захотел налить себе виски, но с трудом открыл бутылку, а потом, наливая алкоголь в стакан, все пролил мимо, выматерился как следует и, громко поставив бутылку на место, продолжил смотреть в самую глубину зеркала. Было непонятно, что беспокоит его сильнее: грядущий концерт, тысячи людей, которые пришли сюда, оркестр или то, что ско-

АНТОН СОЯ

ро они все вернутся домой, в родной Южноморск. Или та ночь, та жаркая беленджикская ночь, которая до сих пор оставалась для него загадкой. Все эти мысли наперебой одолевали Пастуха, не давая сосредоточиться ни на одной. Он хватался за кусочки то одного, то другого, то третьего воспоминания и ничего не мог расставить по своим местам; картинка его жизни, эта мозаика, никак не складывалась в единое изображение. И от этого Пастух сердился, нервничал, пугался и не мог сказать ни слова своим парням, заботливо толкущимся рядом с шефом в просторной комнате с персиковыми стенами, на которые, к слову, по заказу Кости Пастуха повесили такие же картины, как и в его домашней, уютной и такой любимой спальне в Южноморске.

— Костя, да не дергайся ты так, я тебя прошу. Подумаешь, «Олимпийский». Представь, что это обычный субботний концерт. Выпей коня грамм сто, расслабься. Или, может, курнуть хочешь? — Саньч перевел вопросительный взгляд с шефа на толстого друга.

— У нас нету пока. Сейчас Ромеро привезет. Он прилетел час назад, — отрапортовался Пузцо.

И сразу же кто-то настойчиво постучал в гримерку. Ожидая увидеть за порогом Ромеро, Пузцо лихо отворил дверь, готовясь обнять старого друга, но в коридоре стоял не Ромеро. В коридоре стояла покрасневшая Люба, увидев которую Дуся радостно захрюкала и начала носиться по комнате, подняв свой скрюченный хвостик в дружеском при-

210

ветствии. Все, кроме Пастуха, разумеется, в мгновение ока испарились, оставив голубков наедине.

— Что, кобель, не ждал? — без всяких приветствий спросила Люба, демонстрируя в правой руке Костину «рабочую» битку.

— Люба! Родная! Я так скучал! — совершенно искренне закричал Пастух, отлипнув наконец от своего зеркала.

— Скучал он, гад! По одной программе его с мамашей женят, по другой — с дочкой. С кем еще ты тут женишься? — На этих словах Люба с силой бывшего бойца залепила биткой по зеркалу, тут же разлетевшемуся на кусочки по всей гримерке. Предконцертный мандраж Пастуха сразу же как биткой сняло, и он залихватски пропел, пытаясь заграбастать Любовь в объятия:

— Любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь! Любка! Это же про тебя песня-то, родная моя!

Но девушка ловко увернулась и передразнила Костю:

— Люба! Родная моя... Ты зачем мои губы на спине у свиньи наколол? Измываешься?

Ее огромные голубые глаза начали предательски поблескивать, а у Пастуха наконец-то сложилась в голове измучившая его беленджикская головоломка.

— Твои губы? Твои? Дура ревнивая, так это ты за мной в Беленджик поперлась? Следила?

— Да. Следила. Выследила и всю ночь с тобой была.

АНТОН СОЯ

— Ах, что за ночь была...

— Жаль, я тебя сильно подносом шваркнула — ничего небось не помнишь. А на зеркале не своим почерком для прикола написала, чтоб мучился. За тобой не следи, так ты на целой семье Дулиных женишься!

— Люба, золотко мое, какие Дулины, завтра в Южноморске с тобой свадьбу сыграем!

Пастух, как влюбленный школьник, подлетел к Любе, снова пытаясь ее обнять, но та, не поддаваясь его порывам, вновь угрожающе подняла правую руку с битой:

— Не подходи — убью. Тебе бы все играть! Сегодня — концерт, завтра — свадьбу! Я знаешь как соскучилась!

Женское сердце все же не выдержало, и Люба, не в силах бороться со слезами, бросилась к Пастуху в объятия, повалив его на пол гримерки.

— Костичка, — слышался гнусавый голос Тонкого из-за дверей, — через пять минуток на сценочку!

— Не пуцу! — вцепилась Люба в Пастуха, не давая ему высвободиться из любовного плена. — Дуля тебе вместо Дулиной!

— Костя, беда! — прокричал из-за двери Толстый. — Дулина не открывает и не отзывается. И Жанна пропала куда-то.

Люба и Пастух на крыльях любви выпорхнули из гримерки, держась за руки, и присоединились к

банде, в недоумении стоящей у покоев королевы джаза.

— Алиса, Алиса, открывай, — долбил в дверь Саныч, начинающий краснеть от злости.

Не выдержав ответной тишины, он, перекрестившись, резко выломал дверь в гримерку Дулиной. Алиса Марковна спала лицом на столе, сладко похрапывая и никак не реагируя на выбитую дверь и охи вокруг себя.

— Тыфу ты, тоже мне, спящая красавица, — в сердцах сплюнул Пузцо.

— Может, ее поцеловать, — предложил Саныч.

Пастух и администраторы принялись трясти несчастную Дулину как грушу, но та не просыпалась. Зато Пузцо нашел записку на столе, в которой говорилось буквально следующее: «Костик, пой один. Не подводи. Экзальтированная сучка».

— Жаннет. Это Жаннет сделала, отомстила, бестия! — закричал Костя.

— Все пропало! Я так и знал! — заголосил Тонкий.

— Ладно, — вздохнула Люба, — хватит истерить. Я спою вместо Дулиной.

— Ты?! Ты же петь не умеешь, — начал впадать в отчаяние Пастух.

— Я-то не умею? Да я лучше вашей Дулиной пою, понял? И все ваши песни знаю, — гордо ответила Люба, пропев несколько строк из популярного ныне джазового хита настолько хорошо, что все замолкли на несколько секунд, удивленно хлопая глазами.

АНТОН СОЯ

— Быстро на сцену! — очнулись Толстый и Тонкий, выталкивая всех из этого сонного королевства.

Через мгновение «Веселая бригада» и Люба вместе Дулиной стояли на сцене под шквалом аплодисментов беснующегося Дворца спорта. Обалдевшие оркестранты привстали, увидев подмену Алисы, но Пастух виновато развел руками, и все сели на места.

Без лишних церемоний «Веселая бригада» завела новый хит, который вместе с ними подпевала двадцатитысячная толпа москвичей и гостей столицы. Все танцевали и ликовали, на сцену летели цветы и мягкие игрушки. Исполнив новый хит, бригада принялась за старый репертуар. Оркестр виртуозно импровизировал, Костя и Люба, не отрывая друг от друга глаз, заливались соловьями, толпа была в восторге. В финале концерта на сцену выбежала заспанная Дулина, обняла Костю и Любу, и они все вместе еще раз, на бис, исполнили свой главный хит «Давай джазу».

Стены «Олимпийского» содрогались от воплей фанатов, в гримерке под заботливым присмотром Тонкого хрюкала довольная Дуська, а на волнах моря в Южноморске счастливо плескалась Золотая Рыбка в ожидании сетей какого-нибудь старого рыбака...

ЭПИЛОГ № 1

В небольшом сибирском городке пара тусклых фонарей едва освещала улицу, скрывавшуюся под ночной, практически черной пеленой. Небо затянули тучи, и ни одна, даже самая маленькая звездочка не смогла пробиться сквозь эту стену.

В пятиэтажном блочном доме светились несколько окон, в которых видны были синие экраны телевизоров. В тесной гостиной двухкомнатной квартиры прямо на полу перед телевизором расположились четверо бородатых мужиков. Они громко глотали холодное пиво из стеклянных бутылок и шумно переговаривались, комментируя происходящее на экране.

В телевизоре же по главному каналу страны шла прямая трансляция джазового концерта Пастуха и его банды. На сцене прыгала почти не накрашенная Люба, изредка не попадая в ноты и хохоча от этого. Ее волосы забавно растрепались и теперь смешно торчали петухами на макушке. Оркестранты, все как один, светились белозубыми яркими улыбками,

АНТОН СОЯ

а Пастух сиял от счастья и сбывшихся мечтаний. В этот момент из-за кулис, пошатываясь, вышла еще одна барышня, куда элегантней и глаже, чем простушка Люба. Все трое обнялись и спели хит, нашумевший за пару дней по всей стране.

Четверо у телеэкрана, проглатывая очередные полбутылки пива разом, сопровождали увиденное исключительно изобретательной лексикой. Вся команда была наряжена в растянутые тельняшки, кожаные куртки и черные джинсы, полинявшие от количества стирок за столько лет службы. Из-под черных бандан вылезали длинные волосы, а руки украшали серьезные татуировки, заклепанные браслеты и напульсники.

Мужики то и дело стучали массивными кулаками по полу и поднимали взгляды на висящие на ободранных стенах плакаты с изображением Виктора Цоя и Константина Кинчева. Во время очередного оглушительного вопля рокеров в комнату зашел главарь, высокий длинноволосый брюнет в расстегнутом потертом кожаном пальто. Вместо тельняшки на его мощном теле был черный балахон с рукавами, а в рваных на коленях джинсах небрежно торчали булавки. На боку у главаря болталась кобура от маузера, из которого нахально выглядывала бутылка дешевого вина.

— Ну и что вы тут орете? — сурово спросил главарь по кличке Паук, посматривая то на экран, то на товарищей, которые немедленно достали из карманов наганы и принялись их чистить.

216

ДЖАЗ-БАНДА

— Не, ну как эта попса достала уже, а! — завопил бледный и самый толстый рокер со светлыми слипшимися волосами. — Смотри, Паук, они уже и джаз облажали! Когда мы в Москву-то уже рванем и всех на место там поставим, а? Когда уже наш рокерский порядок в стране наведем? Мы банда или не банда вообще, а?!

— Хватит орать! — заткнул главарь разбушевавшегося Пантагрюэля. — Завтра и рванем, пакуйте вещи.

Все четверо, влюбленно посмотрев на своего предводителя, тут же одобрительно загалдели, открывая крепкими зубами очередные пивные бутылки, и вновь уставились в притягательный экран, не уставая плевать и материться.

ЭПИЛОГ № 2

В деревне Пастушкино давно наступил вечер, и по улицам шныряли редкие молодые люди с гитарами и их возлюбленные с букетами из желтых кленовых листьев. На небольшом пригорке расположилось старое обшарпанное здание, неумело выкрашенное розовой краской. Это был сельский клуб. Или, как его еще называло старшее поколение, Дом творчества деревни Пастушкино.

Из-за бетонных стен в клубе всегда была приятная прохлада, старый паркет поскрипывал, а из дырки в крыше в левом дальнем углу капала вода. Над сценой висел огромный старый портрет Есенина в позолоченной рамке, а на самой сцене восседали пятеро мужчин: двое с балалайками, трое с гармониями. Все музыканты, как один, даже самый толстый и красноносый, были похожи на поэта Есенина. У всех были пергидролевые кудри, кумачовые рубахи навыпуск, и только один, самый главный — Сергун, был в угольно-черном блестящем на свету цилиндре.

Мужички уныло пялились в старенький телевизор, в котором по главному каналу страны шла прямая трансляция джазового концерта Пастуха и его банды. На сцене прыгала почти не покрашенная Люба, не попадая в ноты и нисколько не стесняясь этого. Ее русые волосы растрепались и теперь смешно торчали петухами на макушке. Оркестранты, все как один, сверкали белозубыми яркими улыбками, а Пастух просто светился от счастья и сбывшейся мечты. Неожиданно из-за кулис, пошатываясь, вышла еще одна барышня, куда элегантней и глаже, чем простушка Люба. Все трое принялись обниматься и петь свой хит, намозоливший уши всей стране за последние дни.

Главный балалаечник хотел было что-то сказать, указывая своим полным пальцем на телевизионный мигающий экран, но не смог ничего вымолвить, а лишь что есть сил ударил своим инструментом об пол от полноты чувств. Балалайка разлетелась на множество кусков, издав прежде прощальный звон, а Сергун тяжелыми шагами подошел к точильному станку, который располагался за самодельной ширмочкой, и методично принялся точить ножи и топоры.

— Хватит! — взревел бравый молодец Сергун, перекивая точило и попутно становясь пунцовым. — Натерпелись! Доколе на земле русской всякие Дулины-Шмулины, всякие джазы-шмазы, мерикански заразы будут тень на плетень наводить? Где тальянка, где песни русские — лихие, задорные

АНТОН СОЯ

да грустные? Пора нам, братия, в Москву, пусть гармошки с балалайками за Расею запоют, воздух русский мехами да струнами разгоним — плесень всю эту заезжую попсовую смоем, или мы не банда? А? Любо, братцы?

— Ой, любо, — ответил ему товарищ по балалайке, откладывая свой инструмент аккуратно на стол. — Сергун, пора нам в Москву ехать. Наводить русские порядки.

— Ну, значит, завтра, рать святая, выступаем за-светло, — гораздо тише проговорил Сергун и продолжил свое монотонное занятие.

А его кудрявые товарищи продолжили наблюдать за торжествующими Пастухом и его бригадой, счастливыми и довольными, втайне представляя себя на их месте. А что поделать — мы все живем своими мечтами.